

ЭДВАРД

РОМАНО СТАЛИНЕ

РАДЗИНСКИЙ

ИОСИФ СТАЛИН ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ко всем членам партии,
ко всем трудящимся Советского Союза.

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби возносят партию и весь трудящийся Советский Союз, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Советов ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце борца и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесценно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воювала и задала ей, вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был авангардом и вождием Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бесценное дело Ленина, товарищ СТАЛИН являл советский народ к величайшим успехам, вывел социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН превратил нашу страну в лагерь победы над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН возмужал вдумчив и весь народ великой и новой программой строительства социализма в СССР.

Имя всех слов населения — рабочих, колхозников, интеллигентов, массовых ударников — все постоянно ратующих материальных и культурных потребностей всего общества, всегда выдвигавших и выполнявших особые задачи Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что оборонительность и наступательность Советского государства растут и крепнут, что партия во главе Иосифа Виссарионовича Сталина, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно выигрывать войну гитлеровскому и фашистскому лагерю.

Высокой волевым Коммунистической партии и Правительства Советского Союза выдвигались и выполнялись величайшие подвиги обороны и укрепления мира. Борьба против фашизма и развязывания второй войны, политика международного сотрудничества и развития новых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные своему героическому интернационализму, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран мирового демократизма, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющихся за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!
Великой маршальной, революционной силой советского народа и борьбе за построение коммунизма является наша Коммунистическая партия. Сталинское единство и волеводействие олицет-

АПОКАЛИПСИС ОТ КОБЫ

Рядом, в германском лагере вблизи долины Арно и Вогно-Морского Флота, в городах миллионы трудящихся во всех странах мира. В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплываются в великой братской семье под истинным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ знает безраздельное доверие и преданность партии, любви к своей партии Коммунистической партии, тем как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа. Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны мужественно сядут на политику, выработавшую нашей партией, отмеченной величайшим интересом трудящихся, направленной на дальнейшее укрепление коммунизма нашей социалистической Родины. Правильность этой политики Коммунистической партии проверена десятилетиями борьбы, она привела трудящихся Советской страны и исторически победил социализма. Величайшим членом великой партии Советского Союза под руководством партии уверенно идут вперед в новом уделе коммунистического строительства в нашей стране.

Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее укрепление материального благосостоя-

нием — сила и независимость нашей партии. Партия видит одну из своих важнейших задач в том, чтобы воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе выдержки, волеводействия, смелости, в духе неустрашимости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь к вам скорбными днями к партии и народу, выражая полную уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины еще более сплываются и творическую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великий, неистребимый человек — Иосиф Виссарионович Сталин!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!

Да здравствует великий героический советский народ!

Да здравствует наша Коммунистическая партия Советского Союза!

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ о болезни и смерти И. В. Сталина

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникли кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии. В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии. В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

В ночь на третий марта у И. В. Сталина возникло кровоизлияние в мозг (в неглубокой задне-латеральной области лобной и теменной коры). В результате этого возникло кровоизлияние в заднюю часть мозга (задняя часть мозга). В течение нескольких дней болезнь развивалась, и 5 марта Сталин был обнаружен в бессознательном состоянии.

Война, ее начало и действия Иосифа Сталина накануне войны не разгаданы до сих пор. Подозрительнейший из людей, не доверявший даже собственной тени, этот вечный Фома неверующий – доверился Гитлеру!? На самом деле все было куда сложнее...

В новом романе из цикла «Апокалипсис от Кобы» одна из самых страшных тайн истории – тайна Второй Мировой, а также последняя Загадка Иосифа Сталина – его смерть.

- [Эдвард Радзинский](#)

-
- [Война](#)
- [Что задумал Коба](#)
- [Новое прощание с другом Кобой](#)
- [Катя. Последняя встреча](#)
- [Война и лагерь](#)
- [Чудо](#)
- [И я понял – зачем](#)
- [Коммунальная квартира](#)
- [«Бесы»](#)
- [Встреча товарища Кобы с его другом товарищем Фудзи](#)
- [«Так это и есть пионерка Майя?»](#)
- [Новые замыслы богочеловека](#)
- [Очередная тайна Кобы](#)
- [Подарок Черчилля](#)
- [Падение маршала Жукова](#)
- [Холодная война](#)
- [Великий музыковед](#)
- [Великий историк](#)
- [«И дам им отроков в начальники...»](#)
- [С правом на убийство](#)
- [И опять началось!](#)
- [Конец Бенеша](#)
- [Тайна Валленберга](#)
- [Лаборатория X](#)
- [Атомная бомба](#)
- [Мой новый друг](#)
- [Коктейль-холл](#)
- [Вербовка](#)
- [Шутки Кобы](#)
- [Маргарита и Альберт](#)
- [«Вернись!»](#)
- [«Запомните хорошенько – пятьдесят третий»](#)
- [Похищение бомбы](#)

- [Сбежавшая с полотна Боттичелли](#)
- [КОБА ВСПОМИНАЕТ](#)
- [Дар данайцев](#)
- [Несколько слов для истории](#)
- [Михоэлс и Даша](#)
- [Террор начинается](#)
- [Арест «по-семейному»](#)
- [Светанька и Васька](#)
- [«Безродные» евреи](#)
- [Рождение невиданной державы](#)
- [«Гвозди б делать из этих людей»](#)
- [«Можно запускать людей»](#)
- [Новые удары по штабам](#)
- [Дела иностранные](#)
- [Великий Мао](#)
- [Накануне величайшего юбилея](#)
- [Ошибка агента](#)
- [Великий час](#)
- [«Вокруг одни шпионы»](#)
- [«Я могилу милой искал...»](#)
- [Юбилей](#)
- [Конец наследников](#)
- [Новый Родосский колосс](#)
- [Расстрел штабов продолжается](#)
- [«Огромный седой человек плакал в голос, как женщина»](#)
- [Новый палач](#)
- [Ночные забавы Кобы](#)
- [Сверхсекретное задание](#)
- [Третья мировая война](#)
- [Новый роман сочиненный Кобой](#)
- [«Устройство»](#)
- [Труп Гитлера](#)
- [Предсказание Мессинга](#)
- [Сюрприз в «устройстве»](#)
- [Открытие Берии](#)
- [Накануне невиданного процесса](#)
- [Спортивные страсти сына](#)
- [Крах сына и великая мечта](#)
- [Накануне](#)
- [В дни террора](#)
- [Последний съезд Кобы](#)
- [Накануне депортации евреев](#)
- [Последний день его рождения](#)
- [И он наступил – 1953 год](#)
- [Решающий разговор](#)

- [Накануне апокалипсиса](#)
  - [Все сбывается](#)
  - [Новый начальник охраны](#)
  - [«Мужской праздник»](#)
  - [Великая статуя](#)
  - [Число установлено](#)
  - [Завещание Кобы](#)
  - [28 февраля](#)
  - [Главная тайна](#)
  - [Мое расследование](#)
  - [Показания «прикрепленного» Лозгачева. Ночь с 28 февраля на 1 марта](#)
  - [1 марта](#)
  - [2 марта](#)
  - [Что же случилось той ночью? \(версия\)](#)
  - [Реконструкция \(версия\)](#)
  - [Фотографии](#)
-

Эдвард Радзинский

Апокалипсис от Кобы

Иосиф Сталин

Последняя загадка

В издании использованы иллюстративные материалы низкого разрешения, находящиеся в общественном доступе, а также иллюстрации из Немецкого федерального архива и открытых источников США

Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году.

Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем была машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все, записанное мною на протяжении десятилетий... небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться... приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее *тогда и теперь*. Тогда в стране по имени СССР записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное – живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камиля Демулена, и отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах от моего дома Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» – как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три

восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется...» Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше – к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в *ту ночь...* В *ту* судьбоносную ночь, когда *все случилось!* Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих *знаю только я*, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И поверьте, Хозяин – как справедливо звала страна «нашего Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах – старческий запах пота поношенного кителя генералиссимуса».

Подписи не было.

Далее шла рукопись.

Война, ее начало и действия Кобы накануне войны не разгаданы до сих пор.

Коба – подозрительнейший из людей, не доверявший даже собственной тени, этот вечный Фома неверующий – доверился Гитлеру?! Гитлеру, который только и делал, что беззастенчиво лгал, нарушал свое слово. Об этой слепой, глупейшей, необъяснимой вере Кобы вы прочтете в десятках сочинений. Прочтете и о том, как в результате этой веры Коба оказался преступно не готов к нападению, за что страна и заплатила миллионами жизней.

На самом деле все было куда сложнее... Однако по порядку.

В это время Коба редко звал меня. Слежка за мной продолжалась. Открытая, наглая – чтобы я о ней знал. Телефон грубо прослушивался. В воскресенье его попросту отключали – дескать, у нас выходной, и слушать тебя мы не можем. Мой кабинет на Лубянке Берия закрыл на ремонт, и я теперь сидел в Наркомате иностранных дел. Старый знакомец Молотов поручал мне какую-то рутинную, чиновничью работу. Когда я должен был выехать в Париж, мне с усмешкой объявили: «Иосиф Виссарионович очень любит, когда вы переводите ему иностранное кино, поэтому вам следует пока воздержаться от отъездов».

И когда неожиданно выгнали с работы жену, я начал действовать. Свое агентурное имя я закодировал по-новому. Его знали теперь только мои агенты. Я послал им сообщение: «Если нет известий от (далее шло новое имя), вся сеть должна лечь на дно...» Так что если меня отправят на тот свет, моя агентурная сеть автоматически выключится.

Заканчивался сороковой год, но меня не тронули. На Новый год Коба опять меня не позвал. В новогоднюю ночь мы с женой и дочерью посидели немного и в половине первого легли спать. Телефон мой отключили.

С улицы из телефона-автомата я позвонил Кобе – поздравить его. Но меня с ним не соединили.

В начале весны Гитлер принялся захватывать Европу. Напал на Норвегию и Данию...

Как сообщил Корсиканец, на рассвете в пятом часу министры иностранных дел Дании и Норвегии были разбужены немецкими послами. Заспанным министрам объявили, что Германия вынуждена защитить их от угрозы англо-французской оккупации.

Предупредили, что сопротивление бесполезно. В это время корабли и транспорты с погашенными огнями под английскими флагами уже подходили к норвежским и датским берегам.

Дальнейшее я прочел в газетах.

В Норвегии были захвачены один за другим порты Тронхейм и Норвик, немцы беспощадно топили корабли, оказывавшие сопротивление.

У Бергена подоспели на помощь англичане, атакой с воздуха отправили на дно немецкий крейсер. Однако уже к полудню крупнейшие порты и побережье в полторы тысячи миль были в руках немцев.

Правда, захватить Осло с моря немцам не удалось, старинная крепость потопила другой немецкий крейсер и полторы тысячи немецких моряков.

Осло захватили немецкие десантники. После беспощадной бомбардировки небо расцвело парашютами. Десантные группы высаживались с самолетов прямо на крыши укреплений...

Но норвежский король упрямо не хотел сдаваться. Он бежал в горы вместе с правительством и призвал народ к сопротивлению. В одну из редких тогда встреч с Кобой я переводил ему статью из «Таймс». В ней рассказывалось, как немецкие самолеты превратили в горящие обломки деревню, где, по их расчетам, находился король. На самом деле он вместе с правительством отсиживался в горах, в лесу. На этом лесном заседании кабинета король сказал: «Если правительство сочтет нужным принять немецкие условия капитуляции, чтобы избежать войны, в которой нашей молодежи придется отдавать свои жизни, тогда мне придется отречься. Ибо согласиться сотрудничать с врагом я не могу».

Коба выслушал и промолчал.

В следующий раз я увидел Кобу через пару месяцев.

К этому времени Гитлер добился потрясающих успехов. В конце апреля английская бригада, усиленная французами, высадилась в Норвегии. И сразу попала в отчаянную ситуацию. Корабль, нагруженный английской артиллерией, немцы отправили на дно.

Англичане остались с винтовками и пулеметами против немецких орудий и танков. После двадцатичетырехчасового боя под непрерывной немецкой бомбежкой они эвакуировались из Норвегии.

– Говорят, – усмехнулся Коба, – твоему храброму королю пришлось драпать на английском пароходе.

На этот раз промолчал я...

Коба поспешил поздравить Гитлера с «успешными оборонительными действиями в Скандинавии».

«Оборонительные действия» немцев в Дании прошли еще успешнее.

Перед рассветом немецкий транспорт с одним батальоном и техникой преспокойно прошел мимо береговых батарей и вооруженного до зубов форта. Форт охранял вход в гавань. Датские вояки в форте мирно почивали, когда немецкий корабль пришвартовался в пятидесяти метрах от штаба датской армии и в трехстах метрах от королевского дворца. Оба объекта были захвачены без малейшего сопротивления.

Дания – равнинная страна, и семидесятилетнему королю бежать было некуда.

Король сказал немецкому генералу, что он сделает все возможное, чтобы сохранить мир между немцами и его народом.

Вскоре Коба позвал меня переводить очередную кинохронику, присланную Гитлером, – о захвате Норвегии и Дании.

На экране показывали ирреальную войну, похожую на стремительную туристическую прогулку. Только «туристы» мчались на танках и спускались на парашютах – убивать. И вешали флаги со свастикой на домах, а людей – на виселицах.

Просмотрев фильм, Коба остался... доволен! Я с изумлением понимал, что он всерьез воспринимает Гитлера как надежного союзника. Он объявил неожиданное:

– Теперь англичане и французы не нападут на нас из Скандинавии.

Мой великий друг будто ослеп, не осознавал, что из-за разгрома Польши и войны с

финнами мы и Гитлер стоим друг против друга от Черного моря до Северного. И после победы в Скандинавии немцы нависают над нашей северной границей. Благодаря Финской войне у нас под боком, недалеко от Ленинграда, вместо нейтральной Финляндии – ненавидящий враг.

Вместе с Кобой в тот вечер смотрели фильм Берия и Молотов, и поговорить с ним о себе мне не удалось. Я попросил Кобу назначить личную встречу.

– Встретимся как-нибудь, – сказал он насмешливо. И отошел.

Гитлер продолжал поедать Европу. Как он обещал еще в двадцатых годах в «Майн Кампф», он решил уничтожить ненавистную Францию...

Накануне вторжения во Францию, когда немецкая армада двигалась к западной границе, Коба писал в «Правде» (вернее, велел написать): «Народам ныне стало ясно, какую ответственность взяли на себя твердолобые империалисты, отвергнув в свое время мирные предложения Германии и развязав войну в Европе...»

После такой беспардонной лжи как находить либералов, готовых стать нашими агентами из идейных соображений?!

Информатор сообщил мне окончательную дату нападения Гитлера на Бельгию, Голландию и Францию. Впрочем, ее знали все западные разведки. Правительства заинтересованных стран были предупреждены.

Но если Бельгия и Голландия были просто беззащитны, то Англия и Франция оказались совершенно не готовы к немецкому нападению.

Британия занималась перестановками в правительстве (тучный человек с вечной сигарой в зубах – Уинстон Черчилль сменил там жалкого Чемберлена), Франция пребывала в состоянии непонятного спокойствия.

Я сообщил о готовившемся нападении Кобе. Коба снова... был доволен. Сказал, что «сейчас капиталисты обескровят друг друга в беспощадных сражениях, а мы пока воспользуемся военными действиями – получим с мерзавца новую плату за сотрудничество».

События развивались по иному сценарию, все с той же нереальной, пугающей быстротой. Войска Гитлера повторили великолепный польский блицкриг. Уже не с жалкой польской армией, но с французской, считавшейся недавно сильнейшей в мире, он показал, что такое самая исполнительная в мире армия при диктатуре.

Началось все 10 мая сорокового года. Посол Бельгии и посланник Нидерландов были вызваны в немецкое Министерство иностранных дел. Им сообщили уже знакомое датчанам и норвежцам: «В связи с возросшей угрозой нападения англофранцузских войск и для защиты нейтралитета вашей страны от англо-французской агрессии...» и так далее.

В это время германская армия уже перешла границу Бельгии, и немецкие бомбардировщики уничтожали самолеты на аэродромах.

Это была поистине невероятная шестинедельная война. (Хорошо помню поразивший меня и конечно же Кобу фантастический срок – шесть недель на завоевание Франции, Бельгии, Голландии...)

Молниеносным рывком через покрытые лесом Арденны Гитлер обошел неприступную французскую оборонительную линию Мажино. Моторизированные колонны немцев

устремились к Ла-Маншу. Они разрезали пополам англо-французскую группировку, голландские и бельгийские войска капитулировали. Судьба Франции была решена.

Теперь против Гитлера оставалась одна Англия. Маленький остров против захваченного Гитлером целого материка.

Черчиллю было шестьдесят пять лет, когда он возглавил окруженный неприятелем обреченный остров.

Он был стариком, но, как писал один из кембриджских агентов: «Это слово никогда не придет вам на ум. Ибо Черчилль не человек, это – электростанция. Он может один выдуть бутылку виски, сожрать невероятное количество мяса, причем непременно на ночь. Он спит пару часов... если вообще спит. Любой молодой человек от такого режима отправился бы на тот свет... этот становится только здоровее. Вчера в парламенте он сказал: “Все, что могу я вам предложить, это кровь, тяжкий труд, слезы и пот...” Но при этом чаще всего повторялось слово “Победа”! Он произнес как заклинание: “*Победа*, которой мы добьемся любой ценой. *Победа*, невзирая на любые ужасы войны. *Победа*, какой бы трудной ни была к ней дорога...” Теперь всюду, где бы он ни появлялся, его правая рука поднята в приветственном жесте с двумя пальцами, раздвинутыми буквой “V” (victory). Он сделал этот жест самым модным на острове!»

В июне, когда Гитлер вошел в Париж, Коба начал предъявлять ультиматумы.

Коба был стремителен в ультиматумах так же, как Гитлер – на полях сражений.

Захват Парижа мой друг отметил ультиматумами в Прибалтике. Он потребовал создания дружественных правительств в Литве, Латвии и Эстонии. Прибалтика капитулировала.

Когда немецкие войска шли по Парижу, наши войска без всяких боев вступили в прибалтийские страны.

Вместе с ними приехали «суровые парни» (слова Кобы) – наши эмиссары: Жданов – в Эстонию, Вышинский – в Латвию, Деканозов – в Литву.

Новые народные (коммунистические) правительства, созданные под надзором «суровых парней», тотчас распустили прежние парламенты. Вновь избранные народом (под контролем войск и опять же «суровых парней») парламенты примут постановление о вхождении в СССР...

Из Прибалтики потянулись эшелоны с арестованными «врагами народа»...

У меня до сих пор хранится вырезка из «Правды» – «Солнце сталинской Конституции бросает благодатные лучи над новыми народами...»

Коба торжествовал. Я застал его с бумагой в руках. Это было донесение агента Берии из Рима.

– Ревнует товарища Сталина фашист Муссолини, – сказал Коба. – Жалуется Фюреру: «Не участвуя в войне, Россия получила большой выигрыш в Польше и Прибалтике. Я, прирожденный революционер, говорю вам: “Вы не можете жертвовать принципами вашей революции из тактического момента. Еще один подобный шаг – и он будет иметь катастрофический отзвук в Италии”...» Оказывается, неглуп знакомый тебе товарищ Сталин. И шаг... точнее, шаги еще будут. Много шагов! – усмехнулся Коба.

Подписание Францией капитуляции в Компьене Коба отметил также весьма своеобразно.

Графа Шуленбурга разбудили и доставили в Кремль к Молотову в два часа ночи. Он очень хотел спать, но сон пропал, когда Молотов сообщил ему, что мы предъявляем ультиматум Румынии. Молотов с обычным непроницаемым лицом пояснил: мы требуем не только вернуть принадлежавшую царской России Бессарабию (что было предусмотрено секретным протоколом), но и передать нам Буковину (никогда нам не принадлежавшую, о которой в протоколах ничего не говорилось)...

Зачитав текст, Молотов сказал, что Коба просит Фюрера поддержать нас в наших действиях по захвату бессарабской нефти и куска румынской территории.

На следующий день пришла очередь не спать румынскому послу. 26 июня, в два часа ночи, ему вручили ультиматум, подкрепленный выдвижением группировки наших войск к границам Румынии.

Ввод советских войск в Румынию – один из главных источников нефти для вермахта – в разгар битвы с Англией был бы катастрофой для Гитлера. Он уже понял: Сталин никогда не уйдет оттуда, куда вошли его солдаты.

Как сообщил агент, Гитлер устроил истерику и проклинал Кобу.

Но пришлось ему заставить Румынию принять ультиматум. Правда, вместо всей Буковины Риббентроп упросил Кобу занять лишь ее северную часть. Коба согласился. На следующий день после принятия Румынией ультиматума наши войска вошли на приобретенные территории.

К сорок первому году мой великий друг восстановил почти всю империю Романовых. Оставалась одна Финляндия.

Такую плату взял Коба за свою странную слепоту.

Только в конце июня я сумел вновь увидеть его.

Коба смотрел в Кремле очередной подарок Гитлера – кинохронику о разгроме Франции. Я переводил.

Молодые волки на танках, распеваяющие фашистские песни. Все те же жесточайшие бомбежки крупных городов, десанты, низвергающиеся с неба. Торжество блицкрига во всей его красе.

Венцом была церемония подписания французами капитуляции, явно разработанная самим Гитлером.

В Компьене, под Парижем, где в Первую мировую войну французский генерал Фош заставил немецкое командование подписать позорные условия перемирия, находился музей Французской славы. В музее стоял тот самый вагон, где было заключено унижительное для немцев перемирие...

На экране вереница бронированных «мерседесов» въезжала в Компьен. Гитлер в сопровождении Геринга, Браухича, Кейтеля, Риббентропа и Гесса... Они выходят из своих автомобилей, рассматривают монумент: огромный меч победоносных союзников пронзает орла – германскую империю Гогенцоллернов. Гитлер читает вслух надпись на граните: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить». Гитлер смеется в камеру. Отходит от монумента, всем своим видом показывая презрение.

Затем он и его свита входят в тот самый мемориальный вагон, куда уже доставили французов подписывать нынешнюю капитуляцию. Французы явно не ожидали такой

великолепной постановки позора. Они подавлены, растеряны... И, сидя в кресле победителя – французского генерала Фоша, Гитлер принимает капитуляцию Франции.

После чего отправляется в завоеванный Париж. Осматривает Гранд-Опера, подъезжает к Елисейским Полям. Затем – остановка возле Триумфальной арки и могилы Неизвестного солдата... И конечно же Собор инвалидов, где Гитлер долго стоит перед саркофагом Наполеона. Растроганные слова в камеру: «Я всю свою жизнь мечтал посетить Париж. Не могу передать, как я счастлив, что моя мечта сбылась».

(Как сообщил мой агент, Гитлер провел в Париже всего три часа. Он сказал своему любимому архитектору Шпееру: «Когда мы закончим свои строительные планы в Берлине, Париж станет жалкой тенью. И тогда мы разрушим столицу презренных лягушатников».)

Просмотр окончился. Коба не произнес ни слова. Он был мрачен. Вместо истощающей войны с Францией – невероятно легкая победа Гитлера. Теперь ему оставалось добить одинокую Англию и стать абсолютным властелином Европы. После этого мы окажемся с ним один на один. Один на один с яростным Гитлером, возмущенным хитростями Кобы. Мой информатор писал мне: «Гитлер в бешенстве от appetитов Сталина, он кричал: “Марксистский ублюдок нагло воспользовался нашей трудной ситуацией! Пока мы платим кровью и подвигами за новые территории, негодяй придумал получать их даром. Пусть забирает. Мы очень скоро вернем все это!”»

По окончании кинохроники я процитировал Кобе это донесение агента, опустив «ублюдка» и «негодяя». Он выслушал. Строго сказал:

– Гитлер – наш союзник, и никуда ему не деться от этого союза. На два фронта ему не справиться, а он хочет проглотить весь Запад. Как известно, Англия пока сопротивляется. Понятно? Все! Свободен!

Я опять не поговорил с ним о себе.

Между тем Кобе следовало насторожиться. Ибо после завоевания Франции неожиданно был предложен мир Англии. Гитлер объявил: «Я не вижу причин, по которым эта долгая война должна продолжаться. Мне было бы печально увидеть жертвы, которых она потребует».

Гитлер явно давал Англии возможность сыграть роль СССР перед войной с Польшей.

Но это означало, что роль Польши отводилась... нам?!

В это время агент сообщил: Гитлер не только заговорил о мире с Англией, он говорит об СССР как о своем последнем и главном враге... Он даже сформулировал: «СССР – это Клондайк нефти и хлеба, Англия – пустой ящик с дождем».

Я позвонил Кобе и попросил о срочной встрече. Коба снова принял меня в присутствии Бери. Я доложил о полученном сообщении.

– Твой источник, конечно же, английский шпион... – Коба молча походил по кабинету. – Гитлер никогда не заключит мир с Англией хотя бы потому, что Черчилль никогда не пойдет на это. Упрямый пьяница решил воевать до конца. Решительный империалист. Почитай вслух, Фудзи, – и он передал мне лист бумаги. Это был переведенный кусок речи Черчилля. – Читай! Читай вслух!

Я прочел:

– «Пусть мы сражаемся одни. Но здесь, в Лондоне, неприступном городе-крепости, окруженные морями и океанами, на которых царствует наш флот, защищенные мужеством и

преданностью наших летчиков, мы неустрашимо ждем угрожающего нам нападения. Мы будем стоять до конца. Мы будем сражаться на подступах к нашей земле. Мы будем сражаться в полях, на улицах и в горах. Мы никогда, никогда не сдадимся».

– Это не риторика. Английский флот по-прежнему контролирует моря. Английский бульдог вцепился и не отпустит... пока не потеряет свой остров! Вот почему мы все еще позарез нужны Гитлеру. Вот почему немцы сейчас ведут с нами важнейшие переговоры, уговаривая вступить в Тройственный Союз. Мы просим за это проливы Дарданеллы и Босфор. И получим! И тогда Черное море наконец-то станет нашим внутренним морем. – (Гитлер уже делил шкуру неубитого медведя – английскую империю.) – Но Гитлеру не хочется нам все это отдавать. Чтобы мы стали уступчивее, пугает нас нападением. И делает это через твоих агентов, Фудзи. Короче, запомни: немцы – наши друзья, а Черчилль – наш враг. – И, усмехнувшись, как-то значительно добавил: – *Сегодня*.

(Я понимал, что Коба говорил это не для меня. Он убеждал себя... ибо на карту была поставлена страна и его судьба. И некий *завтрашний* план. Этим выразительным «сегодня» он хотел нам это сказать.)

– Еще какие у тебя вопросы, Фудзи? – спросил тогда Коба.

– За мной по-прежнему следят. И я по-прежнему хотел бы знать – почему?

Коба промолчал. И тут Берия, усмехаясь, принял эстафету:

– Кто-то сообщил негодяю Троцкому о том, что будет нападение. Как ты думаешь, товарищ Фудзи, кто это сделал?

– Да кто угодно. Ведь с кем болтали и спали Каридад и ее красавчик-сын, мы не знаем!

Берия сухо возразил:

– Мы о них знаем все, они не болтали. Нехорошо получается. О встрече с Гитлером, известной тебе, узнают в Америке... И об этой операции, известной единицам, среди которых опять же ты, также узнает враг.

– Негодяй ты, Лаврентий Павлович, вот что я отвечу.

– Если он негодяй, значит, хорошо работает, – засмеялся Коба. – Не знаю, как тебе, Лаврентий, а мне кажется, что товарищ Фудзи решил, будто его нельзя тронуть, ведь он друг товарища Сталина. Действительно, это так. Но у товарищей евреев есть поучительная легенда об Иуде – друге-предателе. – И, вздохнув, спросил: – Что будем делать, Лаврентий?

– Надо арестовать, Иосиф Виссарионович.

– Но у него семья... жена Нанико. Маленькая дочь. – Коба изобразил раздумье. Сказал: – Дочь не трогай... отправь к бабке в Грузию. Или в детский дом? Нет, пусть едет к бабке. Все-таки Фудзи – наш земляк... Второй вопрос: за что его судить? Судить, как немецкого шпиона, нельзя – Гитлер обидится. Надо его судить как английского шпиона. Тем более что это правда! Постарайся, Лаврентий, чтобы он признался... но не переусердствуй, не забывай – мы с ним уже старики. Да и грузинская родня замучает нас. У него ведь тысяча родственников! – Коба снова засмеялся. – Ай, ай, Фудзи, да ты испугался?! Шутки перестал понимать. Ладно, иди. – И уже в дверях: – Но он молодец, твой сукин сын.

Я уставился на него в недоумении.

– Черчилль, для которого ты шпионишь. Узнав, что французы капитулируют и передают свой флот немцам, беспощадно расстрелял их корабли! Полторы тысячи вчерашних союзников положил –, и обратился к Берии. – Об этом, Лаврентий, Фудзи первым рассказал с восторгом. Он все мне рассказывает про своего Хозяина. С началом налетов Черчилль залезает на крышу и демонстративно-спокойно курит сигары. Нет, Фудзи, ты прав, твой

Империалист попортит немцам много крови. Он настоящий сукин сын! Так и передай ему.

Мне седьмой десяток, я грузинский старик, но он постоянно делал из меня шута.

Я возвращался домой в ярости. Потом ярость прошла, и остался... страх. Я ведь точно знал: он *не* шутил. Он посадит! И скоро!

Некоторое время он меня не звал. Иностранные фильмы переводил его главный переводчик Павлов.

Гитлер зверски бомбил Лондон, одновременно призывая к миру своих сторонников в Англии: «Не ждите, пока Черчилль удерет в Канаду, надо свергнуть его сейчас и заключить мир. Ваш Черчилль – безумный вечно пьяный идиот, ибо только слабоумный решится сражаться с Германией в одиночку».

Угрожал высадкой десанта. Черчилль в ответ пообещал немцам, коли они высадятся, великую резню и газовые атаки на острове.

Что задумал Коба

Коба велел мне переводить английские газеты. Помню восторженные сообщения о том, как английские самолеты беспощадно бомбили Берлин. То, что уже пережила вся Европа, увидела наконец и столица Рейха. Это стало шоком для немцев: впервые после 1914 года война опять пришла в Германию.

В ответ взбешенный Гитлер предпринял невиданную бомбардировку Лондона. Гигантский столб огня поднялся над столицей. Последовали новые ночные налеты – непрерывный бомбовый террор. Но англичане стояли насмерть. В этих массивных налетах на Лондон десятки немецких машин сгорели в лондонском небе.

Английские налеты на Берлин продолжались.

Через какое-то время мой агент сообщил, что Гитлер дал секретнейшую директиву: «Прекратить готовить вторжение в Англию, но продолжать изображать его подготовку и непрерывные бомбежки как средство давления». Теперь Гитлер беспрестанно заявлял: «Англичане рано или поздно убедятся, что с нами бесполезно воевать и лучше встретиться и договориться о мире. Я буду великодушен. Я не хочу уничтожать британскую империю. Я желаю мира».

Он сражался с островом уже одной рукой и явно торопился освободить другую. Можно не спрашивать, для чего, ведь кровавый безумец не мог не воевать!

Я не понимал тогдашней беспечности Кобы! Неужто мой никому не веривший друг всерьез доверился «союзнику Гитлеру»?

Кажется, именно в тот момент был назначен новый британский посол в Москве.

Коба принял его, как обычно, ночью...

На следующий день он позвал меня. В кабинете находился Молотов. Видимо, они обсуждали вчерашний прием.

– Твой хозяин Черчилль прислал к нам левака-лейбориста. Угождая моим вкусам, скрепя сердце, послал его империалист Черчилль, мечтавший когда-то нас задушить. Но теперь его самого душит товарищ Гитлер, и империалисту очень нужен товарищ Сталин. Так что твой хозяин через своего посла пугал нас горькими предположениями о возможной агрессии Германии против СССР. Значит, Вячеслав, мы дадим пряник немцам. А то они расстроены после Буковины. Пошлешь им памятную записку. Пиши... «Новый английский посол господин Криппс убеждал нас, что Германское правительство стремится к гегемонии в Европе... и что нам вместе с Англией нужно выработать общую политику защиты от Германии. В ответ товарищ Сталин сказал... Двоеточие... кавычки... Я слежу за политикой Германии, хорошо знаю нескольких ее деятелей. И не обнаружил с их стороны ни малейшего желания поглотить европейские страны. – (Это после захвата всей Европы!) – Я не считаю, что военные успехи Германии представляют угрозу СССР и дружественным отношениям с Рейхом...» – с усмешкой диктовал Коба.

Получив эту памятную записку и сердечно поблагодарив Кобу, 31 июля 1940 года Гитлер созвал совещание в Бергхофе. О содержании его речи я узнал уже после войны: «Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнет Россия, то Америка отпадет. Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Вывод: в соответствии с этим

рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года. Операция будет успешной, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком».

В это время мои агенты сообщили, что в Польше к нашей границе перебрасываются десять пехотных и две танковые дивизии.

Прежде там стояло всего семь дивизий (остальная армия была на Западе). Парадокс, но нам тогда был открыт путь на Берлин – так Гитлер верил Кобе. И вот...

Не успел Коба задуматься, как Шуленбург информировал Молотова, будто в Польше происходит замена возрастных контингентов, старые солдаты сменяются молодыми.

– Ну вот, – сказал Коба. – Опять оплошал твой агент.

Почему они размещаются теперь у нашей границы, я спросить не решился.

Однако отношения с Германией явно становились напряженнее.

И в ноябре все того же сорокового года Коба отправил Молотова в Берлин.

Помню, в темном зале обычного кинотеатра я смотрел кинохронику, которую всегда показывали перед художественным фильмом... Берлинский вокзал, Молотов выходит из поезда – мягкая шляпа, интеллигент в пенсне. На перроне у поезда ждут «наши друзья» – Риббентроп, Гиммлер. Выстроился почетный караул... И вот уже советского наркома Молотова торжественно принимает Гитлер.

Коба был прав. Зал не удивлялся. Зал давно отвык обсуждать виденное и окончательно забыл, что такое негодовать.

Визит Молотова проходил в самой дружеской атмосфере – обсуждали возможность СССР присоединиться к Тройственному Союзу (Германии, Италии и Японии) и наше участие в нападении на Англию. А также план раздела владений Британской империи после поражения Англии.

Англичане знали тему переговоров, хорошо подготовились к ним и постарались доказать, что рано делить шкуру неубитого медведя...

Сперва все шло гладко. В честь нашей делегации Гитлер дал завтрак в Рейхсканцелярии. Дальнейшее описал мой агент.

Молотов устроил ответный прием в нашем посольстве. Среди высоких гостей присутствовали сопровождавший Молотова заместитель Берии Меркулов и рейхсфюрер СС Гиммлер. Так встретились руководители СС и НКВД.

Открывая торжество, Молотов поднялся и предложил тост за Риббентропа, и в этот момент завывли сирены. Началась воздушная тревога!

При первых звуках сирены пугливый Риббентроп буквально выскочил из-за стола. За ним – остальные. Пестрая толпа наших и немецких чиновников понеслась по Унтер-ден-Линден. Они шустро свернули за ближайший угол – там находилось бомбоубежище немецкого МИД.

В тот день Черчилль продемонстрировал Кобе: англичане не только выстояли, они зверски бомбят Берлин.

В бомбоубежище Риббентроп как ни в чем не бывало попытался продолжить делить английские колонии. Сверху доносились непрерывные оглушительные звуки разрывов мощных бомб. Глупец не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Все эти бомбы не стоят внимания, господин Молотов. С Англией, считайте, мы покончили.

– Тогда почему мы здесь сидим? – усмехнулся Молотов.

По возвращении Молотов без комментариев описал всю сцену.

– Остроумный человек, товарищ Молотошвили, – сказал Коба. – Но стоит ли народному комиссару иностранных дел сердить нашего союзника? – Он подмигнул – дескать, конечно, не стоит, но ты молодец, так им! После чего добавил: – Мне тут немецкий посол с негодованием поведал слова Империалиста. Оказывается, сукин сын Черчилль запрещает своим летчикам бомбить жилые кварталы Берлина, они бомбят только военные объекты. Нет, не из человеколюбия! Империалист сформулировал: «Сначала – дело, а удовольствие – потом...» Удовольствие – это бомбы на головы домохозяек! Каков! Жестокий человек! Но другим в нашем веке нет места в политике.

И в глазах – восхищение! Пожалуй, тогда я понял: Черчилль ему не просто нравится. Мой друг уже что-то обдумывает.

Во второй половине декабря сорокового (кажется, это было девятнадцатого, но проверьте) я получил самое сенсационное сообщение агента. «Вчера в Рейхсканцелярии Гитлер подписал директиву № 21». И описание директивы.

Это был план молниеносной войны против СССР. План операции, которая сначала разрабатывалась под именем «Отто», а теперь получила новое название – «Барбаросса».

Уже на следующий день Ефрейтор прислал большую цитату из последнего доклада Гитлера: предполагалось немецкое наступление на гигантском фронте в полторы тысячи километров. Первые цели – отторжение от СССР житниц Украины и нефтеносных районов на юге. Венцом операции Гитлер считал захват Москвы, что «означает экономическую и политическую победу, не говоря уже о падении самого важного железнодорожного узла страны». «Приготовление к операции следует закончить к 15 мая 1941 года. Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советы в ходе кратковременной кампании...» Гитлер закончил докладывать словами: *«Когда начнется план “Барбаросса”, мир затаит дыхание... и промолчит».*

Как всегда в подобных случаях, я тотчас позвонил Кобе, попросил встречи в связи с важными обстоятельствами.

– Опять важные и чрезвычайные? Может, ты хочешь сообщить о «Барбароссе»? – он засмеялся (значит, до меня сообщили!). – Ты мне надоел, старый мудака. Занимайся лучше своими бумажками в Наркомате. – (Мне поручили читать отчеты наших послов.) – И зазубри: Гитлер – наш союзник и на нас не нападет. – Гудки в телефонной трубке.

Итак, он все знал! Скорее всего, от Берии. Или от вернувшегося из Берлина Молотова. Должно быть, во время визита сами немцы ему тогда сказали. На случай, если мы узнаем. И наверняка сказали все то же: дескать, «Барбаросса» – план для англичан, чтобы усыпить их бдительность, ослабить сопротивление.

Наступил новый, 1941 год. Встречали опять дома, по-семейному. Нежность к Нанико... Я последнее время спал только с любовницами. Но в ту ночь снова был с женой. Будто чувствовал: скоро мы не будем вместе.

Она сказала:

– Думала, уже никогда не случится этого. – И заплакала.

В начале марта я получил очередное сообщение из Берлина: «Гитлер намечает на весну нападение на СССР. Фюрер сказал, что должен торопиться, *ибо Сталин готовит нападение на Германию*».

Я рассказал об этом Кобе. Он ничего не ответил, только пожал плечами.

Между тем в наших отношениях с Германией продолжалось похолодание. Гитлер ввел немецкие войска на территории Румынии, Финляндии и Болгарии, естественно, по просьбе этих стран. Они стояли теперь у наших границ, и немецкие самолеты стали регулярно нарушать их.

В апреле состоялось удивительное событие. В Москву приехал японский министр иностранных дел Мацуока – заключить договор о нейтралитете. До этого, как известно, на наших восточных рубежах не раз возникали военные конфликты с японцами. Японцы долго вели безуспешные переговоры с Кобой. Мацуока то покидал Москву, то возвращался. Кажется, они хотели получить нашу часть Сахалина или для начала взять ее хотя бы в аренду, точно не помню. Но помню, что Коба – ни в какую! Мой друг не умел отдавать. К тому же он отлично знал, что нужен японцам. Как и Гитлер, они не желали и не могли вести войну на два фронта. Им важен был мир с могучим соседом – СССР. Им требовались свободные руки – чтобы начать захватывать колонии Англии, Франции и Голландии в Юго-Восточной Азии и, конечно, американские Гавайи.

Договор о нейтралитете был подписан.

13 апреля Мацуока уезжал. Коба устроил ему беспрецедентные проводы.

Мацуока прогуливался по перрону вместе с Шуленбургом, немецкими и японскими дипломатами, когда на перроне появились Коба и Молотов.

Коба подошел к немцам, дружески положил Шуленбургу руку на плечо. И, приобняв посла, проникновенно сказал: «Мы должны оставаться друзьями, и вы обязаны сделать для этого все!» Обласкал Коба и немецкого военного атташе...

После чего все прошли в вокзальный ресторан. Здесь он поднял тост за дружбу трех наших стран. Тостов было много. Молотов и Коба «на дорожку» так напоили японского министра, что в вагон его вели под руки. Отправление поезда задержалось на час...

Я прочел об этом в газетах в Швейцарии, куда ездил на встречу с агентом. Газеты были уверены, что Коба заискивал перед Гитлером.

Я знал Кобу. Он слишком заискивал, *значит, что-то готовил*.

В апреле я начал получать регулярные донесения агентов об одном и том же.

2 апреля информатор писал: «Гитлер весной вторгнется в СССР».

14 апреля: «Нападение произойдет, но после разгрома Югославии и Турции».

Однако периодически Гитлер ловко сбивал напряжение.

24 апреля тот же агент сообщил: «Гитлер отказался от вторжения в СССР».

Каким радостным выглядел Коба! Вместе с Молотовым в тот вечер посетил любимый Большой театр.

30 апреля: «Нападение – дело решенное».

Коба насвистывал любимую «Сулико», когда 4 мая поступило сообщение: «План

нападения на СССР отменен».

Но он уже ничего не пел 9 мая, когда мой агент доложил: «Нападение отнесено на середину месяца».

16 мая я получил очередное известие: «К нападению все готово».

Все это время военные сообщали Кобе о беспрецедентной концентрации немецких войск на нашей границе.

Кажется, именно тогда отправился в Берлин посол Шуленбург. Как сообщил мой информатор, на встрече с Гитлером он горячо убеждал того в миролюбии Кобы. Гитлер сказал: «Сталин азиат, от которого всегда надо ждать подвоха. Сталин наполовину – животное, наполовину – гигант. Он готовит войну и сожрет Европу, как во времена гуннов».

Шуленбург возражал: «Сталин не пошел против нас с Англией и Францией, когда они были сильны. С кем ему идти сейчас против нас, когда они разгромлены, а сильны мы? Сталин хочет мира и готов пойти на всяческие уступки».

Гитлер промолчал.

5 мая Коба держал речь перед выпускниками военной Академии, молодыми командирами Красной Армии. Речь была только для внутреннего пользования и не публиковалась. В «Правде» печатали лишь выдержки. Эта речь меня изумила. Я отлично понимал: содержание ее Гитлер наверняка узнает.

Не мог не понимать этого и Коба.

Тогда зачем он ее произнес?

В середине мая я получил, должно быть, самое важное донесение из Берлина. Это была «аналитическая сводка», составленная для Гитлера. Привожу ее в своем пересказе.

«Сразу после заключения пакта о ненападении Сталин начал готовиться к войне с Рейхом. Именно тогда по личному его указанию стал разрабатываться план мобилизационного развертывания Вооруженных Сил СССР. Главное сосредоточение усилий планируется на Западном фронте. В Полевом уставе 1939 года Сталин велел написать: “Красная Армия будет самой *нападающей* из всех когда-либо нападавших армий”. С момента заключения пакта лихорадочно наращиваются вооружения и разворачиваются новые и новые дивизии у нашей границы. Мощнейший военный кулак создан на границе с нашим союзником Румынией. Удар готовится по жизненно важным для промышленности Германии нефтяным районам. В феврале этого года состоялась партийная конференция, на которой Сталин велел увеличить объем военной промышленности на 17–18 процентов. На территории Кремля, в Москве и в городах европейской России срочно строятся бомбоубежища, Сталин приказал вести работы круглосуточно. В начале мая он выступал перед выпускниками военной Академии – командирами Красной Армии. На банкете произнес маленькую речь. “Дело идет к войне, и противником будет Германия. Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, – теперь надо перейти от тактики обороны к наступлению...” и т.д. Вместо этой подлинной речи главная газета большевиков “Правда” напечатала краткий ложный отчет. Разработан сверхсекретный проект создания Ставки Главного командования. 15 мая в войска была направлена директива Политуправления: “Иногда дается ложное толкование о войнах справедливых и несправедливых. Якобы, если страна первой напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой. И наоборот: если

страна подверглась нападению и лишь обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Они искажают главную истину: *всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет справедливой*. Многие политработники забыли указание Ленина: «Как только мы будем достаточно сильны, *чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот*»».

В конце этой аналитической сводки подведен итог: Россия собирает силы для будущей войны с Германией. Германия должна поспешить.

Вот тогда, читая эту сводку, я окончательно понял: заключая пакт с Гитлером, Коба толкал его на новые завоевания. И пока Германия разоряла и уничтожала капиталистическую Европу, Коба получил время подготовиться к Большой войне... с Гитлером. Коба был уверен, что Гитлер увязнет в европейских войнах, и, как в наших детских играх, подготовившись к войне, Коба внезапно нападет на него. Победив Гитлера, он станет освободителем Европы. И тогда на очереди – «СССР всей Европы»! А дальше – «только советская нация будет, и только советской нации люди», как обещал поэт. Великая мечта Ленина, мечта всех убитых им большевиков станет явью. Вот что задумал мой великий друг!

Но даже великие шахматисты допускают великие ошибки. Вместо Германии, которую должны были обескровить войны с европейскими странами, с нами теперь граничила мощнейшая Германская империя, поглотившая всю Европу и заставившая ее трудиться на себя. И желающая нас уничтожить! Если Коба выполнял свой план перевооружения на сто процентов, то Гитлер, благодаря миру с Кобой, – на тысячу!

Теперь Коба старался изо всех сил отсрочить столкновение с Гитлером.... продолжая тайно готовиться к неминуемой в будущем войне. Но если тайно, то возникал этот вопрос: зачем он произнес ту речь перед выпускниками военной Академии?

Когда я увидел его на следующий день, он уже все знал про аналитическую сводку (агенты Лаврентия отлично работали). Взглянул на меня и, как часто бывало, усмехаясь, ответил на мой немой вопрос:

– Зачем была речь на выпуске Академии? Чтобы гадал сукин сын Фюрер, как и мы гадаем: а вдруг нападем? Чтобы жизнь ему масленицей не казалась! Чтобы не он один нас пугал, но и мы его немножко попугали. Я ему письмо думаю написать. Рассеем страхи товарища Фюрера. Но и о своих страхах спросим его...

Мой агент вскоре сообщил, что Фюрер получил письмо от Кобы. О содержании узнать не удалось.

В мае пришло сообщение от нашего агента в Японии – некоего Зорге. Этот Рихард Зорге – тайный член немецкой компартии, внук сподвижника Маркса. Он работал в Японии под видом нацистского журналиста и регулярно поставлял нам разведывательную информацию. Зорге писал, что Гитлер определил окончательно срок нападения на СССР – июнь. И просил меня лично передать это товарищу Сталину. Он уже сообщал об этом в Центр, но у него сложилось ощущение, что ему не доверяют и его сообщения Сталину не передают.

Я позвонил Кобе. Он велел приехать на Ближнюю дачу.

В домике, где стоял бильярд, Коба молча гонял шары.

Берия и Молотов сидели около стола рядом и чинно слушали сообщение из черной

тарелки радио, прикрепленной на столбе у двери. Немецкие войска высадились на Балканах. Гитлер напал на Грецию и Югославию...

Я сел рядом с ними.

– Надо сказать соответствующим товарищам: поменьше таких сводок по радио. Не следует нервировать советский народ сообщениями о войнах, – обратился Коба к Берии, продолжая гонять шары. И потом ко мне: – Ну, что у тебя стряслось?

Я рассказал о Зорге.

– Как ты понимаешь, его сообщения мне передают тотчас. Думаю, сам Зорге отлично это знает. Знает он также, почему ему не следует верить. У него жена – шпионка, арестована... дала показания, сам он отказался вернуться в СССР.

– Какая же у вас память, Иосиф Виссарионович, – заметил Берия.

Он никогда не стеснялся льстить. Как сам потом объяснял мне: «Здесь не бывает “пере”, бывает только “недо”».

– Твердая память, Лаврентий. И поэтому зададим вопрос: «Должен ли товарищ Сталин верить человеку, отказавшему вернуться на Родину? Жена которого – разоблаченный враг народа?» Кстати, империалист товарищ Черчилль упорно сообщает мне о том же – повторяет этого самого господина Зорге. Но что же мы видим? Скоро наступит лето, а Гитлер... вдруг начал войну на Балканах! Когда ж ему на нас нападать? Если он на Балканах, то на нас сможет напасть *не ранее конца лета*. Значит, Гитлер должен подготовиться к русской зиме. Значит, ему уже сейчас пора шить зимние тулупы. Для этого нужны бараньи шкуры. Тулупов потребуются миллионы... А это значит – массовый убой скота, и цены на баранье мясо должны резко пойти вниз. Но резко вверх – цены на бараньи шкуры. Я попросил Лаврентия узнать... Ну и как у нас обстоит с этим, Лаврентий?

– Ничего похожего, – с готовностью ответил Берия, – все как обычно.

– Из этого даже наш мудак Фудзи сумеет сделать правильный вывод...

Он еще погонял шары, потом сказал:

– Неужели не ясно, куда метит Гитлер? Захватив Грецию, он оттуда уничтожит англичан в Египте, затем – марш в Индию, что будет означать конец британской Империи... Вот чего боятся господа империалисты, желая столкнуть нас с Гитлером, остановить Гитлера нашими руками. Вот для чего подбрасывают ложную информацию, а болван Фудзи нас ею кормит. Товарищ Сталин – марксист и потому уважает экономику. Он спрашивает: может ли Гитлер воевать с несколькими странами, чей потенциал в сумме несоизмеримо больше потенциала Гитлера?

– Не может, товарищ Сталин, – ответил Берия.

– Правильно. Товарищ Сталин разговаривал с Гитлером. Гитлер умен и хитер. Может ли умный политик пуститься на такую авантюру? Чтобы избежать битвы на два фронта, умный Гитлер отдал нам половину Польши, всю Прибалтику и часть Румынии... Зачем же ему сейчас становиться идиотом? Итак, зная все это, должен ли товарищ Сталин верить предостережениям империалиста Черчилля и какого-то предателя?

Наступила очередь Молотова поддержать послушный хор:

– Не должен, Иосиф Виссарионович.

– К тому же товарищ Сталин не забыл о давней ненависти Черчилля к стране Советов. Запомните: ему необходимо втянуть нас в войну. Англия сражается из последних сил. Так что же, бросимся помогать Черчиллю?

И все мы торопливо, как школьники, почти крикнули:

– Нет!

– Впрочем, товарищу Черчиллю ошибаться не впервой. Он как-то замечательно сказал: «Хороший политик должен уметь предсказывать события. Но, главное, впоследствии он должен уметь объяснить, почему эти события не произошли!» – Коба прыснул в усы и спросил Молотова: – Ну, что у тебя нового в твоём капиталистическом бардаке?

– Черчилль молит Америку вступить в войну.

– Америку решил втянуть в войну мольбами, а нас – дезинформацией, – не унимался Коба.

(По тому, как вновь и вновь возвращался он к этой несложной мысли, я понял, что он в ней сомневается.)

Коба замолчал и ударил по шару. Шар влетел в лузу. Он несколько раз подряд загнал шары в лузу, почти не целясь.

В это время вошел «прикрепленный»:

– Товарищ Сталин, певцы прибыли.

– Пусть заходят, – сказал Коба и пояснил: – Сейчас – небольшой отдых. Товарищам дали заказ на военные песни. У нас мало хороших песен *о войне и, главное, – о победе...* – Что-то вспомнив, обратился к Берии: – Вот что, Лаврентий... В «Правде» напечатано выступление летчика Байдукова, – Он взял со стола газету и прочел вслух: – «Какое счастье и радость будут выражать взоры тех, кто здесь, в Кремлевском дворце, примет последнюю Республику в братство народов всего мира! Я ясно представляю наши бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, склады и позиции противника... штурмовики, атакующие ливнем огня... десантные корабли, высаживающие дивизии...» Разберись с дураком из «Правды», который это напечатал. И гони его в шею... Товарищ Байдуков сказал точные слова, но они сейчас не для печати...

– В результате таких глупостей в Берлине и начинают беспокоиться, – ввернул Молотов.

– ...Подготовь, Вячеслав, сообщение о закрытии в Москве посольств государств, враждебных Германии... Посольства Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии. Гони их тоже в шею из Москвы, и шпионов будет поменьше. Как идет сооружение бомбоубежища в Кремле?

– Работы ведутся круглосуточно, – ответил Берия, – через два месяца все будет готово...

Вошли певцы – все молодые люди. Начали строиться вдоль стены. Шепотом переговаривались, как в храме... На лицах от волнения – ни кровинки.

По знаку старика-хормейстера грянул хор: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет...»

Коба захлопал, и мы, как всегда, за ним. Певцы поклонились и по знаку сопровождавшего офицера НКВД, стараясь ступать на цыпочках, удалились вместе с хормейстером. Хормейстер уходил, пятясь к двери, смешно кланяясь. От усердия и восторга он чуть не упал.

Коба сказал:

– Надо устроить конкурс на лучшие песни о войне и о победе. Награждать будем щедро. Товарищи работники искусств – большие любители денег и орденов. – И пропел: – «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...» Неплохо!

Получив успокаивающий ответ Гитлера, Коба поторопился показать, как он верит ему.

14 июня последовало заявление ТАСС: «В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии напасть на СССР лишены всякой почвы. Это очевидный абсурд. Что касается намерения СССР напасть на Германию, эти слухи столь же лживы и провокационны...»

Вскоре я получил донесение Корсиканца: 14 июня Гитлер провел заключительное совещание по плану «Барбаросса». Гитлер говорил с одиннадцати часов дня до семи вечера, но что он говорил, для информатора осталось неизвестным.

Я доложил об этом Кобе. Коба обматерил меня и велел мне заткнуться раз и навсегда. После чего рассказал об ответе, полученном от Гитлера:

– Мерзавец ответил доброжелательнейшим письмом. Пишет о важности нашей дружбы. Объясняет, что концентрация войск у советской границы на самом деле направлена против Англии. Это военный контингент, который формируется для решающей высадки на остров, и эти войска выполняют ряд необходимых приготовлений и тренировок. Он собирает их у наших рубежей и широко распространяет дезинформацию о готовящемся нападении на СССР, чтобы уберечь их от налетов английской авиации и обеспечить внезапность нападения. Предлагает вновь встретиться и просит впредь не обращать внимания на слухи, которые, возможно, будут усиливаться. Надеюсь, теперь ты пошлешь своих агентов к ебаной матери! – сказал Коба.

В это время вошел киномеханик.

– Заряжайте, – велел Коба, и мы пошли в просмотровый зал.

Оказалось, в Узбекистане работала научная экспедиция. Тот самый скульптор-антрополог Михаил Герасимов (когда-то восстановивший лицо Ивана Грозного) попросил открыть гробницу Тимура. И восстановить лицо величайшего завоевателя. Большой любитель истории Коба согласился. Вчера Герасимов вскрыл могилу. Коба захотел увидеть всю церемонию. Для этого в Самарканд послали съемочную группу...

Начался показ. На экране – Самарканд и купол мавзолея Гур-Эмир.

Герасимов (сильно постаревший) спускается в склеп, освещенный прожекторами. Рабочие окружают гробницу. Гигантская мраморная плита сдвинута. Камера заглядывает в саркофаг, в темноте его виден гроб, покрытый истлевшим покрывалом. Герасимов объясняет в кадре:

– Тимур умер далеко от Самарканда, и к месту погребения его привезли в этом гробу.

Старик – видно, служитель в мавзолее, что-то страстно говорит по-узбекски. Насмешливый голос Герасимова за кадром:

– Местное суеверие запрещает нарушать покой «Тимура, бога войны». Этот старый узбек просит не открывать крышку гроба. Иначе, по преданию, на третий день вернется Тимур с войною...

До сих пор вижу, как на экране все собравшиеся в мавзолее добро смеются над словами старого узбека...

Из крышки гроба выбивают огромные гвозди. Снимают ее. Герасимов подходит к открытому гробу... Торжественно достает череп Тимура и долго держит его перед камерой. Череп бога войны глядит с экрана, зияя пустыми глазницами...

Экран погас. Но Коба... Коба был бледен! Он тихо сказал Берии:

– Кто позволил им с *этим* шутить! Какие примитивные идиоты! За всем следить надо самому!

Продолжая усыплять Кобу, Гитлер сделал очередной ход. В Москву приехал немецкий балет и солисты Берлинской оперы.

Посол Шуленбург пригласил Молотова в посольство на торжественный прием по случаю этого события. Коба отправил на прием и меня.

Мероприятие прошло великолепно, среди гостей были наши солистки балета. По моему заданию одна из них попросилась в туалет. Он помещался внизу – в подвале, недалеко от гардеробной сотрудников посольства.

Проходя, она увидела в гардеробной комнате горы чемоданов – сотрудники посольства готовились к отъезду.

Все это я рассказал Кобе. Коба промолчал, но стал темнее тучи.

21 июня в девять вечера Молотов вызвал посла Шуленбурга, и состоялась странная беседа. Молотов прочел ему заявление нашего правительства: «Имеется ряд признаков, что немецкое правительство недоволио советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны. Советское правительство не в состоянии понять причины недовольства германской стороны и было бы признательно, если бы вы их изложили».

Шуленбург ответил, что не располагает никакой информацией о недовольстве своего правительства. Более того, ему передали слухи о желании Фюрера устроить встречу наших вождей («фюреров» по-немецки).

Молотов тем не менее попросил Шуленбурга срочно передать в Берлин запрос нашего правительства.

В ночь с пятницы на субботу я получил шифровку: «В Берлине стоит отличная погода. Воскресенье обещает быть очень *жарким*, и многие берлинцы приготовились отправиться за город – в парк Потсдамского дворца». На языке шифра это означало: «Война начнется завтра, в воскресенье».

Я немедленно позвонил на Ближнюю, попросил о встрече. Коба понял, сказал:

– Опять... твои провокаторы. Приезжай.

Когда я вошел, он с порога, без приветствия, поинтересовался:

– Ну, чем еще твой Гитлер решил нас напугать?

Он плохо выглядел, глаза воспаленные, красные, лицо землистое – видно, не спал.

Я рискнул ответить:

– А если все-таки *не* пугает? Но знает: мы уверены, что он пугает. Ведь ему нужна та самая внезапность, так удававшийся ему прежде блицкриг.

– Замолчи, мудака!..

Мы молча пили чай. Я видел: Коба мучительно думал... и ненавидел меня.

В это время пришел Вася, в летной форме.

– Садись, выпей со стариками чаю.

Вася сел. Коба смотрел на сына нежными влюбленными глазами старого грузина.

Сказал мне:

– Видал, Васька-летчик! Важный человек! Как мчатся годы! Еще недавно под стол пешком ходил. Уже успел, дурак, жениться. Детей успел наделать... сам будучи...

Вася молча улыбался.

– Жена – хорошая женщина. Знаешь, как он за ней ухаживал? Ну, давай, не стесняйся.

– Летал над самым домом на бреющем полете. Сказал, что крышу снесу, если не выйдет, – засмеялся Вася.

– Чкалов под мостом летал, в конце концов погиб. Теперь этот над домом... Но жениться в девятнадцать! Балда! Я сказал ему: «Женился – черт с тобой! Если хорошая девушка, мы все будем любить ее. Только мне ее жаль, вышла за такого идиота».

Вася по-прежнему весело улыбался – пусть ворчит отец, ведь любит...

– Но летчик, говорят, хороший. В Люберцы его отправили на стажировку. – (В Люберцах стоял наш «дворцовый гарнизон» – привилегированный летный полк, участвовавший в воздушных парадах. В полку были собраны истинные асы.) – Цуканов... – (знаменитый летчик), – учит его. Написал мне: «Васька – способный летчик, но из-за пьянства у него будут неприятности...» Кстати... ну-ка дыхни!

– Ну, отец! – взмолился Вася и осторожно дыхнул.

– Представляешь, уже! Днем! Слушай внимательно: будешь продолжать – убью! Ты понял? Пьяный – всегда мудака. Повтори!

Вася повторил.

– Теперь главное. Тебе что, молодой жены мало? Ты почему увел жену у режиссера... – (Коба назвал знаменитое имя).

– Сама захотела.

– Где ты ее спрятал?

– На даче. Не я, она сама спряталась от мужа.

– Значит, так. Твои действия: вернешь мужу жену, сам и пойдешь на гауптвахту за пьянство и блудство. Ступай, сукин ты сын! – приказал Коба все с тем же счастливым лицом.

Васька ушел, очень довольный собой.

– Говорят, герой в глазах своей части... Пьет, баб ебет. Отлично летает. Как нам с тобой понять его? Особенно мне... – И повторил любимое: – Я ведь сын сапожника, а он – сын товарища Сталина. – Помолчал, потом вдруг спросил: – Неужели... нападет?!

Я не успел ответить. В этот момент опять позвонили. Коба выслушал и сказал:

– Пошлите вашего фельдфебеля... – бросил трубку. – Совсем ополоумели! Какой-то немецкий фельдфебель-перебежчик заявил, что война начнется завтра на рассвете. И все верят! – Какая ярость, ненависть... и боль была в его глазах! – Поедешь со мной.

Мы поехали в Кремль.

В приемной его ждали нарком Тимошенко, начальник штаба Жуков и заместитель Ватутин.

Они вошли в кабинет, а я остался в приемной. Через час они вышли, он вызвал меня. Был мрачнее тучи:

– Верят, что Гитлер нападет, мудаки... «Гитлер скопил у нашей границы огромные силы...» Им говоришь: Гитлер нас предупредил и объяснил задумку – чтобы на голову его солдат не падали английские бомбы, он формирует новые дивизии у нашей границы. И распространяет слух, будто делает это, чтобы напасть на нас. Поэтому империалист Черчилль, поверивший в эту дезу, шлет нам свои предупреждения... Он обещал нам, что уже в мае Гитлер нападет на нас. Число тогда даже назвал. Именно в тот день в мае Гитлер напал на Крит и прогнал оттуда англичан... Нет, нет, нет! Наши – мудаки, а Гитлер не мудака. Вся его карьера это доказывает. Он верит в блицкриг! Но не с нами! С нами – это хуйня...

Самоубийство для него. Ну, дойдет он со своим «кригом» до Урала. А за Уралом территория – десять Европ... И наступит зима! И выступят наши верные солдаты – бездорожье, морозы – смерть для его блицкрига! Причем все это время ему придется сражаться на два фронта... – Он заходил по кабинету из угла в угол, повторяя, заклиная: – Нет, не может! Не может!

В кабинет вошли Молотов и Берия.

Молотов заговорил первым:

– Иосиф... – (он так называл его наедине, но сейчас очень волновался). – Немцы из посольства массово уезжают из Москвы.

На лице Кобы, клянусь, был ужас! Но он взял себя в руки. Сказал спокойно:

– Утром вызовешь немецкого посла и спросишь в лоб: «В чем причина этого массового отъезда?»

Берия видел состояние Кобы и попытался отвлечь:

– Наши физики Зельдович и Харитон выяснили условия возникновения некоего мощнейшего взрыва. Они называют его «ядерным» и хотят...

Коба зло прервал:

– Сообщи яйцеголовым мудакам, что все эти восторги от бегущих стрелок приборов нас интересуют в спокойное время! Сейчас нам нужны от них совершенные танки и самолеты. А со всеми, кто будет вредительски тратить государственные деньги на научную хуйню... Что с сообщениями твоих агентов?

– Бомбардируют все теми же ложными сведениями о нападении Германии. Я велел передать: будете продолжать снабжать дезинформацией, сотру в лагерную пыль... Особо нужно разобраться с Деканозовым, – (наш посол в Германии). – Он, как мне кажется, отец всей этой дезы. Мы твердо помним ваше предначертание, Иосиф Виссарионович: «В сорок первом году Гитлер на нас не нападет»...

– Замолчи! Мотают, мотают нервы, – вдруг сорвался Коба. Потом сказал мне зло, все так же ненавидя нас всех: – Черт с вами! Садись! Пиши!

Я сел за столик.

Он продиктовал:

– «В течение 22–23 июня возможно нападение немцев на фронтах. Нападение может начаться с провокационных действий, задача наших войск не поддаваться ни на какие провокации, но одновременно быть в полной боевой готовности, чтобы встретить внезапный удар немцев и их союзников. В течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов. Рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, тщательно ее замаскировать. ВВС привести в боевую готовность».

Он велел мне отнести текст Поскребышеву. Я встал, но тотчас вслед услышал:

– Не надо! Отставить! Жди!

Опять заходил по кабинету. Я сидел с бумагой в руках. В это время начали собираться члены Политбюро. Видимо, он назначил заседание.

– Ладно. Отнеси бумагу Поскребышеву. Сам отправляйся на дачу, жди меня там...

Я поехал на Ближнюю дачу, а они заседали в Кремле до ночи. За полночь приехали Коба, Молотов и Берия. Накрыли стол. Но с весельем не выходило. Он приказал Молотову отправить шифрограмму Деканозову в Берлин:

– Пусть поставит перед Риббентропом все тот же вопрос: почему уезжает посольство? И заодно намекнет... нет, скажет прямо: если что-то беспокоит Гитлера, мы сделаем все,

чтобы беспокойство прекратить. Товарищ Сталин готов встретиться с Фюрером и все решить полюбовно.

Часы в Большой столовой пробили полночь. Наступило 22 июня. Гости уехали непривычно рано, в начале второго. Меня Коба оставил ночевать на даче. Нервничал...

Опять принесли чай. Я, помню, ужасно хотел спать. Но он пил чай и повторял, повторял сказанное прежде:

– Конечно, это дезинформация немцев. Пугают, чтобы я прекратил подготовку к войне. – Потом ходил по комнате, курил трубку и снова повторял: – Нет, он не сумасшедший... Хитрец, мерзавец, лгун, негодяй, но не псих... Однако нервы вымотал! Ладно, давай спать!

Он лег в Малой столовой. Я – в той самой первой комнате по коридору, где обычно фельдъегеря оставляли почту. Дверь из Малой столовой была открыта, и через коридор из своей комнаты я видел столик с бутылкой «Нарзана». Появилась Валечка Истомина, вошла к нему и закрыла дверь...

Я погасил свет. Но заснуть сразу не смог, несмотря на усталость. Я вдруг с ужасом понял, что наступил *тот самый третий день* с тех пор, как открыли гробницу Тимура. Вспомнил пустые глазницы черепа... Не прошло получаса, как послышались шаги Валечки – быстро он ее выгнал. И я наконец заснул.

Сквозь сон слышал звонок. На столике рядом со мной звонил телефон.

Видимо, Коба решил выспаться, переключил свой телефон на меня. На часах, висевших на стене, было... четверть пятого! В четверть пятого звонили по *его* телефону! Я вскочил.

– Алло!

– Говорит Жуков. – (Он был тогда начальником Генерального Штаба). – Попрошу к телефону товарища Сталина.

– Сейчас четыре утра! Товарищ Сталин спит, – произнес я, уже зная ответ.

И он сказал:

– Будите товарища Сталина! Немедленно! Немцы бомбят наши города.

Я бросился в Малую столовую. После бессонных ночей в ту историческую ночь он спал крепким сном младенца.

– Коба! Коба!

Он открыл один глаз, с испугом поглядел на меня.

– Звонят, Коба!

И тут он вскочил и заорал:

– Почему...

Но я успел вставить:

– Жуков!

Он понял и в ночной длинной, до пят, рубашке, сутулясь, побрел к телефону.

В аппарате звук был очень громкий. Я отчетливо слышал голос Жукова:

– Товарищ Сталин, немцы бомбят наши города!

Он молчал.

Жуков повторил:

– Вы меня не слышите? Немцы бомбят наши города.

И снова молчание Кобы... Долгое молчание.

Наконец:

– Где ваш нарком? Приезжайте с ним в Кремль. Позвоните Поскребышеву, пусть собирает Политбюро. – Он стоял, нелепый в ночной рубашке, и шептал: – Как же так? – Потом посмотрел на меня бешеным взглядом, сказал с ненавистью: – Одевайся, сукин ты сын!

Новое прощание с другом Кобой

На сумасшедшей скорости вереница машин помчалась к Кремлю. Я сидел в третьем автомобиле вместе с ним. За всю дорогу Коба не произнес ни слова. Я понимал, о чем он думает. Было воскресенье. Военные самолеты беззащитно стояли на аэродромах. Экипажи отдыхали. Сколько хмельных голов отсыпались после вчерашних веселий в ночь выходного дня...

У Спасских ворот сопровождавшие машины чуть притормозили. И его машина как всегда въехала в Кремль первой. Рассвело, но в Кремле еще горели фонари.

Мы прибыли раньше остальных.

Я остался в приемной, сел рядом с Поскребышевым и смотрел, как один за другим члены Политбюро входят в его кабинет – Берия, Маленков, Микоян, Каганович... Военные – Тимошенко, Жуков и, кажется, Мехлис – главный идеолог армии.

Потом из кабинета торопливо вышел Молотов: оказалось, приехал Шуленбург – сделать срочное заявление.

Состоялась историческая сцена, о которой я узнал потом.

Шуленбург передал заявление немецкого правительства – обычный набор лжи, составленный Риббентропом: «В то время как Германия безоговорочно соблюдала пакт, СССР осуществлял терроризм, шпионаж и подрывную деятельность. Вступив в сговор с Англией, чтобы напасть на германские войска в Болгарии и Румынии, Правительство СССР боролось против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе и проводило все более активную антигерманскую политику...»

– Это война? – спросил Молотов. – Вы считаете, что мы ее заслужили?

Шуленбург молчал. Ему, видно, приказали не вступать ни в какие обсуждения.

В Берлине посол Деканозов был вызван в германский МИД «по важному вопросу». Риббентроп торжественно вручил ему Меморандум о войне...

Молотов торопливо прошел мимо меня в кабинет Кобы.

Я услышал, как Поскребышеву по телефону докладывали первые (и наверняка, как положено, преуменьшенные) результаты внезапного вторжения. Поскребышев повторял вслух, записывая на бумаге:

– Аэродромы... понял... самолеты... понял...

Запись понес в кабинет Кобы.

Я тоже понял: аэродромы разбомблены, авиацию уничтожили прямо на них...

Заседание закончилось. Все вышли из кабинета. Коба – последним.

Посмотрел на меня. Глаза стали желтыми. Произнес по-грузински:

– Ну, что уставился? И почему ты здесь? Я же сказал тебе ясно: пошел вон!

Какая ненависть была в его глазах!

Я приехал домой. Квартира была пустой. Жена с дочкой жили на даче. Я хорошо знал своего друга. Он всегда ненавидел тех, кто оказывался прав, когда он ошибался. Моя судьба была решена. Позвонил жене.

Она уже услышала от сестры: война. Но не знала другой новости...

Я попросил ее срочно отправить Майю-Сулико в Тбилиси к нашим родственникам.

– Почему? – спросила она, хотя уже все поняла по моему голосу.

Я помолчал. Потом сказал:

– Поторопись.

Она заплакала.

Повесив трубку, начал собирать чемоданчик. Мы, грузины, особенно мерзнем. Положил в него зимнюю шапку.

Все «большие начальники» (так нас тогда называли) носили пыжиковые ушанки, их выдавали в кремлевском распределителе. И как-то мы с Кобой обменялись шапками. Причем до этого он обменялся этой шапкой... с Бухариным. Таким образом, у меня была сразу шапка Сталина и расстрелянного им Бухарина... Шапка двух моих знакомцев для моей несчастной головы.

Наступил вечер. Первый вечер в военной Москве. Как всегда перед сном, я вышел погулять. Увидел новое зрелище – прожектора шарили по небу... Ждали бомбежку.

Я долго гулял вдоль Москвы-реки. Когда вернулся, у лифта рядом с лифтершей стоял высокий мужчина в штатском. По обычной одежде «топтуна», по его взгляду я все понял. Когда вошел в квартиру, в коридоре меня встретил другой сотрудник в штатском. На мое «Здравствуйте» молча ринулся ко мне, быстро, грубо ощупал, обшарил карманы. Потом обычный вопрос: «Оружие есть?» Обыскав, втолкнул меня в столовую...

Я застал в ней большое общество: троих в форме НКВД, перепуганную нашу домработницу и дворничиху, взятую в качестве понятой. Предъявили ордер на арест и обыск. Обыск уже шел...

Они вывалили на пол всю переписку. Я сказал:

– Осторожнее, пожалуйста, здесь есть письма ко мне товарища Сталина, а вы их топчете сапогами.

Надо было видеть их ужас! Как я и ожидал, тотчас стали милостивы.

Попросил позвонить жене – позволили:

– Только без подробностей.

Я набрал дачу и сообщил:

– Я... уезжаю.

– А у нас... уборка, – проговорила она потерянно.

Значит, на даче тоже шел обыск.

– Все будет хорошо. Надеюсь, скоро увидимся. Я тебя люблю. Поцелуй Майю.

– Она уехала в Тбилиси...

Успела! Я немного успокоился.

Мы спустились на улицу. Везли без особых почестей, в стандартном «черном воронке» (обычный ГАЗ-61, переделанный в дни массовых арестов для нужд родной Лубянки). Я уселся на скамейку, ноги уперлись в перегородку шоферской кабинки. В ней – «глазок». В нем – морда сопровождающего. Время от времени он смотрел на меня...

Машина подъехала к Лубянке. Знакомый подъезд, куда я входил бесчисленное количество раз, – с часовыми, гранитными знаменами и гербами, глядевшими на Лубянскую площадь. Теперь у меня с этим зданием вновь возникали иные отношения...

Мимо подъезда проехали к «тем» воротам. Я услышал грохот. Раздвинулись стальные

створки, и меня ввели во двор. Здесь был вход в скрытую от посторонних глаз внутренность нашего здания... Я забыл описать раньше это секретное чрево, в котором уже побывал. Оно редко кого выпускало назад – на волю. Тюрьма была тайным сердцем Лубянки. И все эти кабинеты, глядевшие окнами на улицу, служили как бы обрамлением, декорацией того, что скрывалось во дворе, – секретной внутренней тюрьмы.

Вышел из машины – «Руки за спину». Во дворе пахло гарью. Как потом узнал – жгли архивы. Меня привели в знакомый подвал. Последовала уже известная мне процедура. «Раздевайтесь!» Потом голого – в знакомый, цементный, беспощадный закуток. Ледяной душ. Несмотря на лето, холод пробирал до костей.

– Вытирайся, – уже на «ты»...

Серое полотенце с биркой «Внутренняя тюрьма». Усадили на стул. Человек в форме, но без погон, молча обрил наголо.

Одеваться не велели, вошла докторша:

– Повернитесь.

И пальцем в задний проход. Этот осмотр придумал еще Ягода – не пронес ли я что-нибудь в жопе, не запрятал ли там какую-нибудь ампулу с ядом, чтобы убежать от предстоящих радостей нашего ада. Из этих же соображений одежду вернули без ремня, ботинки – без шнурков. В заботе, чтобы я не сумел удавиться... Сняли отпечатки пальцев, дали подписать квитанцию о взятых вещах. Забрали очки.

Так возобновилась моя тюремная жизнь.

Открылась дверь одной из одиночных камер. В камере – все та же железная койка, накрытая тонким тюфяком, маленький стол с лубянским тюремным «сервизом»: алюминиевая тарелка, кружка, ложка. Камера узкая, шириной около полутора метров, длиной около трех метров, с противоположной от двери стороны, под самым потолком – зарешеченное окно с покатым подоконником во всю толщу стены. Справа от двери – зарешеченная батарея центрального отопления. И огромное преимущество одиночки: в стене напротив койки – кран с крохотной полукруглой раковиной и стульчак (параша). (Я понял: опять не оставил меня своими заботами друг мой Коба.)

Тюремная тишина, лишь шарканье за дверью надзирателя и иногда – щелчок дверного глазка, а в нем – надзирательский глаз...

Наступила ночь. Я знал обычай, появившийся во времена Ежова: ждут, пока засну. Тогда тотчас разбудят, поведут на допрос. Но меня никто не тронул.

Прошло... не представляю, сколько... может, месяц, может, больше. Никто меня не вызывал, одни сводящие с ума мысли: что с моими? как идет война? идет ли?..

Всегда одно и то же: в шесть утра – подъем. Дальше два часа безделья, но спать не дают. На Лубянке нет «кормушек» (прорези в дверях камер со створкой, которая падает, образуя столик). В восемь открывается дверь, и надзиратель молча подает обычный «завтрак» – пайку (непроточенный хлеб, наполовину из картофельных очисток) и плескает кипяток из ведра в ваш чайник. Но к нему два кусочка сахара – лубянская роскошь. Днем каша на воде...

В девять утра – проверка. Прогулка – двадцать минут в сыром лубянском дворике, затаившемся между высоких стен, этаким петербургском колодце. Так положено для камер в нижних этажах...

Я уже сходил с ума, когда однажды ночью шумно вошел надзиратель:

– На выход!

Какая это была радость – меня вели мучить, но зато кончилась пытка одиночкой... Мы шли... Повторение пройденного: через бесконечные переходы и пролеты меня вел выводящий (конвоир).

Постучал ключами о пряжку фирменного ремня – значит, другой заключенный шел навстречу. Немедленно скомандовал:

– Лицом к стене!

Не могу не отметить: при Кобе создали образцовую тюрьму-пытку. Тюрьму с большой (хочется сказать «огромной») буквы. И война ее не переменяла.

Я сидел в углу за маленьким столиком. Следователь – мордатый молодой (ему бы на фронт), из новобранцев, тех, кто пришел на смену уничтоженным Кобой сотрудникам Ягоды и работничкам Ежова, – расположился в другом углу за огромным столом под портретами Кобы и Берии.

Я подумал: наверное, в моем бывшем кабинете сейчас сидит такой же. Коба набрал новых следователей, на этот раз из крестьянских детей. Как правило, отцы их – кулаки, сидевшие в лагерях или уже расстрелянные. Для них Коба сочинил лозунг: «Сын за отца не ответчик». Но сперва сыну предстояло проклясть отца и забыть его. «Отречься от отца во имя мое», – когда-то учили мы Евангелие. Того же требовал Коба, как и положено новому Богу. Пройдя службу в армии, где им прочищали мозги, они после демобилизации охотно поступали в НКВД оперативными работниками. Вместо тяжелого крестьянского труда – принадлежность к главной власти, к НКВД, высокий оклад, спецпаек, дома отдыха... Они становились верными слугами Кобы.

Жутковатый парадокс: именем убившей их отцов, часто ненавидимой ими Революции они мучили и расстреливали нас, творцов горькой нашей Революции, ее несчастных сыновей.

Вежливо предъявил все те же звучавшие насмешкой обвинения: «Враждебная антисоветская деятельность, злобная клевета на руководителя правительства, шпионская деятельность на службе английской и конечно же все той же японской разведки...»

Я вежливо отрицал.

На следующий день, точнее ночь, следователь встретил меня зверем. Озвучил главное обвинение: фашистский шпион!

Было ясно – расстрел. Друг Коба решил расстаться с другом Фудзи.

Следователь яростно материл меня. Я понял: сейчас будут бить.

Я взбесился. Орал следователю, что, когда его отцы и деды служили контрреволюции, я ее делал. Кричал о том, что по приказу Ленина я создавал разведку, и что-то еще о дружбе с Кобой...

Помню, как после очередных упоминаний о Кобе в кабинет вошел Берия.

Блестя лысиной, встал рядом со следователем. Двое охранников держали меня.

Он сказал по-русски:

– Хочешь сказать, гнида, что тебе обязан наш великий Вождь? Согревший тебя, змею, на своей груди? Когда ты снюхался с врагом, который топчет сейчас нашу землю?!

И тренированным ударом кулака выбил мне верхние зубы.

– Я тебя когда-нибудь убью, клянусь! – взвился я. – Клянусь могилой отца! Запомни: могилой моего отца!

В ответ новый удар – и нет нижних зубов.

Я лежал на полу.

– Ссы на него... ссы на эту мразь! – кричал Берия следователю.

Удар сапога раскрыл мне нос... и полилась струя на лицо, мешаясь с моей кровью...

К реальности вернул меня голос врача:

– Пришел в себя. Пульс близок к норме.

Это значило – можно продолжать.

Продолжили. И опять ушло сознание.

Очнулся в камере. Не в общей, по-прежнему в одиночной, с личной парашей – в своих апартаментах. Туда доставили меня в тюремном экипаже – на носилках. Не волоком по полу. Забота! И за нее спасибо верному другу. Видать, не велел до конца зашибить... Хотя на всякий случай уже вызвали врача. Еще разок, другой, третий – и тюремный врач сможет записать в протоколе наше лубянское мирное, понятное: «Скончался от инфаркта» или совсем трогательное, умилительно домашнее: «Умер от воспаления легких».

Дали отдохнуть – тоже наверняка заботами друга! Только через два дня, глубокой ночью, меня повели на допрос. Я беспокоился – зубов осталось немного, а надо будет чем-то есть. К моему изумлению, мой изувер-следователь встретил меня... самой доброй улыбкой. Улыбалось круглое крестьянское лицо с веселым, детским, каким-то застенчивым румянцем.

Он вручил мне бумажку. Пока я лежал в беспамятстве, обо мне позаботились. Чтоб попусту не тревожить, вынесли постановление «тройки»: «Рассмотрев дело (имярек) по обвинению... (шло множество статей и приговор)... к 10 годам...»

Всего-то десять лет! И это вместо «вышки»! Какое добросердечие – мой друг Коба оставил меня жить! Не понимая, к своему несчастью, – *зачем*.

Следователь осведомил:

– Читайте, вам... – (на «вы»!) – очень повезло... всего-то десятка!

(Именно «всего-то». Потом я узнал, что в ту ночь во всех московских тюрьмах расстреливали заключенных на случай сдачи Москвы.)

Затем следователь угостил меня чаем с сухарями. Пока я пил, рассказал последние новости. Оказалось, немцы подходят... к Москве! Враждебные элементы и шпионы распространили слухи, будто Москву сдадут со дня на день.

– Началось такое... Все шоссе целую неделю были забиты машинами. Уезжали ответственные товарищи, поддавшиеся панике. Народ уходил пешком. Домоуправы грабили опустевшие квартиры или наводили воров, а потом те делились с ними. Чистили магазины посреди дня! Но великий Вождь товарищ Сталин эту панику враз прекратил. Теперь выезд из Москвы только по специальным разрешениям. Пришлось поработать и нам. Начали с домоуправов... – Он весело чиркнул ладонью по шее, – (я узнал потом: каждого десятого домоуправа расстреляли). – Все вмиг взялись за ум. Выехавшие самовольно из Москвы руководящие товарищи моментально вернулись. Теперь у нас здесь порядок! – И он встал, оправляя гимнастерку.

– А сам товарищ Сталин? – спросил я, ожидая, что он обзовет меня и не ответит.

– Товарищ Сталин лично руководит обороной столицы... Ну, вам пора. Допивайте чай. Я не сомневался: чай тоже был приветом Кобы. Как говорится, «на дорожку»!

Впоследствии Берия рассказал мне, что Коба собирался покинуть Москву.

Это было решено. Он должен был уехать в Куйбышев, там уже приготовили бункер для заседаний правительства. Его библиотеку и личные бумаги перевезли, Ближнюю дачу заминировали. Поезд ждал Кобу в железнодорожном тупике. На аэродроме дежурили его личный «Дуглас» и самолеты сопровождения – на случай, если он все-таки решится лететь. (При мне он лишь однажды летал на самолете, он остался человеком девятнадцатого века.)

Накануне он приказал Берии собрать совещание партийных руководителей – подготовить столицу к сдаче: «Эвакуировать всех. Продукты из магазинов раздать населению, чтобы не достались врагу...» Так что магазины грабить не требовалось – продавцы сами все раздавали. В столице должны были остаться только организаторы партизанского движения в Москве и в области. По его приказу заминировали важнейшие объекты, и «партизанам» вменялось взорвать их. По шоссе потянулись колонны автомобилей – партийные чиновники покидали обреченную столицу.

Короче, сам Коба и устроил эту панику в Москве.

Но после разговоров с военными мой великий друг понял: ошибся! Столицу можно и нужно отстоять. Причем именно теперь, когда весь мир уверен в том, что Гитлер ее захватит. Когда сам Фюрер уже трубит о готовящемся параде на Красной площади!

И после очередного длиннейшего дня, проведенного в Ставке, Коба на рассвете, как ни в чем не бывало, приехал на заминированную Ближнюю дачу. Мне рассказывали охранники, с каким изумлением они увидели Хозяина. Электричество в доме уже отключили, шли последние приготовления к взрыву...

Мой друг, великий актер, отменно сыграл всю сцену. Спросил:

– Почему не горит свет?

Ему доложили о его собственном приказе. Он пожал плечами:

– Что за глупость! Какая чепуха! Немедленно разминировать! И протопите дачу, пока я буду работать в домике охраны... Я остаюсь в Москве, и вы – со мной.

После чего, по словам Берии, он преспокойно позвонил ему по телефону и поинтересовался, откуда взялись слухи об эвакуации города.

Умный Берия тотчас все понял и ответил, что это «безответственные паникеры». Коба велел строго разобраться с паникерами и ворами, расстрелять каждого десятого управляющего домами, «чтобы вернуть всем негодьям потерянное чувство ответственности». Разговор с Берией он закончил кратко:

– Москву отстоим!

И... сел работать. Вот так мой великий друг исправил свою ошибку.

Меня везли на вокзал через Москву на обычной машине. По городу были развешаны огромные плакаты с портретами Любви Орловой – объявления о готовившихся концертах любимой киноактрисы Кобы. Так мой великий друг успокаивал москвичей, оставшихся в городе...

Потом был товарный вагон, переоборудованный под тюремные камеры. На крохотных окошках – решетки, к стенам приколочены нары, а посередине – вонючая дыра, выводная труба, заменявшая парашу. Нестерпимая духота, еда – хлеб, селедка. Оттого – страшная

жажда и безответные крики: «Воды!» И, будто счастье, – грязная вода из ведра, как для скота. Когда она заканчивалась, охрана заливала ее прямо из луж во время стоянок на полустанках. Часто на этих полустанках против нас останавливались точно такие же тюрьмы на колесах. Шла война, фронту нужны были солдаты, но тылу по-прежнему требовалась рабская сила, готовая работать, как подобает рабам, – двадцать четыре часа в сутки. И поезда рабов в эти военные годы продолжали идти в тыл, в лагеря Кобы.

Лагерь прервал наши отношения. Но моя повесть – о Кобе, и потому о лагере рассказываю очень кратко.

Катя. Последняя встреча

Пересыльный лагерь. Белые ночи. Берег реки, баржа. Выстроили в колонну по четверо. Меня присоединили к колонне жиганов-уголовников. Началась посадка на баржу. Сигнали вниз, в вонючий трюм. На палубе остались конвоиры.

И в трюме все случилось...

Помню страшную духоту, вонь немытого потного тела. Голая лампочка качается под потолком, по стене к потолку идут нары. Вожди уголовников (и здесь – вожди!) заняли нары, остальные устроились на полу. И тогда один из них, главный головорез (его слушали беспрекословно), крикнул мне:

– Иди сюда, дед, здесь для тебя – местечко.

Мне освободили нижние нары (и тут Коба не оставил заботами).

Наша посудина долго не отплывала. Потом за переборкой послышались глухие голоса – женские. Я понял: ждали женщин, и теперь загружают в трюм женский лагерь.

– Привезли для нас пизды, – засмеялся главный. – Налетай – подешевело!..

Закачалась жалкая посудина – значит, отплыли. Жиганы сбросили с себя рубашки, разделись до пояса. Мощные торсы в голубых татуировках... И принялись крушить переборку. Били ногами, кулаками – яростно, методично. И... рухнула! Вся обезумевшая свора бросилась в полутьму на женское тело.

Это была обычная партия – жены и дочери вчерашних партийных начальников и недобитых аристократов вперемежку с воровками, проститутками. Вопли, крики о помощи... Жиганы тащили их к нам, лезли к ним на нары или совокуплялись прямо на грязном полу трюма. Все пространство наполнилось содрогающимися телами, вопящими, тщетно отбивающимися женщинами...

И тогда я увидел ее... Была ли это она? Или я боялся ее там увидеть и потому увидел? Как в страшном сне: ее тащил за волосы совершенно голый жиган. Я хорошо знал свое дело, и возраст мне тогда не был помехой. Через мгновение он лежал на полу. Я схватил ее. Катя!

Никогда не забуду ее ужас, гримасу отвращения на любимом лице.

– Пошел вон! Старик! Ублюдок! – она выкрикивала ругательства.

Оттолкнула меня и сама бросилась к вскочившему с пола жигану. Они забарахтались на полу...

А я... я стал подниматься по ступеням, вылез на палубу.

– Стой, паскуда, куда идешь! Стрелять буду... – Маленький караульный, стоявший у лестницы, выставил автомат. – Назад! Вниз, сволочь!

Он уперся дулом мне в живот. Я молча схватился за дуло, мне было все равно.

– Отставить! – крикнул подоспевший начальник. И мне: – Вернись! Немедленно!

Я ничего не ответил, продолжал держаться за автомат и все так же молча глядел на начальника. Он понял: я не вернусь. Но, видимо, и здесь действовали заботы моего великого друга.

Он сказал:

– Ладно, стой на палубе, дед!

Так я и простоял несколько часов, глядя на проплывавшую мимо землю и не видя ее. Наконец повернули к берегу. Пристали.

На берегу выстроились в ряд три пожарные машины.

Выяснилось, что после таких перевозок жиганы обычно выходить не спешат и захваченных женщин не выпускают. Так что церемониал встречи был отработан...

– Выходь, стройся! – тщето кричал начальник.

Никого!

Тогда внутрь трюма направили брандспойты, и хохочущие жиганы, не забывая материться, повыскакивали на палубу. За ними выползали мокрые, плачущие женщины. Трюм залило водой, в которой плавали человеческие испражнения и несколько женских тел. Оказалось, после того, как жиганы «разок спустили», началась карточная игра. Кого-то из женщин попросту проиграли...

Осталась ли она живой? Была ли она Катей? Не знаю...

Нас увезли первыми. Больше я никогда ее не встречал.

Война и лагерь

Лагерь, обнесенный тыном, с часовыми на вышках. Одна из бесчисленных точек на карте великого Архипелага. Запах дерьма (несмотря на мороз) и запах тухлого мяса в столовой. Рваные, истертые ватники, изношенные развалившиеся валенки, похожие на лапти...

Хотя шла война, охрана не ослабела. Здоровые, крепкие часовые. Их бы на фронт, но у них, как считал мой друг, фронт тоже важный – нас стеречь, мучить.

В лагере – вечная тюремная иерархия: всем заправляют блатные. Они нынче убежали отсюда часто. Вокруг за сотни километров мужского населения не сыщешь – выдавать некому, всех забрали на фронт. Бежали обычно по двое, по трое. И с собой прихватывали молодого, еще упитанного, из новеньких. На мясо в пути!

Здесь я получил письмо от тетки. Из письма узнал: жена – в лагере, но дочь – у моей тетки в Тбилиси. Никто писем в это время не получал, а я получил. Чтобы знал я, подыхая: все исполнил мой великий друг. Все, как обещал тогда!

Народу с каждым днем становилось все меньше. Сильным, молодым давали разрешение идти на фронт. Заключенных везли на передовую – в штрафные батальоны. Добрый Коба позволял им погибнуть героями. Слабых и старых теперь не расстреливали, кому-то надо было и трудиться. Подыхали теперь на работах.

По лагерю шли слухи: немцы возьмут Москву со дня на день. Где наша непобедимая армия – «гремя огнем, сверкая блеском стали»?

А потом совсем для меня ужасное: немцы на Кавказе! Что будет с дочкой? Что с женой? Вот с этими страхами жил!

Но ничего, думал я, скоро закончатся мучения. Долго не протяну!

Обычное расписание: утром – перекличка, обыск (шмон) перед отправлением бригады в тайгу.

Красномордый, со смятым рязанским носом, дышащий перегаром, начальник лагеря стоит на крыльце, смотрит, как уходят бригады валить лес... Охрана старается, покрикивает, не дай Бог охраннику проштрафиться – отправят на фронт...

Вывесили транспарант: «Все для фронта, все для победы!»

И рядом транспарантище – на нем гигантская голова Кобы и его мудрое заклинание: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Пока развешивали транспарант, красномордый произнес речь: «Фашистские изверги напали на нашу страну. Все мы должны отдавать все силы, помогая сражающимся на фронте...» И обязательное: «Товарищ Сталин учит нас... Товарищ Сталин сказал... Да здравствует товарищ Сталин!» и тому подобное.

Так что и здесь друг Коба не покидал меня ни на секунду!

В рекордные сроки, ежедневно подыхая от холода и голода на работах, построили цех по производству разрывных мин. Успели дать первую продукцию, но подвела электропроводка. Короткое замыкание – цех загорелся... Мины рвались, грохот, как на поле боя, несколько сотен сгорели заживо... Красномордого увезли в Москву расстреливать. Появился другой начальник, точно такой же красномордый.

Через месяц, потеряв половину людей (ничего, прибыла еще партия), построили новый цех. Параллельно продолжали валить лес (я был в этой бригаде). На лесоповале единственная мечта – попасть в этот цех. Занятых на производстве мин кормили. На лесоповале от бескормицы началась цинга. Я уже «доходил», с трудом двигался. Товарищи ко мне присматривались, чтобы забрать мою жалкую долю, когда пайку есть не смогу... Однажды, когда я вернулся (точнее, дополз) с работы, нас, как всегда, выстроили для переключки. Красномордый стоял на крыльце, принимал рапорт бригадира. Потом глянул на меня и что-то сказал бригадиру.

Тот выдернул меня из строя, подвел к красномордому. Начальник как-то оценивающе оглядел меня, потом усмехнулся:

– Пошли!

Я понял: конец. Он вошел в деревянную огромную избу. Я – следом.

Он как-то милостиво сказал:

– Так и не научился? Неужели трудно запомнить: «Товарищ начальник лагеря, заключенный номер такой-то по вашему приказанию...» – Не дав мне повторить, сообщил: – Производство мин расширяем... План спустили огромный. К нам едет пополнение. Чтоб веселее работалось, руководство решило создать у нас театр. С едой на лесных работах пока будет по-прежнему, но хороший театр – тоже еда. Театр ожидается первоклассный, к нам целую группу арестованных артистов посылают. Там и заслуженные, и народные. И певцы, и обычные... – (так он именовал драматических). – При театре будет костюмерная в отдельной сторожке. Вот ты и будешь ею заведовать – ты ведь культурой руководил!

Опять обо мне позаботился Коба. Проследил, чтоб я не сразу подох в его лагере...

После вонии, нар барака крохотная сырая отдельная каморка, где я должен был стеречь неизвестно от кого костюмы и декорации, конечно же показалась мне раем. И все оставшиеся годы в лагере я прожил среди гимнастеров нашей армии, голубоватой гестаповской формы, деревянных винтовок и наганов, плащей тореадоров, пачек балерин, сюртуков и камзолов...

Но с удивительной пунктуальностью накануне всех праздников меня обязательно отправляли чистить сортир. И это тоже был привет от моего друга.

Когда-нибудь я опишу житье в лагере. Нет предела мучениям, которые может выдержать человек, нет предела унижениям, которые он может сносить. И это тоже доказал мой великий друг. Но, несмотря на невозможное для человека существование, все мы хотели Победы. Не из патриотизма – про человеческие чувства здесь забыли. Чтоб лучше трудились, Коба пустил по лагерям слух – после победы будет амнистия, всех выпустят, начнется другая жизнь. Маленькая хитрость моего большого друга.

Однако во всем этом ужасе бывало и смешное. Помню, в начале 1944 года в наш лагерь приехали американцы – делегация Красного Креста. Коба предложил им посмотреть, как живут у нас заключенные, чтобы они могли развеять лживые слухи.

Мой друг умел все делать с размахом, куда там Потемкину с его деревнями! Американцев везли из женского лагеря. Потом рассказывали, как женщинам там выдали вольную одежду, как приехали удалые парикмахеры – делать прически. Как вместе с ними, изображая заключенных, появились сотрудницы НКВД.

Америкосы пришли в восторг, и вот сейчас их везли к нам.

В считанные дни лагерь стал похож на первоклассный дом отдыха. Трудились день и ночь. Отремонтировали бараки, привезли новые кровати с чистым постельным бельем и пуховыми подушками, были вычищены туалеты. Нас щедро разбавили многочисленными сотрудниками моего вчерашнего учреждения, и наша масса теперь выглядела совершенно иначе.

Мою костюмерную перевели в лагерьный клуб – в просторную комнату. В дополнение к имеющимся костюмам завезли реквизит из Большого театра.

Лагерьный театр в спешном порядке приготовил арии из опер. Концерт ставил режиссер из Большого, хорошо знавший многих исполнителей. Наша постановка явилась для иностранцев главным потрясением. В тот вечер на сцене клуба пели вчерашние оперные знаменитости. Выступали они, как положено, под лагерьными номерами. Конферансье объявлял: «Арию Хозе из оперы «Кармен» исполняет заключенный номер такой-то», – и выходила сидевшая у нас звезда. Иностранцам сообщали, что перед ними уголовник, успешно развивший свои таланты в советском лагере...

Гости уехали пораженные. Далее, как в нашей сказке: «...опять перед ним землянка; на пороге сидит его старуха, а перед нею разбитое корыто...» Я возвратился в свою каморку, костюмы уехали обратно в Большой театр, «заключенные» – женщины и мужчины из НКВД – на свою работу в Москву.

В своей лачуге я скоротал пять лет. Это была уже вторая мировая война, которую я провел в заключении. Раньше – в царской ссылке, теперь – в советском лагере.

Все эти годы я жил в постоянном холоде, с тупым ноющим желанием есть. Но в здешнем аду моя жизнь считалась «домом отдыха». Вокруг надрывались на работе, умирали. Я же благополучно сидел в сырой каморке среди театральных костюмов и деревянного оружия...

Каждый день, собравшись вокруг громкоговорителя, зэки слушали с замиранием сердца голос диктора Левитана: «От советского Информбюро. Наши войска...»

Я не слушал. Меня ничто не интересовало.

Наконец она пришла – Победа! Ликованье в лагере... и ничего! По-прежнему гнали бригады валить лес, только мины делать перестали, и кормить перестали тоже.

Поступили новые заключенные. Это были наши солдаты и офицеры, захваченные немцами в плен. Их, переживших ужас немецких лагерей, мой друг пригнал в лагерь советские. В лагерь родной страны, за которую они отдавали жизнь.

Но тогда это не произвело на меня никакого впечатления. Я столько повидал крови, столько смертей... Я окончательно оступел. Перестал думать о несчастной семье. Просто вставал утром, чтобы дожить до вечера. Я будто заснул.

И однажды... случилось! Я заболел... У меня была, наверное, очень высокая температура. Меня перевели в тюремную больницу.

Совсем рядом с кроватью я увидел стоящего на коленях смеющегося Ягоду и плачущего Бухарина.

– Бог есть! – кричал Ягода и, торжествуя, хохотал. Бухарин продолжал плакать.

Я все пытался высказать им некую важнейшую мысль. Невероятную по значительности мысль. Я хотел быстрее донести ее до них, чтобы не забыть... Погиб Ягода, погиб Бухарин... и вот гибну я. Погибли мы все, чтобы понять: Бог есть. Сам того не сознавая, Коба убивал нас, убивавших прежде других, нас, великих атеистов, рушивших храмы, глумившихся над иконами. Убивал нас, вождей и сынов Революции... именем Революции. Мой друг Коба был орудием в *Его* руке, вечным языческим Атиллой – бичом Божьим. Но как только я это произнес... раздался хохот, неудержимый хохот. Хохот Дьявола. И я услышал свой голос: «Да нет же, нет! Все это обман... Он убил Катю... Миллионы и миллионы! Они погибли и гибнут в этом аду... созданном им аду! И там, в аду – моя жена... Он убивал всю старую жизнь, уничтожал все. Его заповеди – “не предай, не сотвори себе кумира, не лжесвидетельствуй”... Нет ни одной Божьей заповеди, которую он не растоптал бы, создавая страшного нового человека. Своего человека. И он будет это делать дальше. Он не остановится... Не остановится. Если не остановить...»

И вдруг я ясно понял, что не умру... и очнулся!

Была глубокая ночь Я... начал молиться. Все те слова, которые давно забылись, неожиданно зазвучали в мой душе: «...Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его...»

Боже, я отдал бы все... чтобы прочесть ту самую Библию... которую ненавидел читать в семинарии. Воистину пересохшими от жажды губами кричал: «Жажду!»

И вдруг четко различил *присутствие* в тишине.

И заплакал. Я плакал горько, сладко, как плачут в детстве, и это были счастливые слезы. Будто что-то ужасное, мертвое вышло из меня. Я просил Его оставить меня жить, чтобы я, вновь уверовавший в него, мог искупить... Как же все просто... как же все просто... И в последний час не поздно вернуться к Тебе...»

Я точно знал, что... выйду! Он мне сказал это.

Я вновь проснулся под утро и с изумлением осознал: здоров! Здоров!

Как я ждал наступления дня и Чуда. Но пришел день, и... все было, как обычно.

Однако уже вечером, к моему ужасу, из тюремной больницы, казавшейся мне санаторием, меня вернули в мою каморку.

Наступила обычная холодная ночь. Я сумел заснуть на своих ледяных нарах только под утро. И мой короткий сон разрушил голос:

– Товарищ К-дзе... товарищ К-дзе!

Я никак не мог сообразить, где я? Я уже давно не был ни товарищем, ни К-дзе! Я был заключенный номер...

Но все это я понял потом... Тогда же в страхе вскочил. Надо мной склонился сам мордатый начальник лагеря.

Впоследствии, когда у нас с Берией возникли дружеские отношения, он рассказал мне, как все случилось. Коба вспомнил обо мне вскоре после Парада Победы...

На параде, когда он стоял на Мавзолее и маршировавшие по площади солдаты швыряли гитлеровские знамена к подножью Мавзолея (точнее, к его ногам), думаю... нет, уверен: захотелось ему, чтоб и я увидел его торжество. Ведь из той, из прежней жизни, у него остался, пожалуй, один я.

В то счастливое победное время Берия и Молотов были у него ночью на Ближней. Под утро, провожая гостей, Коба вдруг поинтересовался:

– Да, Лаврентий, все хочу спросить, а где наш Фудзи?

– В лагере, Иосиф Виссарионович, – оторопел Берия, который арестовал меня по его приказу!

– Не может быть! Кому в голову пришло это безобразие? Такой человек! Ай-ай! Разве можно так поступать со столь заслуженными людьми. Ты разберись и проследи, чтобы немедленно вернули моего друга Фудзи. – И добавил: – А жена его где?

– Она... тоже, Иосиф Виссарионович...

– В лагере?! – продолжал удивляться Хозяин. – Это надо срочно исправить, и накажи построже олухов, которые это сделали. Чтоб завтра оба были в Москве.

Берия рассказал мне, как, выйдя из кабинета, он долго матерно ругался.

Стоя надо мной, начальник лагеря сообщил испуганно:

– Только что звонил товарищ Берия. Вас срочно этапируют в Москву...

Я засмеялся и громко возблагодарил Его. Начальник в изумлении смотрел, как я... крестился и говорил молитву.

Меня везли в Москву в обычном купейном вагоне. С вокзала доставили прямо на нашу Лубянку.

Берия сидел за столом, когда меня ввели в кабинет.

– Садитесь, товарищ Фудзи, – произнес он, не поднимая головы от бумаг.

Я сел. В этот момент вошел офицер, и я тотчас по привычке вскочил, вытянулся. Берия

усмехнулся:

– Неплохо выучили.

Офицер поставил передо мной поднос с виноградом и апельсинами с нашей маленькой Родины и ушел. В этот момент ввели ее...

Жена бросилась ко мне и, плача, стала... ощупывать меня. Мы обнимались и смешно ощупывали друг друга, будто не верили, что это мы. А потом вошла наша Сулико. И тогда мы оба заплакали. Мы обнимали ее, глупо плакали, потом смеялись. Я никогда не думал, что такое возможно, но мы совершенно забыли о хозяине кабинета. Однако он о себе напомнил, вернув нас в действительность:

– Если можно, товарищи... – (вновь «товарищи»!) – попрошу вас немного помолчать.

Поблескивая пенсне, Берия мрачно смотрел на нас.

Мы замолкли, он придвинул к себе телефон. Это был телефон с гербом – так называемая «вертушка». (Телефон для разговоров руководства страны. Их создал обожавший секретность Ильич. Номера соединялись через автоматическую телефонную связь, без помощи операторов, путем вращения диска на телефоне.)

Он набирал номер медленно, чтобы я успел разглядеть герб на аппарате и понять, кому он звонит.

Связь по «вертушке» очень громкая, к тому же, глядя на нас, Берия чуть-чуть отставил от уха трубку.

– Что тебе, Лаврентий? – послышался знакомый голос.

– Товарищ Сталин... куда их дальше?

Молчание. Потом Коба сказал:

– Его – устроить в издательство. Позвони в Политиздат, думаю, товарищи не откажут взять его редактором... он всегда любил книги... Жену – в Третьяковскую галерею. Она искусствовед. И зарплату, – он подумал, – выдай им за полгода.

– А жить им где?

– Дай им комнату, как положено всем москвичам... в коммунальной квартире – все, как у всех. Но комнату получше... У тебя наверняка что-нибудь *освободилось*... вот *такую* и дай, – смешок в трубке. – Чтобы напоминала товарищам... откуда они приехали... и как легко туда вернуться.

Раздались гудки. Берия повесил трубку. Он почему-то хотел, чтоб мы слышали весь разговор. Потом поднял трубку другого, обычного телефона и приказал кому-то:

– Принеси все, что *освободилось*...

Вошел начальник его охраны Саркисов и молча положил несколько ключей с адресами на бирках.

– Ну, что у нас получше? – Берия рассмотрел адреса. – Большая Бронная – это в центре, это хорошо. Вот туда вас и отвезут.

Коммунальная квартира

Мы вышли из кабинета свободные и счастливые. Только подумать – еще вчера...

Но нас остановил оперативник, ожидавший в приемной:

– Простите, товарищ, вы должны расписаться в ведомости.

Тотчас мелькнула ужасная мысль: неужели все – провокация? Пытка надеждой! Вернут обратно! Жена побледнела. Лишь бедная Сулико оставалась счастливой...

Оперативник привел нас в свой кабинет.

– Сейчас я вам верну...

На столе лежала большущая стопка облигаций государственных займов. наших облигаций – моих и жены, изъятых при аресте. Он принялся неторопливо записывать в ведомость номера, прося расписаться около каждого номера в получении. Облигаций было множество, и процедура ожидалась на несколько часов... А мы так хотели побыстрее покинуть мое родное учреждение! Выйти на улицу! И идти по улице. Просто свободно идти...

– Я желал бы передать эти облигации нашему родному государству... – начал я.

– Не положено. Сперва получите обратно, потом передавайте, – ответил оперативник, не отрывая глаз от ведомости и записывая в нее очередные длиннейшие цифры (я привычно запомнил номер: 004959 серия 414).

Через три часа мы, наконец, шли втроем по ночной улице и... смеялись. Я вспоминал, как Достоевский хохотал после отмены смертного приговора. Но тут нас догнала черная машина.

– Товарищ Фудзи? – из нее выскочил офицер.

Мы опять в ужасе остановились.

– Мне приказано отвезти вас домой...

Нас доставили на Большую Бронную. Дом был старый, дореволюционный, и квартиры в нем – большие, барские. Теперь они преобразились в огромные коммуналки со множеством комнат и обитателей.

Жильцы в это время спали. В ночной тишине раздавался могучий храп.

В комнате, куда нас привели, постельное белье на двух кроватях не было убрано. Видно, хозяев забрали по правилам – ночью, тепленьких – из постели. Еще вчера здесь жили другие люди, которых отправили туда, откуда приехали мы. Этакая рокировка... Но мы надеялись, что дочка не поняла, и продолжали весело смеяться.

– Здесь все есть! – закричала Сулико. – Как в сказке о коньке-горбунке.

Конечно, это была сказка! Совсем недавно она жила у тетки, мы спали на нарах... И вот – нормальное белье, правда, чужое, несчастных людей.

Но мы забыли, что такое брезгливость. Отец и Учитель нас отучил!

– Это Иосиф Виссарионович о нас позаботился, – сказала дочь. – Недаром я ему писала, папа.

И тут мы с женой узнали невероятное! Оказывается, все эти годы *каждый день* наша девочка упорно писала Кобе о том, что его верного друга, ее отца, и ее мать несправедливо посадили в тюрьму. И что наверняка это сделали враги народа. Она просила вернуть нас.

– И он вернул! Я знала! Знала, что так будет в конце концов! – она плакала от счастья, от любви к нам и к Кобе...

Мы с женой не посмели даже улыбнуться. Коба нас выучил на «отлично». Мы просто поняли, что наша дочь, как и вся страна, боготворит Его.

В ту ночь мы крепко спали на белье неизвестных несчастных...

Я слишком устал для каких-то эмоций после лагерной жизни и этого сумасшедшего дня. Я был доволен, что буду спать свободным и что рядом со мной – жена и дочь.

Сулико, счастливая, ликовавшая, моментально уснула. Жена тоже легла. А я все стоял у кровати, не раздеваясь, вспоминая этот сказочный день.

– Потуши свет, – сказала жена, – и ложись.

Я понимал: там, в кровати, она ждет меня. Ждет, что я буду с нею – после пяти лет разлуки... А я... я хотел эту женщину, еще молодую, но не мог... Должно быть, из-за проклятого лагеря...

И решил подождать, пока она заснет. Пошел в туалет. Это могло стать оправданием, туалет мог быть занят, притом надолго. И вправду, несмотря на ночь, он оказался занят. Я вышел на кухню. Зажег газовую конфорку. Молча стоял и смотрел на синее пламя.

Не известная мне, чья-то оборванная жизнь.

Вернулся. Постоял в темноте. Жена не спала.

– Я все думаю, как нас встретит завтра квартира, – проговорила она.

– Нормально, уверяю тебя. Сделают вид, что так и надо.

– Раздевайся наконец, – сказала она и тихо прошептала: – Я все понимаю. Не бойся. Я просто обниму тебя.

Она прижалась ко мне, как когда-то после ночи любви...

Было слышно ровное дыхание Сулико. Жена начала мне рассказывать шепотом, как она жила. Про несчастную юную красавицу жену Бухарина, которую встретила в лагере. Как ту возили в Москву к Берии, и как она его кляла и не отреклась от мужа... И еще что-то. Но я уже не слышал. Я спал.

Встал я рано, мои еще не проснулись. Но очередь с семейными сиденьями для унитаза уже стояла в уборную (это была квартира интеллигентов, каждая семья имела собственное сиденье «из гигиенических соображений»). Двое, возглавлявшие очередь, читали газету, причем один через плечо другого... Юноша, стоявший третьим, переминался с ноги на ногу...

Все с любопытством уставились на меня.

– Здравствуйте, товарищи, я, моя жена и дочь... мы ваши новые соседи.

– Вы вместо Малышевых? – спросила словоохотливая дама, стоявшая передо мной. И предложила, пока двигалась очередь, показать малышевский стол, который стал теперь нашим. Это был самый большой стол на кухне. На нем стояли чашки и чайник с заваренным позавчерашним чаем.

– У меня остались две их чашки, я одолжила на свой день рождения для гостей, я вам отдам.

– Спасибо, не надо, мы купим другие.

– Да вы не брезгуйте. Эти чашки не их. Прежде здесь другой жил. Его... тоже! Мы все

сюда так въехали...

За завтраком жена мне сказала:

– Надо срочно купить новые кровати, мы не можем спать... на этих.

– Обязательно, когда я получу зарплату. Где Сулико?

– В туалет стоит. Всю ночь просыпалась. Будила меня, боялась, что ей это снится. Ты ничего не слышал, страшно храпел.

Мы заварили чай в чайнике исчезнувших Малышевых, налили его в их чашки, в буфете нашли их бублики, варенье, сладкие сухари. Наевшись, по лагерной голодной привычке мы с женой начали сгребать ладонью крошки. И оба рассмеялись.

Помню, после освобождения я жадно читал газеты, точнее, одну газету – «Правда». Ибо остальные наши издания, как и прежде, попросту перепечатывали главную газету партии.

Потряс Нюрнбергский процесс. На нем цитировали секретные указания Гитлера, о которых не знали мои агенты. За месяц до нападения были разработаны меры тотального уничтожения любого сопротивления – бессудные расстрелы несчастных политработников, коммунистов, солдат, пытающихся бежать из лагерей, вообще всех, смеющих сопротивляться нашествию. Ибо, как учил Гитлер, в стране, на которую они должны были напасть, «человеческая жизнь ничего не значит».

И эти указания Гитлера в виде приказов подписывал Вильгельм Кейтель. Я его видел – немецкий фельдмаршал, человек с моноклем, воплощение вермахта, готовый попать все законы человечности, офицерской чести во имя идиотской формулы «Честь – это Верность». Верность – это исполнить любой приказ начальника.

Как мне потом рассказывал Берия, когда Кейтеля везли по Берлину, этот робот с моноклем в ужасе скорбел о разрушенном городе, не вспоминая о руинах и крови, которые он оставил в Европе.

Но чем больше я размышлял о Нюрнберге, тем острее чувствовал, как весь мой гнев превращается в страх. Ибо теперь, после кошмаров лагеря, я все чаще думал о себе, о всех нас, кому придется защищаться на Высшем Суде, бормоча, как и наши враги: «Честь – это Верность».

С печалью я узнал из газеты, что Коминтерн распущен. Погоны, уничтоженные Революцией, вернулись на армейские плечи. Погоны – этот символ контрреволюции! Белой армии! Золотопогонников! За эти погоны мы когда-то убивали... Да и сама Красная Армия нынче именовалась Советской. И мой друг Коба, освобожденный при царе от воинской службы, назывался генералиссимусом – это звание носил царский полководец Суворов. На портретах бывший революционер-боевик был в золотых погонах, в мундире с красными царскими лампасами на брюках.

Вернул он и Патриаршество. Как феникс из пепла, воскресла столь хорошо нам с Кобой знакомая «церковь при монархе и послушная монарху». Во всех храмах ему, разрушительно храмов, пели «многие лета».

Однако, вернув Патриаршество, мой друг не забывал о строгом надзоре за Церковью, с которой столько лет беспощадно боролись большевики. За ней внимательно следил Совет по делам Церкви. Официально Совет был образован при правительстве, но на деле Коба конечно же поручил его нашей организации. Во главе его он посадил... начальника отдела НКВД по борьбе с контрреволюционным духовенством, знакомого мне полковника Карпова. Карпов стал теперь вроде двуглавого орла. На Лубянке он боролся с церковью, а в Совете – помогал ей! В этом – весь мой великий друг!

Последнее напоминание о Революции – народные комиссариаты. Коба уничтожит их позже, взамен придут министерства, как при царе. И, как при Николае I, именуемом в наших учебниках Николаем Палкиным, чиновников министерств оденут в мундиры.

Да еще выпустят деньги, весьма напоминающие царские. Вот бы встали из могил расстрелянные Кобой революционеры – полюбоваться на это... Стоило ли столько убивать,

чтобы вернуть все на круги своя? Да, я возвратился... в Империю! В бескрайнюю Империю – новую мировую сверхдержаву.

Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская конференции успешно прошли, пока я столь же успешно чистил сортиры и мучился на зоне. На этих конференциях мой великий друг сумел создать новый мир – заложил будущий Социалистический лагерь, покорный его воле. В этом лагере оказались Венгрия, Болгария, Румыния, Чехословакия Югославия – страны-сателлиты. Огромный кусок Европы стал частью его Империи.

Но какое отношение восставшая из прошлого Империя имела к тем бредовым и прекрасным идеям, которые провозгласила наша уничтоженная партия? А, может быть, имела, и прямое? Я не забыл издевательскую фразу Герцена, которую мы когда-то считали кощунственной: «Коммунизм – это всего лишь преобразованная николаевская казарма».

Так что партийный гимн справедливо перестал быть гимном новой Империи. Новый гимн начинался опасными словами: «Союз *нерушимый* республик свободных сплотила навеки великая Русь...» Хотя мы с Кобой когда-то учили: негоже человекам употреблять слова «навек», «нерушимый»... Будто искушая Господа, чтобы Он мог впоследствии посмеяться над жалкой человеческой гордыней.

Все эти печальные и трудные мысли не мешали мне каждый день благодарить Господа за счастье быть свободным. Мы всей семьей ходили на концерты в Консерваторию. В Москву приехала Анна Ахматова, владычица дум времен нашей с Кобой юности. Я с изумлением узнал, что она жива. Помню ее вечер, проходивший в Колонном зале. Мы пошли всей семьей. На сцене появилась сильно располневшая старая женщина. Зал ее приветствовал стоя. После каждого стихотворения неистово хлопали. Люди умели тогда замечательно хлопать – научили бесконечные партсобрания и митинги, где читались речи и высказывания Кобы.

– Тебе понравилось? – спросил я потом дочь.

– Стихи какие-то непонятные. И она такая старая... и завывает.

Что ж, новые времена – новые песни.

Наша комната была очень большая, и мы решили передвинуть комод в центр. Чтобы как-то отделить пространство – наше и дочери. Втроем весело двигали тяжелый комод. Под ним я увидел потрепанный, покрытый пылью и паутиной, томик. Это было старое, дореволюционное издание «Бесов» Достоевского.

Как ненавидели мы этот роман в своей революционной юности! Кажется, после Революции «Бесов» даже изъяли из библиотек... Может, поэтому неизвестный хозяин комнаты хранил томик под комодом?

Вечером я решил почитать. Сначала шло предисловие, где Достоевский объяснял, что этот роман – предостережение. И смута, показанная в масштабе одного города, завтра может предстать в совсем ином размахе и коснуться всей России.

Я перелистал роман, текст был подчеркнут во многих местах.

Принялся читать подчеркнутое. И как зазвучал проклятый роман, как мучительно понятны стали все эти бесовские мечтания героев...

Они мечтали построить новое общество – общество равенства – через кровь! Как и мы, они верили, что нынешнее (то бишь царское) поганое общество реформировать нельзя, поэтому надо «перескочить через канавку». И чтобы прыжок в светлое будущее – в новый

мир – был удачен, придется убить миллионы. Как знаком был этот «новый мир», который они мечтали сотворить. В этом новом обществе все будут равны... в рабском подчинении вождям! И потому это общество не терпит исключительности. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Их изгоняют или казнят. «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями...» Я помнил пламенные речи Бухарина – об «организованном понижении культуры», пароход, на котором Ильич выслал знаменитых философов, суды и расстрелы интеллигенции!

В этом новом мире трудолюбивых муравьев у людей максимум обязанностей и минимум потребностей. «Необходимо лишь необходимое». И для стабильности этого общества все должны следить за всеми и все доносят на всех. Это были дословно будущие, радостные слова Микояна: «У нас каждый трудящийся – работник НКВД»!

Но самое знакомое и оттого ужасное: в этом обществе Бесов люди были спаяны удивительной верой в величие происходившего с ними.

В предисловии к тому был эпиграф – цитата из романа «Преступление и наказание»: «Будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные...»

Я решил купить сочинения Достоевского. В букинистическом магазине мне удивительно повезло – я приобрел два разрозненных тома того же издания, первый и последний. В первом томе был наклеен экслибрис владельца. Я сразу узнал этот вычурный герб: щит, увенчанный княжеской короной, который держали два золотых льва, на щите – серебряный крест. Да, это был герб... князя Д.! Его герб, мой герб!

Я был потрясен. Так, может, и подчеркивал... он? И это он разговаривал со мной из-за гроба? Я опять видел его лицо... в тот последний миг.

В последнем томе я нашел послесловие... и снова с подчеркиваниями. Подчеркнуто было описание смерти Достоевского... Умирая, он позвал детей. Они встали у его кровати – сын и дочь. Он протянул им Евангелие и попросил прочесть вслух притчу о Блудном сыне. Когда чтение закончилось, он сказал: «Дети, не забывайте никогда того, что только что слышали здесь. Храните беззаветную веру в Господа и никогда не отчаивайтесь *в Его прощении*. Я очень люблю вас, но моя любовь – ничто в сравнении с бесконечной любовью Господа ко всем людям, созданным Им. Если бы даже вам случилось в течение вашей жизни совершить преступление, то все-таки не теряйте надежды на Господа. Вы Его дети, смиряйтесь перед Ним, как перед вашим отцом, молитесь Ему о прощении, и Он будет радоваться вашему раскаянию, как Он радовался возвращению Блудного сына».

...Неужели тот, расстрелянный мною хозяин книги, чьим именем я пользовался столько лет, возвращал меня, великого грешника, блудного сына к Богу? «И никогда не отчаивайтесь *в Его прощении*...»

Я заплакал с книгой в руках. Помню испуганное лицо жены, когда она вошла в комнату. Я ничего не сказал ей об *этом*. Я хотел, чтобы *это* осталось исключительно моим.

Но с тех пор мне стало казаться, будто я слышу в себе Голос. Его нужно было таить... от всех. Знакомое ощущение старого подпольщика. Правда, в моем подполье прятался Бог.

Я начал... молиться по утрам каждый день. Чтобы не пугать жену и дочь, вставал рано. Молился на коленях у подоконника, глядя в небо. Мои делали вид, что спят. Я так и не знаю, как жена объясняла эти «пережитки» пионерке Сулико.

Встреча товарища Кобы с его другом товарищем Фудзи

Это случилось через месяц. Я сидел в редакции за работой – читал рукописи. В издательство приходили тысячи графоманских сочинений. Читать их было пыткой. Но это являлось моей обязанностью... У меня даже появилось жутковатое ощущение: когда вечером, возвращаясь домой, я видел свет в окнах домов, был уверен, что там мои враги пишут свои творения. Проклятые, наверняка длиннющие рукописи.

В тот день я сидел над очередным опусом (о каком-то квадратно-гнездовом способе, который не хочет внедрять на поля тайный враг, злобный вредитель), когда услышал в коридоре топот.

Вбежал директор издательства. И с каким лицом! Сколько на нем было эмоций – ужас, подобоострашие, восторг! Он прокричал:

– Скорее! За мной!

И мы побежали по коридору. Он ничего не объяснил мне, но я сразу догадался. Я уже видел подобное лицо той ночью, в лагере.

Промчавшись мимо ошарашенной секретарши, мы ворвались в директорский кабинет. На столе лежала снятая трубка. Он подал мне ее, как Самое Священное...

– Сейчас с вами будут говорить, – произнес в трубке знакомый голос Поскребышева.

Наступило молчание. Потом другой знакомый голос спросил:

– Это ты, Фудзи?

– Это я... – Голос мой дрожал. И после мучительной паузы, стоившей мне по меньшей мере года жизни... потому что я не знал, как его назвать... ох, как я боялся ошибиться... промямлил: – Это я... Иосиф Виссарионович... Здравствуйте.

– Здравствуй, – мягко продолжил он. – Ты случайно не свободен сейчас?

– Свободен... конечно, свободен.

– Я рад, что ты свободен. Тогда приезжай ко мне.

– Как, Иосиф Виссарионович? – растерялся я.

– Неумный вопрос, Фудзи, – ласково засмеялся он. – Товарищ Сталин сказал бы, «глупый вопрос».

В трубке раздались гудки. Тотчас раскрылась дверь, и в кабинет вошел вежливый молодой человек в форме майора НКВД.

Меня привезли в Кремль. Здесь мало что изменилось. Все тот же «уголок», где находился его кабинет.

В этом кабинете он обосновался, кажется, незадолго до смерти Нади. Он располагался в бывшем Сенатском дворце (корпусе номер один – как он у нас именовался). Углом Сенатский дворец выходил на Никольские ворота Кремля. Кабинет в просторечии, и опять же для секретности, получил название «Уголок».

Как обычно, я вошел в подъезд номер два (главный парадный подъезд здания) и предъявил пропуск дежурному. Около дежурного я увидел Власика, начальника охраны Кобы.

Это означало, что Коба в кабинете. Власик меня узнал, усмехнулся:

– Давно не виделись, здравствуйте!

– Свиделись, тем не менее... здравствуйте.

Я медленно поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Сейчас я все воспринимал глазами постороннего. Я будто впервые видел: высокие двери кабинета, огромная приемная, показавшаяся мне после лагеря и редакционных каморок похожей на бальный зал... Все те же три стола красного дерева, поразившие меня сейчас красотой и размерами. За одним сидел полковник НКВД. Взглянул на меня, и я... тотчас вытянулся, руки по швам! Ничего не мог с собой поделаться... За двумя другими столами – блестящая лысина Поскребышева, все того же главы Секретариата, и шевелюра его безликого помощника.

Полковник записал в журнале регистрации, когда я вошел (потом запишет, когда выйду из святилища). Все, как прежде, будто не было этих пяти лет. И все по-новому.

Ровным голосом, в котором мне всегда чудилась скрытая насмешка, Поскребышев сказал:

– Здравствуйте, товарищ Фудзи. Вы можете пройти в кабинет, Иосиф Виссарионович вас ждет.

Вошел... Тот же сводчатый потолок. В углу – те же большие стоячие часы в футляре из черного дерева. Та же тумбочка у окна с посмертной маской Ленина под стеклом. Та же ковровая дорожка, ведущая к столу. Та же картина на стене: Ленин на трибуне – выступает. Те же диван и стеклянный книжный шкаф. Та же, как всегда раскрытая, дверь из кабинета в комнату отдыха, со знакомым огромным глобусом посередине и картами на стенах.

Но Коба! Новый Коба встретил меня в форме генералиссимуса, с вечной трубкой в негнущейся руке. Победитель Коба! Величественный генералиссимус Коба. И я, жалкий старик...

Мы стояли и смотрели друг на друга.

Я поздоровался. Коба указал мне на большой стол для заседаний. Знакомый стол с зеленым сукном, образующий с его столом букву «Г».

Все так же молча он сел за свой стол с аккуратно разложенными бумагами и склонился над какой-то толстой рукописью... Я увидел, как он полысел. Голая макушка товарища Сталина вместо густых волос Кобы. Разглядел я и то, как он стал сутулиться, как мешковато сидели золотые погоны на его опущенных плечах... Время! Представляю, насколько нехорош показался ему я – маленький, жалкий старикашка в дешевом костюме. Как всегда, читая мысли, он тотчас поднял голову, посмотрел на меня задумчиво и сказал печально:

– А ты совсем седой и поплешивел, Фудзи!

Я облился потом и прошептал:

– Годы, Иосиф Виссарионович.

Вдруг он яростно закричал:

– С каких это пор ты стал со мною на «вы»?! Мы разве поссорились? За что обижаешь? Почему забыл мое партийное имя? Может, ты прогнал из партии товарища Сталина?

От ужаса я потерял дар речи. Я знал: одно неверное слово – и я снова буду там! Снова бедствия для моей несчастной семьи! Я поднял глаза и наткнулся на его бешеный взгляд. Сколько раз я видел его: это был он, мой старый друг Коба. И я с любовью, печальной,

непритворной любовью, посмотрел на него. Он это почувствовал. Глаза стали ласковыми. Я понял: первое испытание выдержал.

– Никогда не говори мне «вы», никогда! Слышишь, Фудзи! Сколько нас осталось – друзей-соплеменников?

Действительно, нас совсем не осталось. Нас, любивших друг друга, готовых умереть друг за друга удалых грузинских парней! Одних он посадил, других расстрелял, третьих заставил покончить с собой...

Он смотрел внимательно, глаза в глаза. Я с отличием окончил его университеты. В моих глазах он прочел только любовь. Любовь к Вождю, Учителю и старому Другу. Уверен, я выдержал и второе испытание.

И тогда он трубкой указал на рукопись.

– Это «Витязь в тигровой шкуре», русский перевод...

Он помнил мою любовь к этой поэме: когда-то тысячу лет назад в туруханской ссылке я читал ему ее наизусть, а он, зевая, слушал.

И вот теперь, перелистывая рукопись корявыми толстыми пальцами, задал мне несколько наивных школьных вопросов. Я ответил. Он поблагодарил и что-то записал прямо на полях. Потом пояснил:

– Меня попросили товарищи отредактировать русский перевод «Витязя»... Я решил с тобой посоветоваться.

Он действительно редактировал. Он, управлявший гигантской страной, хотел еще править «Витязя». На языке, который плохо знал, на котором до сих пор писал со смешными ошибками. Но он верил, что сумеет сделать и это. А может быть, это опять было испытание? Очередное? Он все еще пристально смотрел в мои глаза. Но, клянусь, там было написано только одно: «Величайший Гений редактирует перевод величайшей поэмы, рожденной на его родине. Как же это прекрасно! Кому же, как не ему...»

Он был доволен.

– Тебе передадут рукопись и мои замечания. Просмотри их – не в службу, а в дружбу. Заранее спасибо за консультацию, Фудзи. Ты знаешь, как я ценю твои знания...

Мы простились.

– Послушай, – вдруг сказал Коба, когда я уже стоял в дверях. – Я сейчас подумал. Сколько лет мы с тобой не виделись! Нехорошо, Фудзи. У тебя ведь было новоселье. Ты должен позвать меня в гости. Посидим, как прежде, поговорим, вспомним прошлое, споем...

– Но, Коба, я живу довольно тесно... – пролепетал я.

– Как тебе не стыдно, Фудзи? Помнишь, как мы жили до Революции? Где мы с тобой только не ютились! Разве это мешало нам веселиться? Тесный дом друга – может ли быть что-нибудь просторней?

– Прости. Я буду очень рад тебя видеть, Коба!

– Да, Фудзи. У меня ведь грядет юбилей... У тебя, по-моему, тоже?

– Да, через год после твоего. – (Впрочем, в лагере у меня был промежуточный – шестьдесят пять лет. В тот день меня отправили чистить сортир. И охранник, гогоча, сказал: «С юбилеем тебя, еб... понский бог!»)

Но в моих глазах читалась лишь радость от встречи!

Коба тоже приветливо улыбался.

– Значит, завтра жди меня к себе.

«Так это и есть пионэрка Майя?»

На следующий день с утра в нашей квартире появились молодые люди в одинаковых костюмах. Все мои двенадцать соседей были загнаны в комнаты и не могли, несчастные, даже выйти в туалет. Квартиру обследовали, стены простукали, из коридора убрали все сундуки, все тазы, велосипеды, всю обувь и пальто. Коридор стал девственно чистым, и молодые люди заняли важнейшие стратегические места на подступах к туалету и ванной, в кухне, в повороте коридора.

Они гулко переговаривались между собой. Переулок и дом были оцеплены. Патрульные машины стояли вдоль тротуара. Те же молодые люди бродили по вмиг опустевшей улице, разгуливали по этажам. С трех часов дня движение жильцов по нашей лестнице окончательно прекратилось.

Наконец, в семь часов подъехали машины: сначала две, потом еще три, пять... Коба привычек не менял – все машины выглядели одинаково, чтобы нельзя было понять, в какой из них находится он.

Мы сидели в нашей комнатухе, пили наше грузинское вино, принесенное Кобой, и пели наши грузинские песни. Жена рядом со мной усердно подпевала, боясь глядеть на Кобу.

Коба посадил мою дочь на колени, и она замерла, не смея шевельнуться, на коленях Лучшего Друга советской детворы и детворы всего мира. Он мягко и нежно выкручивал ей ушко своими короткими, толстыми пальцами. Это была его прежняя, любимая ласка...

Мы вспомнили с ним о каторге и ссылке (царской), вспомнили анекдоты (того времени). А потом опять пели. Как хорошо он пел! Не помню, писал ли я, но у Кобы всегда был поразительный слух. Он слышал, о чем шепчутся в соседней комнате за закрытой дверью. И голос у него был несильный, но очень приятный. Слух и голос его остались прежними.

Он ласково глядел на меня, и я любил его. Я любил нашу юность, наши прежние мечты, нашу маленькую солнечную родину. Милый мой друг Коба... И я старался забыть *обет*, который дал тогда в лагере.

Он внимательно следил, чтобы я не пропускал тосты, чтобы пил до дна стакан за стаканом. Но от вина моя преданная любовь лишь возрастала. Здесь он ошибся. Лишь возрастала моя любовь к нему...

В конце вечера, продолжая выворачивать ушко Сулико, он вдруг пробормотал, как бы невзначай:

– Так это и есть «пионэрка Майя»? – И жадно уставился на меня...

Значит, он читал ее письма? Все эти годы он знал, что ему пишет она – моя несчастная, полуголодная дочь? Я в бешенстве посмотрел на него. Не смог скрыть! Он, зло усмехаясь, глядел на меня.

И под этим взглядом неистовый огонь грузина-отца покорно погас. Теперь на Кобу смотрели жалкие, тусклые, умоляющие глаза старого Фудзи.

В полночь он ушел. Я не спал – ожидал конца. Знал, что это случится на рассвете...

Но наступил рассвет... и ничего не случилось. Точнее, все случилось наоборот.

На следующий день мне позвонил Поскребышев и сообщил, чтобы в издательство я

больше не ходил, что ко мне уже выехал фельдъегерь с пакетом из ЦК.

Фельдъегерь привез приказ о моем назначении на должность заместителя министра иностранных дел. Еще через день я получил ордер на квартиру.

Квартира была в том же Доме на набережной, но в другом подъезде. Когда я приехал смотреть ее... смешно и страшно писать, но на кухне на плите опять стоял теплый чайник. И здесь кого-то взяли буквально накануне. Я легко мог узнать, кого, но не захотел.

Я понял, как был не прав в ту страшную ночь. Только когда секундное мое бешенство сменилось угодливым страхом – именно тогда я выдержал испытание. В тот момент Коба окончательно убедился: нет больше опасного, храброго Фудзи. Умер! И *никогда* более не воскреснет.

Есть трусливый раб, пес, готовый все стерпеть, виляя хвостом. Да, я с честью выдержал его испытание! Злое испытание друга моего Кобы!

Но он, Коба, ошибся! Ибо никогда не говори «никогда».

Новые замыслы богочеловека

Я снова стал часто встречаться с Кобой. Все свое время он посвящал осуществлению гигантских, воистину наполеоновых планов. Каждый раз, приходя к нему в кабинет, я видел, как мой друг давал указания в какой-нибудь области...

Помню, однажды он был Великим Архитектором... В кабинете сидели Берия, Молотов и два архитектора. Висел огромный лист ватмана, изображающий странное, фантастических размеров здание с уступами, кончавшееся шпилем. Здание напоминало одновременно неправдоподобно высокую церковную колокольню и вавилонский храм.

Коба расхаживал по кабинету и держал речь.

– Москва теперь не просто столица. Она столица нового мира – лагеря социализма. Между нами говоря, нынче по виду это нищий, грязный город со следами бомбежек. Надо в кратчайший срок поменять облик города. Товарищи спросят: «Как?» Я предлагаю надеть на Москву подобающую корону, которая заставит наших людей гордиться своей столицей. Это корона из семи зубцов – семи высотных зданий.

Молотов и Берия захлопали.

– Перед вами – одно из них. Докладывайте, – сказал Коба.

Архитектор, к которому он обратился, встал, откашлялся и начал читать по бумажке привычное:

– «Опираясь на руководящие указания товарища Сталина, мы создали свой, советский стиль высотных зданий. В нем переплетаются древние исконные традиции русского зодчества, облик древних русских церквей, а также теремная архитектура времен великого царя Ивана Васильевича Грозного. Но никакого подражательства американским небоскрегам. Все эти идеи подсказаны нам лично товарищем Сталиным...»

Коба одобритительно кивал. Потом заговорил сам:

– В эту высотку мы переселим Министерство иностранных дел. Здание должно отражать величайшее могущество страны Советов. Послы будут входить в вестибюль, похожий на дворец. Мрамор, гранит, бронза... Пусть восхищаются иностранцы-засранцы!

Города лежали в руинах. Разрушенный Сталинград ютился в подвалах, бараках, но гигантские деньги и силы должны были пойти на эти семь небоскребов.

Берия и Молотов продолжали демонстрировать буйный восторг. Я конечно же присоединился.

В другой раз мой друг был Великим Мелиоратором. В тот день в кабинете собрались министр сельского хозяйства, руководство министерства и те же Берия и Молотов.

Коба у стола держал очередную краткую речь.

– Сколько раз была засуха в Поволжье, товарищи?! Люди старшего поколения – например, мы с товарищем Фудзи – хорошо помнят, как при царизме голод периодически охватывал страну. – (Я усердно закивал.) – Теперь больше не будет голода. Товарищи спросят: «Как?» Станем перекрывать реки. Создадим лесозащитные полосы. Справедливо сказал товарищ Мичурин: мы, большевики, не можем ждать милостей от природы, взять их – наша задача.

Берия, Молотов и я – мы все захлопали.

(На следующий день из всех репродукторов непрерывно несло: «Мы, большевики, не

можем ждать милостей от природы. Взять их – наша задача».)

А тогда Коба спросил:

– Сколько, Лаврентий, в твоём ведомстве рабочих рук?

– Два с половиной миллиона.

– Придется им хорошенько поработать! Предстоит засеять сто двадцать миллионов гектаров леса. Это будут гигантские лесозащитные полосы – до тысячи километров при ширине шестьдесят метров. Одновременно мы повернем вспять некоторые реки. Пусть господа иностранцы-засранцы попробуют осуществить хоть часть плана, за который берется СССР. Не выйдет! Мы, коммунисты, навсегда победим и засуху, и неурожай... Лаврентий, добавляй себе людей.

Какая короткая фраза! Но за ней – аресты и гибель тысяч...

В конце заседания принесли только что выпущенный плакат. На нем Коба, молодой, красивый, в форме генералиссимуса, с трубкой в руке, склонился над картой лесозащитных полос. Надпись: «Засуху победим. Мы, большевики, не можем ждать милостей от природы. Взять их – наша задача. И.В. Сталин».

Коба плакат одобрил.

Был он, конечно, и Великим Ученым. Его всегда мучило, что прежние вожди партии – Ленин, Троцкий, Бухарин – являлись теоретиками. И вот под старость он сумел встать с ними в ряд, взял и эту высоту.

Безвестные ученые присылали ему множество писем, как правило, пороча своих известных коллег. Когда их несложные мысли ему нравились, он конспектировал их, совершенно искренне забывая впоследствии про несчастного автора.

В результате он, не очень грамотно говоривший на русском языке, написал «основополагающую работу по вопросам языкознания», где заклеил заблуждения великого лингвиста Марра.

Ему понравилось чье-то письмо, разоблачавшее генетику. И он тотчас объявил ее буржуазной лженаукой. Заодно посадил и расстрелял нескольких ученых-генетиков.

Станет он и ведущим экономистом, напишет «основополагающую работу по экономике социализма»...

К сожалению, истинные авторы иногда наивно напоминали о себе.

Но Берия умел позаботиться о них, и впредь они более не огорчали Кобу своими письмами.

Титан-мыслитель в мундире генералиссимуса. Таков он теперь, мой друг. С раннего утра и до ночи гремит его имя. Нельзя без него погулять – имя тотчас помчится за вами из уличного репродуктора, дома оно ползет к вам в мозг из вашего радиоприемника; нельзя за обедом открыть газету – оно ринется со всех страниц прямиком в ваш суп. Разорвите газету, выключите репродуктор – имя донесется через стену из радио соседа, оно будет слышно из-за двери уборной, когда ты запрещаешься по нужде, от него не укрыться даже под одеялом в кровати – заползет и туда.

Но сам Коба – за занавесом. Только в дни праздничных торжеств страна видит его лицо. Мой великий друг давно понял: тайна – мать величия на Востоке. Азиатский бог таинственен. Гитлер – западный бог. Человек представления, диктатор-мистик, заклинатель.

Коба – восточный бог, скрывающийся в темном покое. Гитлер – болтун. Коба немногословен. Но каждая его фраза на вес золота. Она тотчас разлетается по стране, бесконечно цитируемая, написанная на множестве плакатов – на улицах и в парках. И страна учит их наизусть, как прежде учила Евангелие.

Богочеловек Коба!

Очередная тайна Кобы

Как и многие тогда, я был уверен, что он помешался в старческом тщеславии.

Но постепенно я начал его понимать. Как и все в его жизни, это безумие имело практическую цель.

Впервые я об этом подумал в 1946 году. Помню, тогда в его кабинет внесли огромную свернутую в рулон карту – «СССР в новых границах».

– Трудимся все, – весело объявил Коба.

В кабинете были Берия и Молотов. Мы втроем дружно и демократично под руководством Кобы взялись прикалывать огромную карту кнопками к стене.

Коба был необычно словоохотлив:

– Запиши в свои писульки, Фудзи, которые ты, конечно, не ведешь... но ведешь... следующее: в победоносном 1944 году, когда мы гнали гитлеровские войска, товарищ Сталин понял – пора начать торговаться о территориях, пока наша армия самая сильная. И предложил встретиться главному империалисту Черчиллю... Черчилль, Рузвельт – большие люди! Рузвельт умер, жалкий Трумэн теперь вместо Рузвельта! Рузвельт, конечно, тоже был империалист, но он был великий империалист. А Трумэн... разве можно их сравнить. Или Черчилль... Да, Черчилль тоже империалист, но и он великий, спас в войну этих ебанных британцев. А они его ногой в жопу – погнали из премьеров! Перед голосованием его предупреждали о возможном поражении, советовали хитро подать в отставку, но он сказал этим мудакам: «Я никогда не уйду из бара, пока он сам не закроется». И закрыли, мудаки, такой бар... Вот она, гнилая буржуазная демократия в действии! Но тогда в сорок четвертом хитрожопый Черчилль был премьером. И товарищ Сталин предложил ему: «Давайте нарисуем послевоенный мир, чтобы потом не ссориться». Он согласился. Подумал, что лучше поспешить и поделить сейчас, пока армия товарища Сталина только начала освобождать Европу. Империалист хорошо усвоил: если товарищ Сталин займет территорию, он оттуда уже не уйдет. И надо ему успеть получить хоть что-то. Я говорю Черчиллю: условие наше одно – чтоб на наших границах или вблизи них были дружественные нам правительства. Он и здесь соглашается, но говорит: «Я приеду в Кремль со своим министром иностранных дел (Иденом)». Я говорю: «Зря! Тогда я буду вынужден взять своего министра Молотова. С ним нам с вами будет непросто. Это зверь, а не человек. Я его сам боюсь! Я даже когда-то сказал Рузвельту: “Молотова надо отправить в Чикаго. Он там станет своим среди гангстеров”. Я, конечно, постараюсь подтолкнуть его к компромиссу. Но вы стойте насмерть вместе со мной. Втроем против него нам будет легче». И вот они приехали в Кремль. И началось. Вячеслав помнит... Торг у нас шел всю ночь до утра. Черчилль, допустим, писал на листке: «Россия на 90 процентов доминирует в Румынии, Англия имеет то же в Греции...» Тут Вячеслав, по моему знаку, вступает: «Ни за что! В Греции – паритет». Я принимаюсь Молотошвили уговаривать. С трудом соглашается. Ведь Греция на самом деле нас не интересовала. Но Черчилль запомнил, что мы уступили...

Молотов наконец-то издал звук, обозначающий у него смех. Коба продолжал:

– Переходим к Италии. Говорю Черчиллю: «Здесь ваши сто процентов, здесь нам ничего не надо». Но он не успел порадоваться, как по моему знаку голос Вячеслава: «Возражаю!» И опять сражение Черчилля с Вячеславом! Счастливый Черчилль при моей поддержке побеждает. Но зато в Восточной Европе после таких наших уступок все прошло без сучка и

задоринки, как нужно было нам! Венгрия – семьдесят пять на двадцать пять в нашу пользу, Болгария – восемьдесят на двадцать. Только с Югославией вышел спор. Правда, потом мы и ее прибрали. С Польшей тоже решили не сразу, но в конце концов в нашу пользу. Джентльменское соглашение с империалистами скрепили пожатием рук. Черчилль сказал: «Господь сотворил мир за неделю, а мы с вами – за одну ночь». Уже уходя – Вячеслав этого не знает, – Черчилль, смеясь, добавил: «С Молотовым хорошо придумали. Именно так поступают картежники. Я с удовольствием взял бы вас в свою команду для любых переговоров».

Пока Коба рассказывал, Берия и Молотов старались – Берия непрерывно восторженно хохотал, Молотов одобрительно посмеивался.

– Товарищ Сталин сумел перехитрить Черчилля и во время Ялтинской конференции, – рассказывал Коба. – Поселил Рузвельта, как человека больного, в Ливадийском дворце, где проходила конференция. Сам поселился в довольно скромном Юсуповском дворце, а Черчиллю предоставил роскошный Воронцовский дворец. Каждое утро мы съезжались в Ливадийский... Но мне туда ехать семь километров, а Черчиллю – пятнадцать. Так что товарищ Сталин успевал один на один с Рузвельтом решить многое!

Соратники аплодировали, я не отставал...

Мы закончили прикалывать карту. Коба отошел, полюбовался и сказал:

– Ну что, по-моему, неплохо потрудились. Да, русские всегда умели хорошо воевать, но выгодный мир заключить не умели. Товарищ Сталин нарушил эту плохую традицию. Скажи, Вячеслав, думал ли ты в Сибири, что будешь делить мир? – Он посмотрел на меня. – Думали ли мы с тобой в Туруханске? – И добавил: – Напиши все в своих «Записках», Фудзи. Я их у тебя скоро заберу... когда снова *туда* отправлю! – Прыснул в усы и начал разжигать трубку.

Мы, грузины, тщеславный народ. Нам мало быть великими. Нам нужно постоянно *видеть* свое величие в глазах другого. Я был этими глазами. Зеркалом, глядя в которое, он видел весь свой длинный путь.

Разжегши трубку, Коба неторопливо пошел вдоль карты.

– Однако поглядим детальней, что у нас получилось. На Севере все в порядке. Финляндия перед нами слишком провинилась, и мы забрали у них немного земли – отодвинули их границу от Ленинграда. Теперь твои агенты, Лаврентий, могут преспокойно вылавливать там белых эмигрантов, сбежавших после Революции. Придется финнам *не* замечать твоей охоты. Постарайся хорошенько прочесать Финляндию и найти всю белую сволочь. Мерзавцы белогвардейцы должны узнать истину: никому не уйти от нашего возмездия. Такая Финляндия нас устраивает. Прибалтика, эта исконная земля русской империи, снова вернулась к нам, белорусы у нас собраны все, украинцы – тоже все, и молдаване все живут с нами... И так, на западе у нас нормально... – Он перешел к восточным границам и повел трубкой по карте. – Что у нас здесь? Курильские острова наши, Сахалин полностью... Посмотрите, как хорошо – и Порт-Артур наш! – Он провел трубкой по Китаю: – Китай, Монголия – они с нами. Навсегда. – И вдруг трубка застыла внизу карты, он сказал мрачно: – А вот здесь граница мне совсем не нравится. – Коба постучал трубкой южнее Кавказа. – И Дарданеллы пока не наши – это непорядок. Есть у нас и к Турции большие претензии на армянские земли! Хорошо бы их соединить с нашей Арменией...

Я слушал в ужасе. Видел изумленное лицо Молотова, растерянное – Берии. Коба явно

говорил о *новом переделе мира!*

Он усмехнулся, как это часто бывало, читая мысли. И сказал:

– Пророчество Ильича сбывается. Первая мировая война создала одно социалистическое государство. Вторая мировая родила целый лагерь социализма... Значит, третья война? Да, эта третья война навсегда покончит с капитализмом. Как учит хорошая русская пословица: «Бог троицу любит».

Все стояли в испуганном молчании. Страна лежала в руинах, двадцать шесть миллионов убитых, калеки без числа, а он уже размышлял... о новой Мировой войне!

Коба упоенно продолжал:

– Треть человечества идет в наших рядах... Фудзи помнит: когда приходил наш век, товарищ Сталин работал в обсерватории и смотрел в телескоп на звездное небо. И увидел небывалое свечение. Оно становилось все ярче, постепенно сияние заполнило все небо. Теперь мы с вами знаем – это грядет Великая всемирная Социалистическая Республика. Товарищ Сталин, может быть, даже ее увидит, как Моисей! Мы с Фудзи учили эту легенду в семинарии. Хорошая легенда. Моисей привел свой народ в Землю обетованную, но жить там ему не суждено было. Товарищ Сталин создаст для человечества Всемирную Республику рабочих и крестьян, но управлять ее будут Вячеслав и Лаврентий, они помоложе, – добродушно закончил он.

Оба побледнели.

Когда мы остались одни, он заметил:

– Глазки-то у них заблестели! Ну, добро бы Лаврентий. Он, если зазевашься, кинжал в тебя всадит, но тишайший Вячеслав... Вот уж не ожидал! Впрочем, есть еще одна хорошая русская пословица: «В тихом омуте черти водятся».

Я понял: и Молотов, и Берия – оба *кандидаты*.

Подарок Черчилля

5 марта 1946 года мир потрясла опаснейшая сенсация... Пока в СССР была ночь и мы спокойно спали, в Америке наступил вечер. И находившийся там с визитом Черчилль произнес в Фултоне свою знаменитую речь.

Начав читать ее, я моментально вспомнил удивительно похожие злые мысли.

22 февраля 1946 года наши службы перехватили невероятную телеграмму в восемь тысяч слов. Ее отправил из Москвы временный поверенный в делах США некто Джордж Кеннан.

Этот американский дипломат работал в России еще в тридцатых при Буллите (кстати, он присутствовал на том знаменитом балу, устроенном безумным послом). Высокий, с сухим лицом аскета, он, в отличие от большинства самодовольных американских дипломатов, в совершенстве выучил русский. Эта телеграмма, как передавал мой американский агент, произвела шоковое впечатление в Вашингтоне.

Помню, как я переводил Коба ее расшифровку. Его интересовало каждое слово.

Смысл был таков: русские понимают лишь одну политику – политику силы. И потому политика противодействия должна проводиться повсюду, где начинается русская экспансия. Запад должен объединиться в этом тотальном сдерживании.

Отдельные куски телеграммы Коба попросил повторить дважды. Например, этот: «У истоков маниакальной точки зрения Кремля на *западную опасность* лежит традиционное и инстинктивное для России чувство незащищенности. Изначально это было чувство незащищенности земледельческих народов, живущих на обширных открытых территориях по соседству со свирепыми кочевниками. По мере налаживания контактов с экономически более развитым Западом к этому чувству прибавился страх перед более компетентным, более могущественным, более организованным западным сообществом. Но эта незащищенность внушала опасение скорее российским правителям, а не русскому народу, поскольку российские правители осознавали архаичность формы своего правления, неспособность выдержать сравнение с политическими системами западных стран. По этой причине они все время избегали прямого контакта между западным миром и своим собственным, боялись того, что может случиться, если русский народ узнает правду о внешнем мире или внешний мир узнает правду о жизни внутри России...

Нельзя назвать случайным совпадением то, что марксизм, в течение полувека безрезультатно блуждавший по Западной Европе, задержался и впервые пустил свои корни именно в России. Только в стране, которая никогда не знала дружественного соседства, могло получить отклик это учение, утверждающее, что экономические конфликты общества могут быть разрешены исключительно насилем...»

Здесь Коба прервал меня и сказал:

– Хватит. Об одном жалею: что мы должны делать вид, будто не знаем всех этих мерзостей.

И вот теперь Черчилль повторил в Фултоне похожие мысли.

Как я уже писал, он потерял пост премьера и находился в оппозиции. Но во время визита в США его сопровождал сам президент Трумэн, что придавало поездке оттенок

официальности. Черчилль нравился американцам – мягкая шляпа с загнутыми полями, расстегнутый ворот рубашки, сигара во рту... Никакой английской чопорности, свой в доску парень. Когда ему присвоили во Флориде докторскую степень, он, к восторгу американцев, сказал:

– Эта докторская степень у меня не первая. Думаю, никто, заваливший в юности такое количество экзаменов, не получал столько докторских степеней...

Трумэн весело смеялся. Однако по окончании речи Черчилля в Фултоне президент, находившийся в зале, был бледен (все это сообщил наш агент).

Коба тотчас вызвал меня на дачу. Принимал в Большой столовой – я понял, что сейчас привезут остальных «гостей».

Как теперь часто случалось, Коба был в мундире генералиссимуса. Насмешливый и важный. На столе лежали еще не переведенные телеграфные сообщения агентств о речи Черчилля... Я стал переводить:

– «Свою речь Черчилль начал с цитаты из Байрона: “Кто превзошел всех, должен помнить о ненависти тех, кто отстал”...»

– Наша армия стоит по всей Европе, – усмехнулся Коба, – а мы отстали, как считает империалист товарищ Черчилль?! Продолжай...

– «После чего Черчилль заговорил о русской экспансии “От Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике над европейским континентом опустился железный занавес”... Он призвал США с Англией объединиться против советской угрозы. “Никто не знает, где пределы и есть ли пределы этой беспощадной коммунистической экспансии... И это уже касается не только Восточной, но и Центральной Европы. Во Франции и Италии влияние коммунистов чрезвычайно велико, там их партии представляют пятую колонну – вызов христианской цивилизации... Из того, что я понял при встречах со Сталиным и русскими, скажу одно: ничто не производит большего впечатления на них, чем *сила*. И ничто не вызывает у них меньшего уважения, чем *слабость*”. Далее Черчилль потребовал от Америки и Британии увеличить военную мощь. “От масштаба нашей вооруженности сейчас зависит наша безопасность”...»

Надо было видеть ярость Кобы, когда я переводил. Желтые глаза пылали! Но, когда я закончил, Коба... заплодировал! Потом сказал:

– Между нами говоря, товарищ Черчилль очень помог нам в войну. Не оставил нас своей заботой и в мирное время. – И добавил, глядя на меня в упор: – Он поможет нам теперь сделать главное – вовремя разъединиться с империалистами! Спасибо ему...

Я заметил:

– У меня до сих пор ощущение, что он хорошо прочел телеграмму Кеннона.

– Да нет, это общий, вечный, завистливый голос Запада, когда он начинает чувствовать нашу силу. Это испытали все русские цари...

В этот момент вошли они – весь новый ареопаг (не было только Молотова, он уехал в Лондон на совещание министров иностранных дел).

Я впервые увидел их всех вместе: Берия, блестя лысиной и старомодным пенсне, стоял напротив Кобы. Рядом с ним – новый главный идеолог Жданов, маленький полный человек с отечным лицом и мешками под глазами (дурное сердце и дурной сон – все это «на лице налицо», как любил говорить Коба). Про Жданова ходили слухи, будто он могущественный,

всесильный любимец. Но могу вас уверить, этот Всесильный на самом деле был жалким сердечником, горьким пьяницей, пытавшимся водкой залить постоянный, панический страх перед Кобой. На этом несчастном холуе Коба постоянно вымещал свое дурное настроение.

Рядом со Ждановым – Маленков, еще один новый фаворит, этакая огромная жирная жаба, умелый аппаратчик, новый «каменный зад», которым Хозяин потом заменит старый – Молотова. От постоянного сидения в кабинете – бледное, тусклое мучнистое лицо. Оба новых холуя должны были демонстрировать ненависть друг к другу. Они знали: это вызывает благоволение Кобы и успокаивает его подозрительность.

Поодаль стояли двое «молодых наследников», как их называли тогда в партии, – заместитель главы правительства Вознесенский с умным, приятным лицом (наследник в правительстве), и Кузнецов, вчерашний вождь Ленинграда, внешне напоминавший убиенного Кирова, ныне секретарь ЦК (наследник в партии). Эти «глупцы-молокососы», как окрестил их Коба, постоянно демонстрировали союз, сплоченность и преданную дружбу. Не понимая, что это смертельно опасно.

И сейчас они, над чем-то смеясь, переговаривались друг с другом. Если бы они видели, как смотрел на них Коба! Не замечали они и насмешливый взгляд Берии, хорошо изучившего Кобу. Сбоку от группы топтался главный шут – простодушный весельчак Хрущев с детским наивным лицом. Эта личина веселого Ивана-дурака была, на мой взгляд, самой умной маской.

Всех их объединял безграничный, завораживающий страх перед моим великим другом.

Начал Коба.

– Рассаживайтесь товарищи... – И мне: – Очень кратко записывай содержание выступлений.

Но выступлений не было. Говорил он один.

– Вчера в Америке товарищ Черчилль выступил с провокационной речью. Вы о ней подробней прочтете в завтрашней «Правде». Сей господин призывает братьев-империалистов не церемониться с нами. Товарища Черчилля раздражает победа коммунистической идеологии в странах Восточной Европы. Он хотел бы вернуть предвоенный мир. Поблагодарим товарища Черчилля, давнего поджигателя войны...

Помню, я вздрогнул. «Поджигающие войну» – именно так называл Черчилля и западных демократов... Гитлер!

В это время принесли очередную телефонограмму.

Коба прочел.

– Сообщают, что руководители США и Англии, Трумэн и Эттли, открестились от призывов Черчилля. – Голос Кобы стал металлическим. – Поздно, господа. Мы тоже могли бы сделать вид, будто ничего не случилось, но это не в наших интересах. Мы будем трактовать речь товарища Черчилля как прямой призыв к войне с СССР и лагерем социализма. Сегодня товарищ Сталин даст соответствующее интервью «Правде» и постарается сказать об этом прямо нашему народу и мировой общественности. Повторюсь, очень хорошая и своевременная для нас речь... Между нами говоря, после войны у нас в обществе появились неверные настроения. Некоторые представители интеллигенции позволяют себе открыто восхищаться западным образом жизни, преступно забывая, что в мире идет борьба классов. Спасибо тебе, товарищ Черчилль, что ты вернул нас к действительности. И напомнил о нашей главной задаче...

Здесь он остановился и о главной задаче тогда ничего не сказал.

И я, и ареопаг – мы пропустили эту фразу. Мы по-прежнему не понимали, что за *главная задача* имелась в виду!

Коба продолжал:

– Теперь насчет нашего отставания, о котором упомянул этот мерзавец... Это не так, и это... так! Все мы помним, как Черчилль и империалисты долго не открывали второй фронт, желая как можно больше обескровить нас. Но произошло обратное. Истекая кровью, теряя сотни тысяч в сражениях, мы создали самую сильную армию в мире... У господ империалистов сейчас осталось единственное преимущество – атомная бомба. Это очень серьезное преимущество. Наша задача – в кратчайший срок ликвидировать его. Это раз. И два: с сегодняшнего дня мы возобновляем нашу борьбу. Мы должны пресечь настроения благодушия и идеологической слабости... Я недавно прочел, как один из наших военачальников написал: «Война закончилась, и можно наконец пожить спокойно»! Как бы не так! Если мы заживем спокойно, мы больше не большевики. Мы, большевики, живем для трудностей – вот зачем мы пришли в мир. Мы пришли переделать этот мир. Кто хочет покоя – наш злейший враг. Зарубите себе это на носу. Мы прифронтовое государство – главная крепость социалистического лагеря, окруженная – кем? Врагами!

Берия захопал. За ним – все присутствующие и я, конечно. Но Коба жестом остановил овацию и продолжил:

– А что мы имеем? Лаврентий докладывает: оказывается, в столице недавно раздавались такие же искренние, жаркие овации! Я говорю о вечере поэтессы Анны Ахматовой. Спрашивается – почему ее так приветствовали? Я к тебе обращаюсь, Андрей.

– Враги, – сказал Жданов, отвечавший в новом Политбюро за идеологию.

Берия улыбнулся.

– Лаврентий правильно улыбается. Если бы хлопали только враги! Вот, например, здесь присутствует мой старый друг, товарищ Фудзи. Он, большевик со дня основания партии, все ладони отбил, хлопал, как наивная институтка. – (Берия снова чуть улыбнулся, а я... я никак не привыкну, что следят повсюду и доносят обо всем.) – Впрочем, после тех мест, где он побывал, и говно – пирожное!.. – (Он впервые упомянул о «тех местах».) – Эти вольнодумцы, – продолжал Коба, – между нами говоря, опаснее открытого врага. Они сегодня наши, но завтра могут быть чужие... И если товарищу Фудзи с его революционным прошлым нетрудно осознать свои ошибки, то для других они могут стать роковыми... Теперь о самом тревожном: разболтались военные!

Падение маршала Жукова

В комнату вошел молодой, черноволосый, кровь с молоком, красавец. Он держал в руках тоненькую папку (портфели и оружие сдавали при входе на дачу).

– Кто не знаком – познакомьтесь: генерал-полковник товарищ Абакумов. Много и хорошо поработавший в нашей военной контрразведке. Я думаю, мы рекомендуем его на пост нового министра госбезопасности. Возражения есть? Нет... Сейчас наш новый министр товарищ Абакумов прочтет нам выдержки из «прослушки» некоторых телефонных бесед. Вы услышите, о чем болтают между собой два негодяя – генерал-лейтенант Гордов, которому мы с вами присвоили звание Героя Советского Союза, и его начальник штаба, так же увешанный нами высокими наградами. Приступай, Абакумов.

Абакумов как-то торжественно (еще бы – вступление в должность!) начал читать:

– «В квартире гражданина Гордова была установлена «прослушка», как выяснилось, не зря. Оперативной техникой зафиксирован следующий разговор по телефону. С Гордовым говорит его начштаба Рыбальченко: “Вот жизнь настала – хоть ложись и помирай. Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят: в поездах, в метро – везде прямо говорят”. Гордов: “Эх, сейчас все построено на взятках и подхалимстве, а меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимаюсь”. Рыбальченко: “Да посмотри, что делается кругом, голод невероятный, все недовольны. Газеты наши – сплошной обман, так все говорят. Министров сколько понасажал, аппарат раздули. Как при царе было – поп, урядник, староста, на каждом мужике семьдесят семь человек сидели, – так и у нас сейчас...”» Стоит ли читать дальше эту контрреволюционную мерзость, товарищ Сталин?

– Стоит или не стоит – не тебе решать, Абакумов, – мрачно ответил Коба, – твое дело читать.

Абакумов продолжил декламировать свою страшноватую пьесу:

– «Оперативной техникой в тот же день в девятнадцать тридцать семь в квартире Гордова зафиксирован следующий разговор между Гордовым и его женой Татьяной. Гордов: “Что сделал этот человек... Разорил Россию и больше ничего. Почему я должен идти к Сталину – просить и унижаться перед...” Далее идут оскорбительные и похабные выражения в адрес товарища Сталина. “Я его видеть не могу, дышать с ним одним воздухом не могу, а ты меня толкаешь, говоришь – иди к Сталину. Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут. Эх, если бы ты знала хоть что-нибудь... Ты думаешь, что я один такой? Совсем не один, далеко не один”. Жена: “Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать. А сейчас заняться даже нечем. Хотят сломить даже такой гордый дух, как Жуков”...»

– Видите, в подпольщики собираются, – сказал Коба. – Ну, всю эту подпольную группу товарищ Абакумов уже арестовал. Но ведь мерзавец Гордов прав – он такой не один, совсем не один. И разговоры эти не случайны... Дух зародился такой в некоторых из армейской верхушки... Им кажется, что им не додали за победу. Особенно это касается товарища Жукова. В последнее время очень огорчает «прослушка» разговоров Главнокомандующего нашими сухопутными войсками... Давай, Абакумов, изложи, так сказать, краткое содержание.

– Увлеченный собственными амбициями, – начал Абакумов, – товарищ Жуков считает, что заслуги его недостаточно оценены. Позволяет себе открыто заявлять это в разговорах с

подчиненными, приписывать себе все успехи во всех операциях Великой Отечественной войны...

Коба походил по комнате. Наконец сказал:

– Возникает понятный вопрос: может ли он оставаться Главнокомандующим нашими сухопутными войсками и к тому же заместителем министра и начальником Военной администрации в Германии? Не закружилась ли голова у способного военачальника от такого количества постов? И не слишком ли он оказался молод и неподготовлен, чтобы быть членом ЦК нашей партии?

(Коба не прощал, когда человек начинал чувствовать свою значимость. Значимостью должен был награждать только он, Коба. Его ревность к Жукову, главному маршалу Отечественной войны, возникла, уверен, задолго до победы. Не случайно Коба захотел сам принимать Парад. Соратники конечно же сделали вид, что они в восторге. Кобу стали учить ездить верхом. Он взгромоздился на самую смирную лошадь, но она... тут же понесла! Мой друг вылетел из седла. Забывший за войну про всеслышащие кремлевские уши, Жуков посмел пересказать эту комическую историю, и это тоже явилось его большой ошибкой.)

– А я думаю, что не все так просто. Недаром злобные враги народа Гордов и Рыбальченко так славят товарища Жукова, – поспешил вставить Жданов.

– И входят в его окружение, – добавил Абакумов.

– Продолжай, Абакумов, – велел Коба.

– В последнее время участились случаи крушений самолетов. Оказалось, в руководстве ВВС орудует целая преступная группа американских шпионов. Нами арестован маршал Худяков, получена санкция на арест командующего ВВС маршала Новикова, есть еще громкие имена. Они принимали с заводов самолеты заведомо с дефектами. Это привело к катастрофам и человеческим жертвам. Кстати, все они числятся большими друзьями Святого Георгия Победоносца – как в подхалимском рвении один из них назвал товарища Жукова.

Холодная война

-Неплохо было бы Абакумову допросить самого товарища Жукова, – усердствовал Жданов.

Берия непроницаемо молчал. Но Коба будто не слышал Жданова. Он сказал:

– Видите, как много мы с вами сразу заметили. Все потому, что товарищ Черчилль нас мобилизовал. Зрение вмиг стало острее. Напомнил нам империалист, спасибо ему, что в нашу нынче плохо закрытую дверь сильно дуют капиталистические ветры. Я хочу, чтобы вы осознали новую и главную задачу – эту дверь мы сейчас закроем, и накрепко. Покойный мерзавец Геббельс был прав. В области идеологии врага должна встречать такая же армия, как на поле боя. Ни одного дня без разоблачения чуждых идей! Ты понял, Андрей? – обратился он к Жданову. – Идеология – твоя епархия. Наводи порядок! Иностранцы – засранцы... Этого, между нами говоря, не понимает наша интеллигенция, постоянно преклоняющаяся перед Западом. К сожалению, традиция низкопоклонничать идет у нас со времен Петрухи, – (так он часто называл Петра I). – Особенно к этому склонна интеллигенция еврейской национальности...

(Как засверкали глаза присутствующих! У нас на Кавказе, в нашем Вавилоне, никогда не было антисемитизма. В России – совсем другое дело. В народе говорят: «С антисемитизмом и водка крепче, и сахар слаще».)

– Следует напомнить народу, – говорил Коба, – *что самый последний советский человек стоит на голову выше любого высокопоставленного буржуазного чинуши...* – (Уже завтра сей афоризм зазвучит из всех радиоприемников.) – Подведем итоги, товарищи. С сегодняшнего дня мы начинаем нашу мирную войну. Беспощадное разоблачение господ космополитов, пресмыкающихся перед иностранцами. Придется крепко ударить по некоторой нездоровой части интеллигенции. Наша недоработка – мы не успели хорошенько ее почистить перед войной. Займемся этим сейчас. Мы напомним забывчивым товарищам про диктатуру пролетариата. Борьба должна вестись на всех направлениях. Вот почитал я наши исторические труды... Тебе, Андрей, надлежит выяснить, кто там пишет все это безобразия: паровой котел изобрел англичанин, электрическую лампочку – американец, радио – итальянец, самолет первыми испытали американцы... Разберись с бездельниками-историками. Надо выявлять приоритеты русской науки. Чтобы талантливый наш народ мог гордиться своим великим прошлым...

Мне показалось тогда, что я ухватил главное – возобновлялась знакомая идеологическая война с привкусом антисемитизма. Но как же я ошибся! Как всегда, я не понял планетарного замысла моего великого друга.

Пойму я его только потом.

– Что же касается Жукова... – продолжал Коба, – Он способный маршал. И тут спешить не надо. Я предлагаю отправить его командующим на юг в Одесский округ. Пусть отдохнет у моря, поймет свои ошибки.

Наш греческий хор дружно закивал.

(Впоследствии Черчилль объявил свою речь началом холодной войны между Западом и Востоком. Но ни он, ни мы не знали, что она явилась началом еще одной войны. Мой неутомимый друг-революционер собрался в очередной поход на собственную страну.)

Великий музыковед

– А теперь, – сказал Коба, – немного развлечемся. Садись за рояль, Андрей.

Великолепный «Стейнвей» стоял в Большой столовой рядом с радиолой. (Эту радиолу подарил Кобе «империалист Черчилль». У Кобы была огромная коллекция пластинок, на которых он сам делал отметки: «Дрянь», «Здорово!» и так далее.)

Жданов послушался.

– Сыграй нам Чайковского... допустим, из «Пиковой дамы»...

И Жданов начал играть. Все с уважением глядели на него (он был единственный в Политбюро, игравший на рояле). Правда, скоро он сбился.

– Простите, Иосиф Виссарионович. Играть умею, а вот хорошо не умею. Но вы сказали – сядь...

– Сесть все успеют, и ты тоже! – Острил Коба всегда нехитро. – Теперь сыграй нам, *как договорились*.

Жданов снова заиграл, но тотчас был прерван:

– Что играешь, объяви.

– Шостакович. Симфония.

– Это симфония? – усмехнулся Коба. – Это какофония. И потому господам империалистам нравится. Следует обсудить творчество указанного товарища. Эти выкрутасы чужды народному вкусу! Не так, как мы с вами только что слышали, сочинял Чайковский. Продолжай, Андрей! Теперь сыграй товарища Прокофьева.

И опять заиграл несчастный Жданов. И опять был прерван Кобой:

– А это другой вольнодум... Товарищ Прокофьев слишком долго жил за границей и вот решил навязать нашему народу свои эксперименты. Я думаю, ты, товарищ Жданов, дашь им справедливую оценку. Но вправлять мозги нашим горе-интеллигентам будем постепенно. Начнем с писателей. Ты отправишься в Ленинград, соберешь интеллигенцию и обстоятельно покритикуешь товарища Ахматову – эту музейную редкость из мира теней. К ней пристегнешь в пару кавалера – какого-нибудь литератора-антисоветчика. К сожалению, долго искать не придется. Их нынче пруд пруди. И в конце речи спроси зал, строго спроси: «А почему они до сих пор разгуливают по садам и паркам священного города Ленина?»

– Арестуем старуху прямо в зале, – сказал Жданов.

– Не надо... Пока этих слов достаточно... После чего примешься за музыку, за парочку – Прокофьев и Шостакович...

– Но кого-то надо арестовать? – не унимался Жданов.

– Лаврентий предлагает арестовать первую жену Прокофьева. Она испанка – чуждый элемент. Есть другие мнения?

Других мнений не было.

– Разоблачения вредной идеологии должны теперь печататься в газетах каждый день.

Вошел Поскребышев.

– Привез товарищей Шостаковича и Прокофьева.

– Товарищей Шостаковича и Прокофьева, пожалуй, отправьте домой. Пусть тревожатся, почему их не приняли. Ими займемся позже.

– Они давно тревожатся, товарищ Сталин, – усмехнулся Берия. – Шостакович в воскресенье жег свой дневник, а Прокофьев вчера до утра сжигал годовой комплект журнала

«Америка».

– Твоя мысль понятна, Лаврентий. Но повторяю: арестовывать не будем. Они еще пригодятся в хозяйстве.

– Прибыл также товарищ Эйзенштейн с актером товарищем Черкасовым и министром товарищем Большаковым, – доложил Поскребышев.

Великий историк

– Пусть подождут. – И Коба обратился к соратникам: – Зачем я пригласил товарища Эйзенштейна? Вы все знаете его фильм об Иване Грозном. Замечательная работа. Теперь Эйзенштейн снял вторую серию... лучше бы остановился на первой. Товарищ ничего не понял в Истории. Изобразил опричников как последних бандитов. Иван Грозный, этот великий человек со стальным характером, в фильме то лютый зверь, то безвольный Гамлет...

– Товарищ Абакумов предлагает выяснить, для чего он это сделал, – сказал Берия.

– Сморозил глупость, Лаврентий. Товарищ Эйзенштейн нужен.

Он нажал на звонок.

Они вошли – кругленький, полный Эйзенштейн с совершенно лысой, непомерно большой головой и длинный, узкий с медальным профилем самый популярный актер страны – Черкасов. За ним, сторбившись, стараясь быть как можно меньше, шагал несчастный, вечно испуганный министр кинематографии Большаков.

Соратники сидели за столом и во время беседы не проронили ни слова. Они будто вымерли. Но Коба к ним и не обращался, словно их не было.

Перед ним лежала бумага, он иногда в нее заглядывал...

Он прошелся по комнате, потом спросил:

– Хорошо ли знаете отечественную историю, товарищ Эйзенштейн?

После роли Великого Мелиоратора, Великого Архитектора и Великого Музыковеда он играл Великого Историка.

– Известно ли вам, к примеру, – продолжал Коба, – что Иван Грозный ввел монополию на внешнюю торговлю? После Ивана ее введет только великий Ленин. Известно ли вам, что Иван до нас, большевиков, беспощадно воевал с оппозицией внутри государства? В разгроме оппозиции была огромная заслуга созданного Иваном опричного войска. Это, если хотите, предшественник нашего ЧК. Известно ли вам, что главный опричник Малюта Скуратов был крупным военачальником, геройски павшим в войне с Ливонией? Но в вашем фильме опричное войско – это какие-то убийцы, дегенераты, что-то вроде их ку-клукс-клана. Мы верим, что это не был злой умысел, вы просто плохо изучили историю, товарищ Эйзенштейн. Мы посоветовались в Политбюро и решили поручить вам исправить ваши серьезные ошибки и кардинально переработать фильм. Нам очень важно теперь, – здесь Коба остановился и, внимательно посмотрев на Эйзенштейна, повторил: – *теперь* показать прогрессивную роль опричнины, беспощадно уничтожавшей врагов народа. Мы не просим вас лакировать или фальсифицировать историю. Мы требуем от вас правды, суровой, но нужной нам, революционерам, правды. Иван не был жесток. Интересы страны заставляли его быть беспощадным... При этом не бойтесь говорить о действительных ошибках товарища Ивана. И говорить во весь голос! Его главная ошибка – он не сумел довести до конца свою борьбу с оппозицией... не сумел дорезать несколько оставшихся феодальных семейств. Тут товарищу Грозному помешал товарищ Бог. Ликвидирует, к примеру, Иван семейство князя – оппозиционера, а потом год кается, замаливает эти, с позволения сказать, «грехи». Вместо того чтобы продолжать непрерывно, беспощадно действовать. Проводить в жизнь свой собственный лозунг... – Коба посмотрел в бумажку. – «Как конь под царем без узды, так и

царство без грозы»... Что делать, он не сумел стать до конца большевиком, – он улыбнулся.

– Все выполним, Иосиф Виссарионович, – заторопился министр.

– Это выполнять не вам. А вы что же молчите, товарищ Эйзенштейн?

– Постараюсь, товарищ Сталин, – глухо прозвучал его голос.

– Уж постарайтесь, и очень постарайтесь, это в ваших интересах, поверьте, – мрачно отозвался Коба.

– Нужны будут средства, – заметил министр.

– О средствах не беспокойтесь. Средства, любые, на подобный фильм у нас есть.

Эйзенштейн был бледен. Соратники тоже не порозовели. Только сейчас мы начали понимать, что присутствуем при крутом повороте Истории. Коба не просто возвращал страх. В наглухо закупоренной стране он собирался беспощадно дорезать... И каждый из нас тогда подумал: кого?

Правда, Эйзенштейн Кобу обманул. Он, говоря образно, поспешил сбежать, то бишь вскоре умер.

«И дам им отроков в начальники...»

После ухода киношников Коба опять развеселился (вообще весь этот последний период у него были постоянные перепады настроения).

– А ну-ка, Андрей, сыграй нам что-нибудь пободрее. Лезгинку, что ли!

Жданову это, видно, было не впервой. Он заиграл легко, весело.

Коба вскочил. И медленно, важно перебирая ногами, начал изображать нечто, напомиравшее танец. При этом остальные члены ареопага (и я, конечно!) громко били в ладоши, стараясь попадать в такт музыки, и столь же дружно выкрикивали:

– Товарищ Сталин, какой же вы крепкий!

Настроение его переменилось так же внезапно. Он вдруг остановился и сказал мрачно:

– Нет, нет, я долго не проживу.

– Вы еще очень долго будете жить, вы нужны народу! – дружно кричали мы.

Но Коба покачал головой:

– Физиологические законы необратимы. – Он посмотрел на Вознесенского и Кузнецова. – А на хозяйстве останутся вместо меня они. Им принимать хозяйство...

Вознесенский и Кузнецов заулыбались... вместо того, чтобы облиться потом от страха.

– Ну как... готовы? – усмехнулся Коба.

Глупцы радостно закивали. Они плохо знали Кобу.

Берия улыбался. Он знал его хорошо.

После окончания этого нашего заседания Политбюро я отдал ему краткий конспект. Я хотел уходить, но он меня задержал.

– Видал, как обрадовалась наша молодежь? «Всегда готовы наши пионеры!» Помнишь Библию? Высшее наказание, которое придумал Бог, – каково оно?

Я молчал.

– Плохо учился, оттого не помнишь. «И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними... *и юноша будет нагло превозноситься над старцем...*»

Я понял: они обречены.

С правом на убийство

Коба заходил по комнате, раскуривая трубку. Он начал рассуждать. Приступы старческой говорливости теперь стали у него частыми. Но в этот раз рассказывал интересно:

– Политик должен уметь обращаться с людьми. Да, люди легко обкатываются, как камешки в океане. Но это все разные камешки. Например, с Эйзенштейном, как со всеми интеллигентами, надо страхом. Они большие трусы... А с военными – или пулей или... лаской. Вот маршал Василевский, как сообщили мне осведомленные товарищи, терпеть меня не мог. Ну, если бы это происходило в мирное время... там понятно, что с ним делать. Но это были первые дни войны, когда подобных блестящих военачальников следовало особо ценить. Я попросил его дело. У него отец оказался сельским священником. Товарищ Василевский, как и положено партийцу, с отцом – служителем культа не общался, но конечно же очень страдал... все-таки отец. И вот я как-то вызываю товарища Василевского. В конце беседы вдруг ему говорю: «А вы мой должник». И пишу на бумаге серьезную сумму. Он вылупился, смотрит – не понимает. «Ну как же, говорю, жизнь сейчас трудная, идет война, и я вашему старику регулярно высылаю деньги будто бы от вас». И кладу перед ним квитанции о переводах. «Вы уж давайте, помогайте сами, не разоряйте меня... у меня ведь тоже семья». Василевский, клянусь, заплакал и стал весь мой. С тобой, Фудзи, я тоже часто бывал добр. Я ведь тебя хорошо знаю: с тобой или пулей или лаской... Кстати, Лаврентий... он очень не любит тебя... он понял, что перед арестом ты условился со своими агентами. Оттого они не шли ни с кем на контакт. Лаврентий предложил допросить тебя крепко, чтобы все выяснить. Но я сказал: «Фудзи боится только черта и меня. Если вы начнете его пытаться, вам придется его убить... Потому что Фудзи – железный парень. А я не хочу его терять»... Короче, товарищ железный парень, точнее, железный старик, я вновь беру тебя к себе на работу.

Оказалось, пока я сидел, Коба провел реорганизацию разведки. До этого специальные службы разведки и диверсий были и в Министерстве обороны (ГРУ), и в Министерстве госбезопасности. Теперь их работой должен был руководить единый Комитет информации во главе с министром иностранных дел Молотовым. Таким образом, весь аппарат МИД так же становился легальной частью разведки.

Но одновременно были созданы два особых Бюро.

Бюро номер один – для операций террора и диверсий за границей. И Бюро номер два – для ликвидации нежелательных лиц внутри СССР. Оба Бюро официально подчинялись министру госбезопасности. Но в обоих секретнейших Бюро Коба создал особые сверхсекретные *Подразделения X*, подчинявшиеся только ему и выполнявшие только его задания.

В этих Подразделениях X служили всего по два десятка постоянных сотрудников плюс полсотни негласных, работавших под крышей МИД и различных учреждений.

В Подразделении X числился отныне и я. Мы имели право *устранять* любых лиц как *вне*, так и *внутри* страны.

Я не знал, что делать, когда Коба объявил мне об этом. Я не хотел больше убивать. Но теперь опять был должен.

Я уходил, когда он спросил меня:

– Слыхал, какой идиот этот империалист?

Я с изумлением посмотрел на него.

– Не понял? Черчилль, – засмеялся Коба. – Человек Лаврентия в Штатах сообщил, что после речи в Фултоне Черчилль поперся на какой-то обед. Там была черная икра. Империалист, набрав ложку икры, сказал: «А знаете, дядюшка Джо присылал мне эту вкуснейшую штуку регулярно и помногу. Но теперь черта лысого получу хоть зернышко!» Товарищ Сталин велел посылать ему двойную порцию. Может, мудака поймет, как он нам помог своей речью!

Еще бы! Ведь именно после этой речи Коба задумал *начать*.

И опять началось!

Все эти годы... Они для меня сливаются в одно грандиозное, кровавое...

Поползли слухи об арестах все новых генералов из окружения Жукова. Взяли начальника его штаба. Об этом говорили шепотом военные. Но дальше случилось то, о чем шепотом заговорила вся страна. Исчезла любимица Жукова – знаменитая певица Русланова.

Русланова была не просто певица – она являлась одним из символов нашей Победы. После взятия Берлина у стен рейхстага Жуков приказал собрать баянистов со всей армии... На ступенях разбомбленного немецкого парламента под победный оркестр тысячи баянистов и восторженный рев солдат Русланова пела наши народные песни!

Она была женой друга Жукова, казацкого генерала.

Генерала арестовали дома и привезли к нам на Лубянку. Ее, кажется, взяли на гастролях... Помню, в эти дни Коба, перебирая пластинки, поставил знаменитые руслановские «Валенки»... Прослушал до конца, вздохнул:

– Типичная кабацкая песня! Кабацкая, крестьянская Русь... Недаром Русланова из крестьян... Сколько дерево не красить, будет дерево зеленым... К себе в дом тащить барахло, проклятое «мое»! – это в крестьянстве неистребимо. Вот где – главная угроза для нас в будущем. Русланова у стен рейхстага пела, а в это время ее муженек, советский генерал, вагоны с мебелью и фарфором отправлял в свой дом, в Москву. Оба они дружки Жукова. И это она, советская артистка, придумала называть Жукова Георгием Победоносцем. Икону подарила ему Святого Георгия. И коммунист товарищ Жуков взял икону! Он ведь тоже крестьянин в душе... Дочь Кагановича притащила домой великолепную люстру. Оказалось, маршал Жуков выбросил ее за ненужность – столько добра навез из Германии... Как же ему не стыдно! Большевик-маршал – мародер! – негодовал Коба.

Но я вернулся из лагеря, помню, Берия докладывал ему о генералах, вывозивших из Германии целые вагоны с добром. Мой друг Коба тогда лишь вздохнул:

– Что делать, так положено на войне. Варварское это занятие – война, и делает варварами участников.

Сейчас же Коба объявил это мародерством, невозможным для офицера-большевика... Так они попались в этот капкан, поставленный великим предусмотрительным Кобой... Всем арестованным «генералам-мародерам» задавали теперь обязательные вопросы о мародерстве опального маршала. Было ясно: Жукову – крышка, это вопрос ближайшего времени.

Но когда торжествующий Берия пришел с очередными показаниями на опального маршала, Коба вдруг мрачно посмотрел на него. И Берия замолчал.

Никто из нас не мог осмыслить в тот момент *всей* шахматной партии, которую разыгрывал Коба. Не понимали мы, в какие бездны он уже тогда глядел.

Конец Бенеша

Моим первым заданием в Подразделении X Бюро номер один стала Чехословакия.

После письма Черчилля Коба решил не церемониться.

– Мы уложили на поле боя миллионы солдат, чтобы иметь безопасные границы в Восточной Европе, – сказал он мне.

(Теперь «наши границы» оказались... в Центральной Европе – в Чехословакии!)

Закончил Коба кратко:

– Хватит с ними нянчиться! В Чехословакии был жестокий неурожай. Мы спасли их в этом году от голода. Но как, ты знаешь, товарищ Сталин не меценат. Пусть расплачиваются. Короче, Политбюро... – (так он себя все чаще называл), – решило дать пинок под жопу буржуазному правительству. Президентом Чехословакии станет хорошо знакомый тебе коммунист товарищ Готвальд. – (Я знал Готвальда по работе в Коминтерне, перед войной он долго жил в Москве.) – Привезешь его ко мне в воскресенье.

Я отправился в Прагу. В воскресенье, когда члены буржуазного правительства, не зная о «пинке под жопу», отдыхали за городом на своих виллах, с аэродрома нашей воинской части под Прагой вылетел самолет. На нем я вез в Москву товарища Готвальда. Он сильно нервничал, весь полет курил и много пил.

В Кремле его принял Коба. Краткое содержание беседы: «Никаких социал-демократических прикрытий больше не потерпим, в Чехословакии должен быть коммунистический строй. После взятия вами власти, думаю, вам следует выдвинуть хороший лозунг: “С Советским Союзом на вечные времена”. Уверен, этот ваш лозунг обязательно подхватят все дружественные страны Восточной Европы. Мы вам верим, товарищ Готвальд».

Готвальд был очень испуган. Он долго благодарил Кобу за доверие. Потом начал «мэкать-экать», мялся, но все-таки сказал, что не хочет крови, а президент Бенеш, конечно, не согласится добровольно уступить власть.

Коба прервал зло:

– Сказали глупость, товарищ Готвальд. Вы – коммунист. Коммунизм не строят в белых перчатках. Кровь будет, если потребуется. Хотя, думаю, товарищ Фудзи все организует по возможности мирно.

Повторюсь: я, как и Готвальд, не хотел крови. Я попросил Кобу выпустить из тюрьмы нашего старого друга Ваню Цхакая – он как никто годился для подобных дел. К тому же в конце тридцатых работал нелегалом под крышей посольства в Праге. Ваню был старым большевиком, участвовал с нами в знаменитом захвате золота в Тифлисе. Великой ярости был боевик. Коба мрачно согласился.

– Может, примешь его перед поездкой? Для него это будет таким подарком...

– Я выпустил тебе этого троцкистского шпиона... достаточно!

Видеть старого друга он не хотел!

Я улетал в Прагу. Вместе со мной летел Ваню Цхакая. Он был без зубов. Его руки были сильно воспалены – надевали наручники с шипами... К счастью, он вовремя согласился

признать себя английским шпионом (хотя это было нелогично, он всегда работал в Чехословакии), так что руки остались целы.

(До сих пор гадаю, зачем Кобе нужны были эти признания. Но уверен: для того, чтобы презирать тех, кого он сажал.)

В Праге мы вставили Цхакая отличные зубы. Вскоре из Москвы прибыл специальный поезд с тремя тысячами наших солдат, переодетых в штатское.

Я поехал уговаривать президента Бенеша... Он принял меня ночью в Пражском Кремле. Говорить пришлось немного. Я положил перед ним его долговое обязательство. Оно было подписано им в сороковом году после прихода немцев в Прагу. Он тогда взял у нас большую сумму, чтобы, покинув Чехословакию, безбедно жить в эмиграции (его счета в Чехословакии были арестованы Гитлером).

Далее разговор был самый банальный.

– Эта бумага сильно подорвет образ независимого политика Бенеша, любимого вашим народом. Но зачем? Соппротивление бесполезно. Подготовлены рабочие дружины. К ним присоединятся переодетые в гражданское наши солдаты. Короче, вам решать: уйдете без крови или с большой кровью, но все равно уйдете?

Бенеш выполнил наши условия, и Готвальд стал президентом.

Так что обошлись без крови. Что же касается загадки самоубийства министра иностранных дел Массарика, выбросившегося в эти дни из окна своей квартиры, сказать ничего определенного не могу. Но я к этой крови отношения не имею. Возможно, мой друг Цхакая мог бы рассказать об этом куда подробнее.

Коба наградил меня орденом. Однако наша с ним идиллия вскоре была нарушена. Все началось с истории Валленберга.

Тайна Валленберга

В 1947 году я узнал о Рауле Валленберге. Этот шведский дипломат в Будапеште спас тысячи евреев. Передавал им шведские охранные паспорта, изготовленные им собственноручно, на самом деле никакой силы не имевшие. По этим паспортам евреи выезжали в Швецию. Чтобы немцы верили этим документам, платил большие взятки. Такой конвейер спасения наладил этот замечательный швед.

Был он из знаменитого рода Валленбергов – богатейших шведских магнатов. В свое время наши агенты похитили у них секрет производства подшипников. Тем не менее семья Валленбергов оставалась к нам расположена и в сороковом даже помогала заключить мирный договор с Финляндией. Перед войной с Гитлером их банк содействовал нам в покупке столь нужного для самолетов никеля.

Валленберг исчез сразу после освобождения Будапешта нашими войсками. Говорили, что его пригласили в наш штаб и более его никто не видел. По грубой страстности, с которой мы это отрицали, я конечно же все понял.

Семейство Валленбергов неоднократно посылало в СССР запросы, но тщетно – мы объявили, что ничего не знаем о его судьбе.

Я сумел выяснить, что арест действительно был, и осуществлен он по распоряжению высшего военного руководства. Кого-то волновала личность Валленберга, а скорее, информация, которой он владел.

Я много думал о том, что же это была за информация? Попытаюсь изложить свои суждения...

Как известно, накануне гибели Рейха его вожди пытались спастись с тонущего корабля. Вождь Рейха номер два Гиммлер решил наладить связи с Западом через шведа графа Бернадотта, торгуя судьбой евреев в концлагерях.

Но были в Рейхе люди, уверенные, что надо вести переговоры не с Западом, а со Сталиным. Так считал самый таинственный человек Рейха – «человек без тени», как его называли, гитлеровский Фуше, могущественный шеф гестапо Мюллер. На нем, как и на Гиммлере, лежала вина за гибель миллионов евреев и за концлагеря.

И с 1943 года он начинает вести удивительные беседы... После гибели несчастной «Красной Капеллы» у него состоялся интересный разговор с Шелленбергом, который тот опубликовал в мемуарах.

Мюллер с тоской говорил этому главе немецкой военной разведки о... притягательности русских коммунистических идей для немецких интеллектуалов: «Наше интеллектуальное руководство со своим неясным внутренним миром (это он о Геббельсе) не может спорить с коммунистическим Востоком...» И делает удивительный вывод: «Я все больше склоняюсь к тому, что Сталин находится на правильном пути. И если бы я мог как-то повлиять на ход дела, *то мы объединили бы со Сталиным свои силы. Это был бы удар, от которого Запад со своим проклятым притворством никогда не смог бы оправиться!*»

И, видимо, с конца 1944 года всеведущий Мюллер, отлично зная о деятельности Валленберга и не пресекая ее, *попытался через Валленберга установить контакты с нашим руководством*, точнее, со своим зеркальным отражением, нашим Фуше – Лаврентием.

Плата была та же: жизнь узников лагерей – для Валленберга и невероятные знания супершпиона Мюллера – для Берии.

Насколько состоялась эта сделка, получили ли мы Мюллера или он был убит в хаосе наступления, а может, расстрелян уже в нашем плену – я не знаю... Все мои попытки говорить об этом впоследствии с Берией решительно пресекались. Хотя, как вы увидите дальше, наши отношения впоследствии станут самыми доверительными.

Одно ясно: Валленберга с подобной информацией мы не хотели оставлять на свободе.

Между тем я был совершенно уверен, что, заручившись честным словом шведа о сохранении тайны, подобного человека можно было смело выпустить.

Освобождение Валленберга необычайно помогло бы мне наладить контакт с могущественнейшим кланом, дало бы возможность сильно укрепить позицию моей фирмы, через которую я создавал нашу агентурную сеть в Скандинавии... Время для работы было самое удачное, и, пользуясь беспомощностью Финляндии, работать в Скандинавии было одно удовольствие.

Я решил переговорить с Кобой.

(Кстати, *после войны я уже не был князем Д., пользовался совсем другой легендой. Но подробности своей послевоенной работы и то, под чьим именем я работал, сообщать не имею права.*)

Лаборатория X

Однако прежде чем говорить с Кобой, следовало выяснить, жив ли Валленберг. Мне удалось узнать немного: с 1946 года швед был закреплен за Лабораторией X, но остался ли он в живых?

В Варсонофьевском переулке стояло тогда некое строение (кажется, под номером одиннадцать). Здесь и находилась Лаборатория X, приемница той самой ленинской лаборатории ядов, основатель которой (как я уже рассказывал) отдыхает в Кремлевской стене.

В конце сороковых ее возглавлял человек, внешне напоминающий тех, кого изображали на антисемитских гитлеровских плакатах. В научном мире он был известен работами по лечению рака. Но в Лаборатории X создавал и испытывал новые яды. М-ий (так его звали) изобретал так называемые бесследные яды. Они могли вызвать самые разные последствия – мгновенную смерть или смерть отсроченную, то есть инфаркт, инсульт. Они могли повлиять на психику и довести до самоубийства. Они могли спровоцировать симптомы, похожие на острое пищевое отравление, оканчивающееся смертью. Как было с Крупской или Федором Аллилуевым. Думаю, эти смерти явились одной из причин, заставившей Кобу убрать исполнителей – Ягуду и Ежова.

Короче я решил переговорить с М-им. Я увидел его в нашей столовой. Он всегда много, жадно и как-то неаккуратно ел. И всегда – с книгой, читал во время еды. В этот раз он ел крошку, и скатерть была забрызгана кровавыми (свекольными) пятнами. Я подсел и затеял разговор о футболе. Он был страстный болельщик и ходил на стадион в любую погоду. М-ий отложил книгу и молча смотрел на меня скорбными еврейскими глазами. Он ждал начала главного разговора. Я спросил его о Валленберге. Сказал, что судьба этого человека «напрягает моих агентов-евреев». Он тотчас принялся все яростно отрицать... с легкой усмешкой, чтобы я точно понял: он у нас! Уже уходя, я сказал ему:

– Я понял, его у нас нет... Вопрос: жив?

М-ий помолчал, затем ответил:

– Хороша крошка.

Итак, Валленберг был жив.

Прошло какое-то время, и вдруг М-ий в столовой прошептал мне:

– Завтра на «Динамо» (стадионе) перед футбольным матчем.

Он решился. Но почему?

В тот день играли две сильнейшие команды страны – «Динамо» и «ЦДКА» (Центральный дом Красной Армии, или, как еще ее называли, «Команда лейтенантов»).

Оцепление из солдат и милиции окружало стадион. Билеты спрашивали уже внизу, в метро. Милиция на конях теснила людей, выходявших из подземки, заставляя сбиваться в одну колонну. И эта бесконечная колонна двигалась на стадион.

Наконец появился М-ий. Мы прошли через служебный вход на северную трибуну. Нас встретил рев стадиона.

– Как кричат, – заметил я.

– Что делать: дома на них кричат, на работе кричат, хотя бы здесь мужики сами кричат, – удачно сказал он.

М-ий конечно же пришел с постоянным «сопровождением». *Они* сидели за нами – двое молодых ребят. Когда «Динамо» забило гол, в реве стадиона М-ий успел прошептать:

– Ссать.

В туалет в перерыве мы отправились порознь с небольшим интервалом. Сопровождение, проводив его, встало в длинную очередь за пивом.

В щедро загаженном болельщиками туалете было множество людей. Стоя в очередь к писсуару, М-ий успел произнести еще одно слово:

– Покажу.

На следующий день я написал официальную просьбу начальству о консультациях с М-им «по поводу инъекции для ликвидации враждебного чешского политика». И вскоре получил разрешение посетить Варсонофьевский...

Из своего кабинета через подземный ход М-ий провел меня в так называемую «гостиницу».

О ней ходило много слухов. В этом специальном блоке лубянской внутренней тюрьмы сидели особо важные лица. Еду сюда носили из нашей столовой НКВД... Говорили, что в «гостиницу» к арестантам даже приводили женщин... Однако из нее обычный путь был в так называемую «Камеру Лаборатории Х», где «постояльцы» получали смертельную инъекцию.

Проходя по коридору, он толкнул меня у одной из камер, и я посмотрел в глазок. Камера и вправду напоминала гостиничный номер: высокие потолки, импортная мебель. Сидевший в кресле у столика старый человек читал книгу. Ко мне он был повернут в профиль. Голова с сильно поредевшими седыми волосами... Демонстрация конечно же была мгновенной...

Я не задал М-ому никаких вопросов. Мы просто расстались.

Встретились через день в парке Сокольники.

– Сколько ему сейчас?

– Тридцать пять, кажется, – ответил М-ий. – Перешагнул возраст Христа... Так что задержался на земле. Но, уверен, ненадолго.

И М-ий рассказал, наконец, всю историю несчастного шведа.

Когда мы заняли Бухарест, они приехали к шведу домой с приглашением прибыть в штаб группы советских войск для очень важного разговора. Хотели побеседовать по-хорошему. Но Валленберг сказал: «Если приглашаете в гости, то я не хочу к вам ехать. Если попытаетесь задержать – будет скандал». И попросил убраться.

Тогда М-ий, стоявший сзади, вколол ему инъекцию. Валленберг тотчас «вырубился» – заснул. В Москву его привезли с удобствами, в спальном вагоне, обращались как с гостем, еду носили из вагона-ресторана. Поместили в «гостиницу».

Для начала ему предложили подписать «сотрудничество». Но Валленберг наотрез отказался. Пробовали психотропные меры воздействия. Ничего!.. Что с ним делать? Обратно

же не повезешь!

И вот недавно М-ий узнал, что Берия собрался «доложить» дело. После подобного «доклада» обычно следовала резолюция: «согласовано с...». (Решения об инъекциях в Лаборатории X принимались самим Кобой и Молотовым. Так и писалось: «Согласовано с тт. Молотовым и Сталиным».)

– Я не хочу его убивать, – продолжал М-ий. – Он спас тысячи евреев. Вы говорили, что он вам нужен. У вас есть ход к Хозяину. Поспешите.

Все случившееся было невероятным. У товарища М-го проснулась совесть. Я отлично знал, что у подобных людей совесть – это, как говорится, узкий поясок вокруг бедер. Неужели у М-го она оказалась удавкой на шее?.. Сильно его душившей... Я не верил в это. Так же, как не поверил в его откровенность. И в эту странную нерасторопность «сопровождения» на «Динамо», и в легкость моего посещения Варсонофьевского и «гостиницы», и в его рассказ в Сокольниках...

Тем не менее я знал главное: Валленберг жив, но его, возможно, должны ликвидировать. Он мне был нужен. Следовало спешить.

Я попросил Кобу принять меня на Ближней.

Коба принял через неделю. Сидел на большой веранде, пил чай. Был в отличном настроении. Шутил. Я подумал, что это подходящее время начать разговор о Валленберге.

Сказал:

– Коба, я не знаю, почему взяли Валленберга. Но знаю о богатстве и связях его семьи. Валленберга можно использовать, чтобы добиться с ними большого сотрудничества. Через них мы сможем заручиться доверием международного капитала, получить кредиты. И, наконец, моя работа в Скандинавии...

Коба прервал меня матом!

– Неужели ты такой болван и до сих пор ничего не понимаешь? Мне не нужны их кредиты! *Сейчас* чем хуже отношения с Западом, тем для нас лучше. – И добавил жестко: – Дело шведа закрыто... вчера вечером. Этого господина уже кремировали. – Он усмехнулся. – Вот все, что осталось от международного шпиона, – он кивнул на стол – там лежали портсигар, очки, блокнот и Библия!

Я понял: Коба предвидел мою просьбу и приготовился для беседы.

Мы молча пили чай, как вдруг он спросил:

– Говорят, твоя фирма в Праге процветает, ты стал богатыньким? Люди так ценят эти глупые деньги. И ты тоже научился? И вот я размышляю: может, потому тебе и нужен был Валленберг? Точнее, его связи. Связи с кровопийцами-капиталистами для обогащения Фудзи. Даже к М-му бросился, об осторожности позабыл. Слепит золото!

(Теперь я прозрел. Это была провокация! Привет от Лаврентия! Но как же я глуп!)

Коба продолжал:

– Удачливый бизнесмен товарищ Фудзи! Зачем ты только к нам возвращаешься? Вот смотри, мне ничего не надо. – Он указал толстым пальцем на обстановку комнаты. – У меня даже стулья покрыты чехлами, чтобы сохранять имущество, принадлежащее государству и партии. А вы все мечтаете о собственности. Вам бы опять капитализм. Поглядел бы на вас Ильич – сколько барахла вы навезли из Германии! – Он осекся. Понял, что я никак не мог возить из Германии «барахло», ибо в то время таскал совсем другое барахло – в его лагере! –

По-моему, ты хочешь мне возразить? – прищурился Коба.

– Я похож на тебя, Коба, мне также плевать на деньги.

– Похож, но только внешне... Интересно, когда от нас убежишь, капиталист? И куда?

– Я повторяю, Коба: мне плевать на деньги. Я – коммунист.

Я слишком хорошо его знал. Теперь не отвяжется. У него появилась эта мысль, и она будет разрастаться в его мозгу, пока... «Два раза случилось – третьего не миновать» – любимая Кобой русская пословица.

Дома я долго думал над его словами: *чем хуже отношения с вчерашними союзниками, тем лучше*. Коба хочет окончательно рассориться? Чтобы завинтить гайки, вернуть страх? Но я хорошо знал: в его играх бывает понятно лишь начало. А что же нас ждет в конце?

Атомная бомба

Некоторое время он меня не вызывал.

Я должен был ехать в Париж на встречу с агентом. Позвонил Кобе, меня с ним соединили. Он спросил весело:

– Разве тебя еще не арестовали, гражданин капиталист? – засмеялся, добавил: – Не надо тебе в Париж. Жди новостей здесь. – И повесил трубку.

Я (в который раз!) приготовился. Нанико опять не спала – плакала. Но чемоданчики мы с ней собрали на всякий случай. Позвонили тетке в Тбилиси насчет Майи, купили для нее билеты.

Однако все вышло иначе.

В тот день Коба вызвал меня в Кремль – записывать очередное заседание Политбюро. Заседали насчет неотложных мер по созданию атомной бомбы. По окончании велел мне остаться. Прошелся по кабинету.

– С бомбой опростоволосились. Наши ученые поняли ее возможности еще перед войной. Были в двух шагах от нее. Но Лаврентий... так невнятно мне доложил... – (Нашел виновного!) – Теперь исправляет. Мы должны ее получить. У нас есть год-два. Больше – нет. Мы должны их хотя бы догнать... чтобы потом перегнать.

(Я только в общих чертах знаю, что происходило, пока я сидел с выбитыми зубами. Слышал, что на нас много потрудились некто Ф. Это был еврей, коммунист, сбежавший из Германии после прихода к власти Гитлера. Работал в Англии в секретной группе по разработке ядерного оружия. Узнав, что исследования ведутся втайне от нас, сам связался с нашим посольством, информировал о ведении такой работы. Этого было достаточно. Его завербовали (агентурная кличка «Чарльз».)

На этот раз Коба верно оценил перспективы нового оружия. Отныне бомба стала его главной целью. Почти наваждением. Он лихорадочно включился в ядерную гонку, пусть с большим опозданием, но это всегда его подстегивало. Он любил и умел через чужие муки огромным скачком догнать конкурентов. Коба тотчас придумал лозунг: «Если мы вовремя не испытаем атомную бомбу, ее испытают на нас». И заработали наши известные ученые-физики и не столь известные агенты. Западные ядерщики, создавая бомбу, мучились угрызениями совести – вдруг Америка в борьбе с коммунизмом захочет воспользоваться ею! Ведомство Берии придумало для них формулу: единственное условие, при котором у обладателей бомбы не возникнет соблазна ее бросить, – если бомба будет и у нас. Парадокс имел успех.

Наши агенты встретились с совестливыми Оппенгеймером и Ферми. Совестьливые допустили утечку информации. Сам великий Бор принял наших ученых и в беседе помог многое понять в работах над бомбой. Уже вскоре Коба знал каждый шаг американцев.

Впоследствии он любил рассказывать соратникам о первом испытании американцами бомбы. Я слышал от него этот рассказ множество раз, он часто старчески повторял его: «Империалист товарищ Трумэн решил потрясти товарища Сталина во время Потсдамской конференции. Он ждал телеграммы об успешном испытании первой бомбы и получил ее. Он не знал, что товарищ Сталин получил точно такую же телеграмму от наших агентов: «Бэби

родился благополучно». Все три делегации по очереди устраивали приемы. В тот вечер прием был у англичан. Товарищ Сталин хотел увидеть, когда и как станет торжествовать Трумэн. На приеме товарищ Сталин добро и простодушно решил попросить своих великих союзников поставить автографы на их собственных фотографиях. Сначала подошел к Черчиллю с его фотографией и авторучкой. Империалист калякнул подпись на фото и предложил выпить. Он запомнил, что я из маленьких стопочек пью коньяк, и бывалый пьяница предложил товарищу Сталину большой фужер с коньяком. Не понимая, что грузину его фужер как наперсток. Товарищ Сталин спокойно выпил и стал следить краем глаза за Трумэном. Увидел: сияет он, как начищенная сковорода. Приготовился открыть товарищу Сталину свой успех, огорошить сюрпризом. Товарищ Сталин подошел к нему брать автограф. Тот подписал и торжественно объявил: «Господин Сталин, нами успешно испытано новое сверхоружие – атомная бомба!» Товарищ Сталин невозмутимо выслушал сообщение и... заговорил о другом! Империалист попытался описать товарищу Сталину устрашающее чудо-юдо. А товарищ Сталин опять перевел разговор на другую тему. Наивный мудака решил, что тупой Сталин попросту не понял, каким сокровищем обладают американцы... И очень... очень терзался», – в этом месте Коба прыскал в усы.

На самом деле не прошло и двух недель после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе, как мы уже имели два (!) описания ее устройства. Одно из них прислал все тот же Чарльз, которому вскоре после этого пришлось переехать в Лондон.

Но вернемся в тот день. Коба сказал мне:

– Пока ты отдыхал в лагере, товарищ Берия, туда тебя посадивший, работал не покладая рук. Да, мы отстали. Но мы знаем об их работе все, а они о нашей – ничего. Это преимущество, и весомое. Итак, ты со своей агентурой поступаешь в распоряжение Лаврентия. С этой минуты вы работаете вместе. Нашим ученым не надо сейчас изобретать новое. Изобретать будем потом. Нынешняя задача – повторить их бомбу, и как можно быстрее. Или, попросту говоря, украсть у империалистов всю технологию для нашего Проекта. Мы не скряги, готовы платить любые деньги.

В этот момент в кабинет вернулся Берия. И с порога заговорил о Проекте.

– Завтра, Иосиф Виссарионович, мы завербуем очень ценного сотрудника для *Проекта*.

– Но сейчас я дам тебе другого ценного сотрудника, моего друга Фудзи вместе с его людьми в Америке. Он работал там еще в двадцатых и очень успешно.

(Свой американский период я опустил в этом повествовании. Соображения секретности явились для меня решающими.)

– К сожалению, меня будут ждать большие трудности в Америке, Коба, – сказал я. – У меня особые агенты. Они работают не за плату. Мои агенты – это Карл Маркс...

Коба засмеялся. Это было его изречение. «Нет такого буржуазного деятеля, которого нельзя подкупить, – поучал он меня когда-то. – Только надо понять чем. Для большинства – это деньги. Если он остался неподкупен, может быть, пройдут драгоценности. Если и камешки не помогут, тогда пройдет женщина. А где не пройдет даже женщина, там пройдет... Карл Маркс».

– После того, как мы расстреляли многих из тех, кого мои леваки знали и уважали, – продолжил я, – работать станет непросто. Боюсь, что в Америке меня ждут проблемы с прежними моими информаторами, которые не прощают нашего постоянного подавления

инакомыслия.

– Ты что такое говоришь? – возмутился Берия. – По-моему, ты зря вставил зубы.

– Помолчи, Лаврентий. Оставь нас одних.

Когда он вышел, Коба долго попыхивал трубкой, не произнося ни слова.

– Объяснишь своим, что все совсем не так. Что в научных кругах СССР существуют и поныне крупнейшие ученые с независимыми политическими убеждениями. Они считают, будто они над государством, однако все еще на свободе. Назовешь примеры – Капица, Ландау, Вернадский... – помолчал, произнес задумчиво: – И, хотя объективно с точки зрения диктатуры пролетариата они вредные люди... субъективно они люди честные, живущие в созданном их воображением мире. Они не хотят понять аксиомы: независимость ученого, вовлеченного в работы громадной государственной важности, является иллюзией... И товарищ Сталин им эту иллюзию не только прощает, он не раз награждал их...

– Я думаю, они мне ответят так: «Если их сейчас не посадили, значит – посадят потом».

Я наслаждался редчайшей возможностью сказать ему правду.

Коба посмотрел на меня с ненавистью, но сдержался, продолжил спокойно:

– Берия принес мне анекдот. «Человек умирает и попадает на небо. Видит надписи «Ад» и «Рай». Куда идти? Сначала ангелы показывают рай. В раю серафимы летают, пение херувимское...», – усмехнулся: – Помнишь, как мы пели? «Потом появляется черт – показывать ад. В аду – оргия с блядьми, вино льется рекой. Покойник орет: «Хочу туда!» И тотчас черти потащили его на костер. Он вопит: «А где же девки? Где вино?» Ему отвечают: «Дурак, это был агитпункт». Так вот, сумей создать свой агитпункт. Ты скажешь им: «В конце концов Сталины приходят и уходят, а первое в мире социалистическое государство остается». Я разрешаю тебе так говорить. Но до пятидесятого года у меня должна быть бомба. Если не будет... тогда ты и вправду «зря вставил зубы».

Я знал: даже если бомба будет – случится то же самое. Ни этого разговора, ни фразы, которую он разрешил мне говорить, он никогда не простит. И еще я наконец понял, зачем он меня выпустил из лагеря. Коба воистину был Хозяин...

– Итак. С сегодняшнего дня вы работаете вместе – ты и Лаврентий... Он старший, и ты подчиняешься ему, – и добавил: – *Пока...* Человек он неискренний, как все мингрелы... Если что заметишь... учить тебя не надо. Ты по-прежнему личный агент твоего друга Кобы.

Он проводил меня до выхода из огромного кабинета – знак высшего благоволения.

Эстафету почитания принял Поскребышев, довел до лифта:

– Вы к нам, смотрю, опять зачастили... А то вас что-то не видно было, – с усмешкой (точнее, насмешкой) сказал он.

– Занят был. Чистил сортиры, – ответил я в тон, зная, что донесет. Но я должен был как-то рассчитаться за то, что меня назначили холуем этого мерзавца Берии.

Мой новый друг

Берия ждал в машине.

– Я вашу машину отпустил. Подвезу, если не возражаете.

Еще недавно он выбивал мне зубы. Сейчас мы сидели в его огромном ЗиСе и молчали.

Начал я:

– Вы здорово придумали с М-им.

– Это не я. Это он. Мы должны быть, как пауки в банке, – миролюбиво пояснил он. –

Ему нужно, чтоб драчка между нами не прекращалась...

Я не успел удивиться, почему он так смело говорит. Не успел даже подумать, не провокация ли это, как он пристально посмотрел на меня.

Здесь я мог бы написать: «И инстинктивно я почувствовал...». Но это будет неправдой.

Просто в глазах его читалась такая ненависть к моему другу, которая могла сравниться только с моей. И вновь наступило молчание.

Наконец он сказал:

– Это я попросил вас к себе. Мне показалось, что я... вас понимаю. Мы ведь оба грузины... Гордые, униженные грузины.

Я молчал.

Он продолжил по-грузински:

– Теперь о деле. Приехал английский министр Х. У него переводчик. У этого переводчика брат работает в Лос Аламосе. Их покойный отец – коммунист. Мы завербуем переводчика завтра... – Далее он изложил мне план завтрашней операции и спросил: – Ну как?

– Нехитро.

– Но вы не хуже меня знаете: хитрые планы редко успешны... Впрочем, иногда приходится задействовать мозги. – И он тотчас словоохотливо поведал об одной своей довольно остроумной операции: – Когда брали Берлин, Хозяин уже был помещан на бомбе. Я доложил фамилии немцев-физиков, работавших над этим проектом у Гитлера. Он распорядился всех перевезти в Союз. Но наши генералы, к сожалению, интересовались немецким барахлом, а не немецкими мозгами. Потому самый главный физик нобелевский лауреат Гейзенберг успел удрать из Берлина к американцам на велосипеде. Надо было ловить остальных, пока не удрали вослед. Я приказал вывесить объявление: «Все население Берлина мобилизуется на разбор завалов и захоронение трупов. Освобождаются лица, обладающие научными степенями и представившие документы в комендатуру. Тотчас голубчики явились с дипломами для освобождения. Мы их быстро рассортировали, ненужных выпустили, нужных отправили вместе с семьями в Сухуми. Я там переоборудовал в лаборатории пару пригородных санаториев. В них сейчас трудятся Герц, лауреат Нобелевской премии... короче, много их там...

Еще помолчали. Не выдержал, поправил пенсне и сказал грубо:

– А ты не выбил бы зубы, если бы он приказал? То-то! Так что носи пока свои зубы. Боюсь, недолго он тебе это позволит.

(Доверительно, на «ты»!)

Я почувствовал, что эта хитрейшая, жестокая гадина, ненавидевшая моего друга Кобу,

возможно, единственный человек в мире, который был мне сейчас нужен.

Мы подъехали. Особнячок с белой колоннадой едва выглядывал из-за высокого забора. Вкатились во двор. Здание оказалось маленьким дворцом конца XVIII века, одним из немногих не сгоревших во время московского пожара в дни Наполеона.

Это был особняк госбезопасности для встреч с агентурой.

Он сказал:

– Я покажу барышню, которая будет завтра главной артисткой в операции. Кстати, селить приезжающих связников нужно здесь, в этом особняке. Наша барышня будет ими заниматься. Ей нет равных в этом деле. – Он с усмешкой смотрел на меня: – Так что если и вас она заинтересует...

Он изо всех сил предлагал союз. Все-таки я ему не верил, хотя интуиция подсказывала: верь. Он был из тех людей, которые, обняв вас, заведут на минное поле и там оставят. Все это выглядело смертельно опасным и... очень обещающим!

Вошли в особняк, поднялись на второй этаж. Здесь в маленькой комнате на кровати лежала блондинка. Она лежала на животе, полуодетая, в прозрачном немецком пеньюаре, и покачивала длинной, немного полноватой ногой в ажурном (конечно, немецком) черном чулке с черной подвязкой. Лениво потягиваясь, она повернулась к нам, и из золотых волос глянули неправдоподобно огромные темные глаза. Лицо будто нарисованное, идеально правильное, только рот великоват – крупный, чувственный, с хищными блестящими зубками. Я никогда не видел такой красавицы.

– Джентльмены предпочитают блондинок. – Лаврентий усмехнулся.

Она пристально поглядела на него и захохотала.

– Ты что, сука?

– Ну, все-таки я Даша... Даша – лучше. А то товарищ и вправду подумает, будто это мое имя. Они что, нарочно здесь вешают? – так же лениво она показала ногой в окно.

Гигантское лицо Берии величественно проплыло вдоль окна и замерло на здании напротив. (Приближался майский праздник, и огромные портреты членов Политбюро, как всегда, вывешивались на домах.)

Она весело смеялась.

Берия начал объяснять ей завтрашнюю операцию (продолжал показывать, что мы вместе и у него нет от меня тайн). Она слушала, по-прежнему поигрывая ногой. И постепенно его маленькие глазки загорались, лицо багровело. Наконец он нажал кнопку на столе. Вошел офицер.

Прерывисто, торопливо Берия сказал мне:

– Я, с твоего... – (опять на ты!) – позволения, тут задержусь. В этом доме у тебя теперь тоже кабинет, ты здесь тоже хозяин. Он проводит... все покажет.

Огонь разгорался, лицо стало безумным. Уже уходя, в зеркало я видел, как он пригнул ее голову. И громко со страстной ненавистью прохрипел:

– Шлюха... Блядь... Повернись!

Офицер спешил уйти, я – нет... Я слышал ее голос, спокойный, насмешливый:

– Вы меня всегда представляете кобылой, дорогой друг. Но в этот раз это даже забавно. Чувствовать вас сзади, а видеть спереди... в окне. – И ее смех.

Дверь захлопнулась с грохотом! Он закрыл ее ногой.

Ее смех преследовал меня.

После военной нищеты в столице шел пир трофейной роскоши.

В то время как разрушенная страна еще не поднялась из развалин и женщины по всей России ходили в ватниках и обносках, а мужчины донашивали военную форму, комиссионки были буквально набиты дорогой немецкой одеждой и немецким ширпотребом. Их привезли победители, точнее, высшие офицеры. Их дети и дети партийной номенклатуры стали столичными модниками. Молодые люди щеголяли в длинных немецких плащах, шляпах с очень широкими полями. Молодые женщины соблазняли трофейными шелковыми чулками, платьями, игривыми шляпками, вуалетками и мушками. Порой на улице Горького передо мной возникал призрак довоенного Берлина, который я так хорошо помнил. Рассказывали истории о генеральских женах, которые принимали немецкие пеньюары за вечерние платья и появлялись в них в театрах...

Продуктовые магазины по всей стране были пусты, а Елисеевский магазин в Москве ослеплял. Приехавшие в командировку в Москву из голодной провинции ходили сюда как в музей. Изукрашенный золотом и лепкой потолок, гигантские люстры, горящие тысячами огней... Здесь можно было купить розовую, нежную, «довоенную» колбасу, белый хлеб, сыр, икру, отличное грузинское вино (Коба как-то передал мне комплимент Рузвельта: «Если бы я не был президентом, я стал бы коммивояжером по продаже грузинских вин»). Продавали кофе, но домашние кофемолки были редкой роскошью, так что большинство покупателей просили «помолоть». В Елисеевском всегда витал восхитительный кофейный аромат.

Однако за всем этим пиром, за привезенной западной «роскошью» наблюдали внимательные глаза моего друга.

Уже на следующий день после речи Черчилля началось безумие – свирепая, яростная антизападная компания. Иностранные названия исчезали. «Бары» теперь назывались «пивными» и «рюмочными», но «Коктейль-холлу» на улице Горького, куда ходили в основном иностранцы, Коба велел оставить прежнее название.

В этот манящий мир сладкой капиталистической жизни всегда выстраивалась очередь из наших граждан и иностранцев. Очередью управлял стоявший за стеклянной дверью огромного роста швейцар. Он конечно же работал на Лубянке. Для «советских» очередь была длинная и неподвижная. Иностранцев швейцар пускал без очереди. Некоторые посвященные «наши» проходили мимо ожидающих и стучали кулачком в дверь (из кулачка торчала смятая солидная купюра, не заметная для очереди, но видимая швейцару). Счастливица впускали. Его встречали глаза и уши: за столиками постоянно сидели несколько «посетителей» – дежурных агентов Госбезопасности. Каждый вошедший брался на заметку. Все разговоры фиксировались.

В это время в Москву приехал мой американский «связник».

Чтобы не пугать его угрюмостью столицы, я решил встретиться с ним в «Коктейль-холле», на этом более привычном ему острове западной жизни.

Швейцару было приказано в тот день: никаких трехрублевков и, главное, никаких иностранцев, в «Коктейль-холле» должны быть только «свои» (то есть наши сотрудники) и несколько завсегдаев – знаменитых представителей творческой интеллигенции (для антуража). Уверен, что Коба уже готовил некоторых из них для будущего процесса

интеллигенции, и беседы подвыпивших деятелей культуры старательно записывались.

Я вошел. В зале за столиком сидели «творцы»: в белом смокинге с бабочкой – автор самых популярных тогда песен композитор Богословский, усатый с армянским лицом – знаменитый поэт Константин Симонов, щеголявший фронтальной гимнастической с орденами... К ним подсел человек в грязноватом шарфе и в шляпе, из-под которой глядели длинные усы и хищный нос. Шляпу он не снял, так и оставался в ней. Это был писатель Олеша, когда-то знаменитый, а нынче совсем не печатающийся и сильно пьющий...

Увидев меня, Симонов вздрогнул и даже на мгновение привстал. Но уже в следующее мгновение с облегчением опустился на свое место. (Я сбрил бороду, оставил усы и стал вновь похож на Кобу. Но не на его бесконечные портреты, а на реального, нынешнего узкоплечего, старого Кобу. Только те, кто видел его в жизни (как Симонов), вот так же вздрагивали и срывались со стульев.)

Я поднялся по винтовой лестнице в отдельный кабинет.

За занавеской ждал господин в клетчатом пиджаке. «Связник» радостно узнал меня, расцвел в улыбке. Он был в восторге от «Коктейль-холла». Перешли к делу. Он привез мне бумаги из Лондона от Чарльза.

– Почему вы молчали все эти годы? Мы уж начали думать, что вас...

– Как видите, это не так, – перебил я сухо. – Что с Чарльзом?

«Связник» рассказал. Пока Чарльз работал в Лос-Аламосе, он постоянно долбил тамошним ядерщикам «о политической ответственности ученых в ядерную эпоху». И очень уважающие его Ферми, Оппенгеймер и Сцилард стали решительно настроены против создания водородной бомбы. Нынче Чарльз, к сожалению, покинул Лос-Аламос. Уезжая, он составил бесценный список работавших над бомбой сотрудников. Этот список – тридцать страниц текста с подробными характеристиками – «связник» и привез мне.

Мы расстались до завтра. Такси повезло его в особняк. Даше предстояло поработать и с ним. Там была установлена фотокамера, и их утехы должны были быть сняты. На всякий случай, если когда-нибудь придется «прищемить ему хвост»...

Эта Даша... глупо, даже смешно... но с того первого дня она не давала мне покоя. Я постоянно видел восторженные огромные глаза, белую плоть над черным чулком и мучившую меня ленивую, тигриную грацию. Я представлял... что там сейчас будет, и мне не хотелось жить. Потому расставшись со «связником», я сошел вниз, уселся у барной стойки и попросил коктейль покрепче.

Писатели играли в пословицы. Слово «дело» заменяли в них словом «тело» и пьяно хохотали...

– «Телу время – потехе час», – картавил Симонов.

– «Тело мастера боится», – отвечал Богословский.

– «Кончил тело – гуляй смело!» – кричал Симонов...

Олеша слушал мрачно. Наконец, все так же молча, встал и пошел к бару. Уселся рядом со мной. За барной стойкой трудились три наших сотрудника – двое молодцов и дама в перманенте с необъятной грудью (эти труженики до глубокой ночи составляли коктейли, а на следующий день писали отчеты в Комитет).

Олеша обратился к барменше:

– У Достоевского написано: «Вошел черт», и я верю. Эти напишут, – он показал на

Симонова и собутыльников, – «Вошла официантка», а я не верю!

Он порывлся в кошельке, но, видно, ничего не нашел. Я тотчас попросил у барменши:

– Два коктейля.

Он понял, молча ждал. Она готовила, а я смотрел, как по лезвию ножа стекали в стакан струйки виски, ликера. Я подвинул один из коктейлей ему. Он мрачно посмотрел на меня, но поблагодарил. Вместо потягивания через соломинку выпил коктейль залпом, как чарку водки. Потом слез со стула, пошатнулся... и упал (видно, хорошо потрудился до этого). Его тотчас подняли два сотрудника, изображавшие посетителей. Он с ненавистью посмотрел на поднявших и сказал:

– Ненавижу! – Затем закричал: – Стрелять в низкий лоб!

Его повели к выходу.

– Члены! – хохотал он, уходя. – Они не просто хуи, а члены... Члены Союза Советских Писателей. Когда-нибудь, наконец, издадут Полные Собрания сочинений Членов... Там будет последний том, тисненый золотом: «Письма... и доносы».

Его выводили, когда в зал вошли две молоденькие женщины.

Все деятели культуры дружно на них оглянулись. Это и вправду было странно. Дамы не ходили одни в «Коктейль-холл», а проституток сюда не пускали.

Они заняли столик в глубине. Одну женщину я узнал сразу и понял, почему их пропустили. Это была жена министра Ш., высокого сорокалетнего красавца с седыми волосами. Я видел ее на новогоднем приеме в Кремле. Кажется, она была актрисой.

Я пил и любовался ею. Откровенно, открыто любовался. Загорелая, хотя на дворе только апрель месяц, в прелестном открытом шерстяном платье... В ней была такая чистота, такое очарование... После третьего коктейля мне стало казаться, что она смотрит на меня. Впрочем, количество выпитых коктейлей ни при чем, профессия не позволяет мне пьянеть.

Когда тебе скоро семьдесят, а ты желаешь женщин, как в двадцать, это очень опасно. Ибо в голову приходят идиотские мысли. Я отважился быть смешным. Слез с высокого стула, подошел к ним. К моему изумлению, молодая дама, сидевшая с ней, тотчас встала, сказала:

– Ну, мне пора. – И, попрощавшись, явно нарочно оставила нас вдвоем.

Смешинки в уголках рта... Смешинки в глазах. И сильное, маленькое смуглое тело... Она произнесла:

– Наконец-то! Я очень хотела, чтоб вы подошли. Я еще в Кремле хотела, но постеснялась...

После чего она заговорила... о несчастной поэтессе Н.! Она спросила, слышал ли я о ней? Я, естественно, ответил, что не слышал. (Хотя знал, что несчастная давняя моя подруга все-таки вернулась в СССР, и у нее тотчас арестовали и мужа, и дочь! Знал, что ее саму не тронули... Но оказалось, я не знал финала.)

– Как, вы не в курсе? – собеседница наморщила лоб. – Она покончила с собой... Она была великая поэтесса! Мы с вами всего лишь ее современники. Сейчас это трудно понять. Вот Николай I – всемогущий царь был, да? А теперь он известен лишь потому, что был современник Пушкина, – говорила она с радостной догадкой школьницы.

Начала читать ее стихи. Надрывался джаз (единственное место в Москве, где Коба разрешил играть эту капиталистическую музыку). Оттого, к счастью, ее чтение плохо было слышно.

Она накрыла ладонью мою руку и проникновенно сказала:

– Я слышала от мужа, что вы близки к «самому». Попросите за ее дочь. Она ведь погибнет в лагере. Попросите, что вам стоит. Это благородное дело!

Наш сотрудник за соседним столиком сильно перегнулся, чуть не упал, пытаюсь слушать.

Я предложил ей:

– Давайте я вас провожу. Погода отличная.

Мы вышли на улицу.

– Запомните раз и навсегда: в этом месте не надо говорить... Все, что вы говорите, записывается...

Она посмотрела на меня удивленно:

– Но вы ведь знаете, кто мой муж.

– Поверьте, это не имеет значения.

– Но я ничего такого не говорю...

– И это тоже не имеет значения.

– Вы не забудете, о чем я вас попросила?

– Нет, – ответил я, понимая, что не стану говорить с Кобой, потому что боюсь и потому что бесполезно.

– Спасибо. Ну, я пошла. Муж уже проснулся, пора ему обедать и на работу. Они ведь работают по ночам...

– У меня машина. Давайте подвезу.

Она мне очень нравилась. И я пытался забыть *ту*, страшную.

– Спасибо, я лучше пешком, немного прогуляюсь. Сегодня редкий день, нет спектакля.

– Жаль.

Она улыбнулась:

– Не жалейте. Вы необычайно обаятельный товарищ, но мы с мужем, как это нынче ни странно, безумно любим друг друга.

Бедная поэтесса Н.! Я шел, пытаюсь вспомнить все, что у нас было. Но помнил очень смутно. Так у меня всегда, я *их* не помню.

На следующее утро я был в Кремле. В кабинете у Кобы докладывал Берия:

– Проститутки, работающие у нас, установили устройства в нескольких номерах английской делегации. Но главное – в номере самого министра...

– Погорели на базе бабской части, – развеселился Коба. – Включай!

Берия замялся:

– Министр беседует за завтраком по-английски.

– Я в курсе: англичане, как ни странно, говорят по-английски, – усмехнулся Коба. – Ничего, нам помогут. – И приказал мне: – Переводи... но только все.

Надо сказать, министр говорил интересно. Он пересказывал своему помощнику то, что слышал о Кобе от приезжавшего в СССР де Голля. (Я в это время проживал в лагере.)

«Де Голль предупредил меня, – говорил министр, – Сталин – человек, привыкший маскировать свои мысли, безжалостный, не верящий в искренность других. Сплотить славян, распространиться в Азии, получить доступ в свободные моря – это его сегодняшние цели. Он и нынче удачлив среди бесконечных руин и могил своей страны. Ему повезло: народ в России до такой степени живуч и терпелив, что самое жестокое порабощение его не парализовало. В России земля полна таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить... Сталин – коммунист в маршальской форме, коварный диктатор с добродушным лицом. Но прежде всего – он жестокий монстр...»

– Спасибо, – прервал Коба. – А о тебе, Лаврентий, тоже есть?

– Конечно, Иосиф Виссарионович. Чуть дальше.

– Ну ладно, насладимся потом. Сейчас пора мне поспать, – (он теперь всегда спал после обеда). – Сегодня вечером мы будем встречаться с этим аналитиком моей души. Я «монстр»! – И прыснул в усы. – Ну, что с его переводчиком?

Берия посмотрел на часы:

– Сейчас его уже должны арестовать и везти ко мне.

– Ладно, действуйте.

Мы поехали в особняк. После нескольких дней апрельского тепла вдруг наступил холод и... пошел снег! Берия был в шляпе, надвинутой на глаза. Шарфом укутал часть лица. Толстый, огромный, он очень походил на эдакого гангстера по прозвищу «Малютка» из американского фильма.

В особняке ждала Даша... Весело глядела шальными глазами, протянула пленку:

– Товарищ Берия, ваше задание выполнено и даже перевыполнено.

– Заткнись. – Берия включил магнитофон.

Раздался Дашин голос:

– Мальчики после войны у нас в большой моде... Мы мальчиков теперь очень ценим. – И вдруг запела:

– «Ах ты, Гитлер косоглазый, тебе будет за грехи.

На том свете девки спросят: «А где наши женихи?...»

Раздался мужской смех.

Ее голос:

– Ну, раздевайся, миленький... – и продолжила петь:

– «Вот и кончилась война!

Как бы нам не прозевать:

По желаньям, по талантам будут мальчиков давать».

Ее смех и смех мужской.

А она все пела – нагло, бесшабашно:

– «Девочек много, девочек много!

Девочек некуда девать!

Если лошади подохнут,

Будем девочек запрягать!» – ее шепот: – Ну!.. Запрягай, милый мальчик!..

Долго слышались звуки любви...

Его голос по-русски с легким акцентом:

– Так! Так! Так!

Ее голос:

– Слушай, ты такой страстный мальчик. Я ведь сидеть потом не смогу.

И снова – звуки любви...

– Ну и тварь, – сказал Берия.

– Самое смешное – ревнете.

И опять те же звуки. Наконец ее крик:

– Ой! Ой!.. Мне плохо...

Мужской голос все с тем же акцентом:

– Милая... что с тобой?

– Боже, я умираю!

Он испуганно, торопливо:

– Может быть, уйдешь в свой номер, вызовешь скорую помощь?

Она:

– Душно! Умираю, родненький. Звони гостиничной врачихе. Не бойся, она моя подруга.

Она знает, что мне нужно... Скажи, погибаю! Звони девять три! Клаву!

Его голос:

– Алло, Клава? Вашей подруге очень плохо. Мы... я... она у меня в номере.

Уже через минуту другой голос молодой женщины:

– Даша... Дашенька! Она умирает. Вы что, не видите... Ее нужно в больницу... У нее припадок астмы. – Кричит, видно, в телефон: – Алло, «Скорая»? Здесь девушка умирает. Боже мой... Даша! Милая! Держись!..

В этот момент появился офицер с погонами майора.

Берия выключил запись.

Офицер доложил:

– Привезли.

Мы спустились на первый этаж и вошли в большую комнату.

Несчастный переводчик сидел у стола. Он был в черном костюме – через два часа начинался прием в Кремле. Было ему на вид чуть больше двадцати, совсем мальчишка. Насмерть перепуганный.

Я расположился на стуле у двери, Берия – за столом, будто бы просматривая бумаги.

Наконец поднял глаза, строго начал:

– Вам уже сообщили, молодой человек, что ваша знакомая, точнее, близкая знакомая умерла в больнице? Вы знаете, от чего она умерла?

– У нее случился приступ астмы.

– Если бы. Астма тут не при чем. У нее в желудке найден яд.

Переводчик побледнел:

– Как это может быть?

– Этот вопрос и нас интересует. Прочтите медицинское заключение.

Он протянул ему лист бумаги. Все шло как по маслу.

– Я должен вернуться в гостиницу, – лепетал несчастный. – У нас сегодня прием в Кремле...

– Надо сказать, что и я тоже приглашен в Кремль. Дело в том, что моя фамилия Берия...

– Боже мой! – воскликнул переводчик.

– Но я туда попаду, – продолжал Берия. – А вы, боюсь, нет. Вы понимаете, я должен обвинить вас в убийстве проститутки. Она ведь проститутка... Сколько вы заплатили ей? Впрочем, об этом вас спросят на следствии. Вы, как мне сообщили, требуете вызвать людей из посольства или консула? Мы удовлетворим вашу просьбу...

– Нет, нет, ради Бога! – вскрикнул бедняга. – Придумайте что-нибудь другое...

– Вижу, вы догадались, что я придумал.

Переводчик глухо сказал:

– Да.

Он заплакал. Мне было смертельно жаль этого птенца.

– По-моему, расстраиваться не стоит, – добро улыбнулся Берия. – Жизнь продолжается, положение ваше не так уж плохо. Вам удастся выйти отсюда не только свободным, но и с немалыми деньгами... если будете помогать стране, которую так любил ваш покойный отец. В вашей стране немного горячих коммунистов, он был одним из них. Ваш отец был нашим товарищем. И, повторюсь, много нам помогал. Теперь ваша очередь. Вот главная причина, по которой мы обратили внимание на вас. Короче, решайтесь. Ваше право – сказать «да» или «нет».

Как же долго он думал над ответом, надо было видеть его несчастное лицо.

Я так хотел, чтобы он отказался. Но он произнес:

– Да.

– Хочу вас познакомить с человеком, хорошо знавшим вашего отца.

Я занял место за столом, а Лаврентий вышел из кабинета.

– Я действительно хорошо знал вашего отца... Уверяю вас, будь он жив, он объяснил бы вам почетность вашей задачи. Как нам известно, ваш брат работает в группе, занимающейся атомным проектом. Превосходство западных держав, имеющих сверхмощное оружие, создает у ваших правителей соблазнительную идею – использовать его. Применить против единственного в мире оплота социализма. Против СССР. Это порождает огромную угрозу не только нашей мирной жизни, но всей мировой цивилизации. Поэтому наша с вами задача, как граждан мира, ликвидировать это превосходство. Нам помогают все независимые настоящие ученые...

С каждой минутой переводчик все больше... успокаивался! Он уже не чувствовал себя жалким предателем. Нет, ему предстоял почти подвиг. Короче, он получил задание (детали я не вправе разглашать, ибо люди, участвовавшие в той истории, до сих пор живы), и в

результате мы должны были получить еще одно описание американской атомной бомбы. Самое нужное. Последнее.

В этот момент вернулся Берия с двумя великолепными немецкими цейсовскими фотоаппаратами. Он обратился к переводчику.

– Когда приедете на прием в Кремль, скажите охраннику внизу, что вот этот аппарат – подарок для господина Власика от вашей делегации.

– Кто такой господин Власик?

– Этого вам знать не надо. Фамилию его вам напишу, чтоб вы не забыли.

– А если охранник не захочет принять?

– Охранник захочет. Остальное вас не касается. – И добавил: – Вторым фотоаппарат возьмете себе. На память о начале вашей новой жизни. Берегите его. Он когда-то принадлежал самой Еве Браун.

В заключение нашей беседы переводчик подписал бумагу о сотрудничестве.

Шутки Кобы

Переводчик успел присоединиться к делегации, отправлявшейся в Кремль. Берия все рассчитал точно.

Мы с ним вместе поехали в Кремль, опять на одной машине.

Прием был в разгаре. Коба, само дружелюбие, беседовал с министром англичанином. Беседу переводил как-то сразу осунувшийся переводчик.

– В этом зале мы принимаем самых дорогих гостей, – сказал Коба министру, – знакомим их с лучшими людьми страны и нашими обычаями.

– Лазарь, – обратился Коба к Кагановичу, – подойди к нам.

Каганович подошел.

– Знакомьтесь, Лазарь Каганович. Замечательно руководит нашими железными дорогами. Выпьем за него, – Коба подождал, пока министр выпил. – Но если он не будет замечательно руководить нашими дорогами, мы его повесим, – закончил Коба совсем добро.

В это время к ним подвели толстого Маленкова.

– Это Маленков... Человек номер два в партии. Важный товарищ. Хорошо руководит нашими партийными органами. Выпьем и за него.

Министр с некоторой опаской выпил.

Коба со вздохом добавил:

– Если он не будет хорошо руководить, – приятно улыбнулся, – мы его расстреляем.

Англичанин смотрел на него почти с ужасом.

– Обо мне говорят, будто я чуть ли не монстр, – сказал Коба, – но, как видите, я шучу по этому поводу. Может быть, я не так уж ужасен?

Растерянный министр понял и счастливо расхохотался. Коба нежно улыбался.

– Я слышал, вы беседовали обо мне с генералом де Голлем. И даже цитировали его. Я тоже решил процитировать... но себя. Точно такую же сцену я разыграл когда-то для храброго генерала де Голля.

Когда прием заканчивался, Коба сказал англичанину:

– Я хотел бы подарить вам на память о посещении Кремля... – Он позвонил.

Тотчас вошел охранник с огромным свертком, торжественно развернул – это была великолепная шкура барса.

– Я очень ценю этого хищника, – заметил Коба, – Настоящие революционеры должны быть храбры, как барсы. Впрочем, их осталось немного – и барсов, и подлинных революционеров – в нынешнем тусклом мире.

Помню, той ночью я никак не мог заснуть, все прикидывал, все анализировал разговор с Берией. Если это была провокация, то все его откровенные рассказы, все эти приемы уж очень простодушны. Нет, он не мог действовать так тупо. Но, может быть, он и рассчитывал на мое подобное заключение? Однако чувство, которое есть у каждого разведчика, говорило: здесь другое. Лаврентий задумал нечто очень серьезное. И для этого «серьезного» ему требовался Фудзи.

Маргарита и Альберт

Итак, я включился в работу над бомбой. Как я и обещал, обо всем, что касается моих служебных дел, я рассказываю крайне схематично. Причем рассказываю только о тех делах, которые связаны с Кобой. Эта история – из таких.

Все началось с того, что переводчик оправдал надежды. Его брат часто приносил чертежи домой (ему приходилось работать ночью дома, когда не успевал на работе днем). Уже вскоре переводчик сумел переснять нужное нам. Вместе с ним поработал до сих пор оставшийся не раскрытым еще один агент в Лос-Аламосе. Так возникло подробное, последнее описание американского «Бэби». Этот последний чертеж бомбы был для нас важнейший – проверочный. Ибо все время оставались сомнения, не являлись ли провокацией чертежи, полученные прежде.

Этот должна была доставить из Лос-Аламоса некая Мери Х.

Помню, Берия показал мне ее большую фотографию.

– Хороша, – сказал он.

– Крашеная блондинка... Вообще-то она черненькая, – пояснил я.

Я узнал ее сразу. Хотя познакомился с нею, когда она была совсем девочкой. Училась она тогда, по-моему, в Принстоне. Для развлечений посещала салон Маргариты Коненковой, где мы ее и завербовали. Теперь с фотографии смотрела красавица, ослепительная блондинка, очень похожая на женский идеал Кобы – актрису Любовь Орлову.

У меня тотчас возникла идея.

Маргарита Коненкова была женой знаменитого скульптора. Они вернулись в нашу страну после многих лет жизни в Штатах, почти тогда же, когда я вернулся из лагерей...

Очаровательно вздернутый носик, губки чувственным бантиком... Нет, не могу ее хорошо описать, я ведь не писатель... Но главное – тот самый зов в глазах, от которого впадает в безумство истинный мужчина.

Теперь о Коненкове... Уже в начале века он был модным скульптором. Как и положено в то время, придерживался либерального направления. Его дипломная работа «Самсон (читай – народ), разрывающий оковы» показалась настолько революционной, что, кажется, была уничтожена. Это весьма способствовало удачному началу его карьеры в предреволюционной России. Гигант-красавец Коненков был героем бесконечных романов, но однажды в мастерскую вошла девушка из провинции. Он сразу потерял голову, как и все ее мужчины...

Коненкова называли тогда «русским Роденом». Союз немолодого скульптора и юной девушки напоминал роман Родена и юной Клодель. Коненков, как и Роден, бесконечно лепил нагое тело возлюбленной. Но, в отличие от безумной подруги Родена, Маргарита оказалась очень практична. Коненков – далеко не последний в ее любовной коллекции. Ее тогдашние любовники – это многочисленные звезды, от Рахманинова до Шаляпина. Причем она владела высшим искусством – не только заполучить их, но и умело расстаться. Любовники становились «полезными друзьями».

Уже перед Революцией Коненкова избрали в Академию. После Революции его мастерская стала центром московско-петроградской богемы. Коненков пил, ходил в домотканых одеждах, божился, что умеет разговаривать с деревьями и гладить поющих соловьев. Участвовал в наглядной большевистской пропаганде, сделал гигантскую памятную

доску «Жертвам и героям Революции». Доска, по-моему, до сорок седьмого года висела у Сенатской башни, на Кремлевской стене. Он был тогда доволен жизнью, но не она. Голодная Россия ей наскучила, и она пришла к нам. Это был лучший способ легально покинуть страну. Держалась предельно деловито. Сразу объяснила: они хотят жить в Америке с возможностью вернуться. За это она будет присылать нужную информацию, а мы ей – нужные суммы.

Я должен был в это время ехать в Америку, меня это очень устраивало. Я переговорил с Кобой. Коненкову разрешили участвовать в выставке русского и советского искусства в Нью-Йорке. После выставки они остались в Америке и объявили себя «невозвращенцами».

Моя поездка в Америку состоялась в конце двадцатых.

(Из своего американского прошлого расскажу лишь о том, что связано с Коненковыми.)

В Нью-Йорке я понял, что мы не прогадали. Коненков стремительно завоевал славу. Он умело пугал эксцентричностью, расхаживал по Бродвею в косоворотке, с неизменным котом на плече. Его нью-йоркская мастерская получила такую же экстравагантную популярность, как прежде – флигель на Пресне. Марго полностью вписалась в стиль богатой американской богемы – роскошные платья, украшения из драгоценных камней, сделанные по эскизам Коненкова. Бывать в мастерской Коненковых стало модно. Когда я к ним пришел, он, пьяный, играл на гармонии. Было множество столь же пьяных левых интеллектуалов. Помню, Коненков кричал:

– Поглядите на ее руки с изящнейшими пальцами... Таких рук не видел никто!.. Моя жена и я – вот и все, чем славен Нью-Йорк!

Потом поехали к Гудзону, и Коненков чуть не утонул, пожелав забрать из воды отражение луны.

Регулярное посещение мастерской принесло мне тогда нескольких новых агентов. Да и Маргарита, благодаря положению, снабжала полезнейшей информацией. Но, к сожалению, все изменилось буквально в один день.

Тогда Маргарита привела в мастерскую, на свое и наше несчастье, какого-то безумца-теософа. Побеседовав с ним, на завтра Коненков стал другим человеком. Он заплатил огромные неустойки и отказался от многих выгодных заказов. Перестал пить и, к сожалению, лепить и рисовать. Теперь все время и деньги он тратил на книги. Это были особые книги – по теософии, астрологии, каббале. Он практически отгородился от мира. Мастерская потеряла для нас всякий интерес. Как объяснила нашему агенту Маргарита, он помешался на предсказаниях о конце мира. Подобно великому Ньютону, Коненков решил исчислить день грядущего Апокалипсиса.

Однако с середины тридцатых годов Маргарита вновь сумела стать очень нам нужной. Именно в тот период Коненков согласился вылепить один портрет. Он не смог отказаться, ибо это был портрет самого Эйнштейна (заказал знаменитый Принстонский университет)! Вот тогда великий ученый и великий донжуан Эйнштейн увидел Маргариту. Он позировал, когда вошла она, и был повержен мгновенно.

Она была решительна и переспала с ним чуть ли не в день знакомства. Уже вскоре они не могли жить друг без друга. Узнав о ситуации, я тотчас ее вызвал. Встретились в Центральном парке. Я почувствовал сразу: она не в восторге от встречи. И решил вернуть ее на землю с небес любви – поздравил с *удачной работой*. Слово «работа» ее явно покорило. Но я настойчиво говорил в том же ключе.

Следующую встречу внезапно назначила она сама. Оказалось, Коненков откуда-то узнал

о ее романе и пришел в ярость.

– До этого он никогда не вмешивался в мои увлечения, как и я в его. – Она помолчала и добавила: – Он, видно, понял, что это очень серьезно, и требует, чтоб я больше не виделась с Альбертом, угрожает разводом... – (Она не хотела бросать Коненкова, да и не могла, мы ей не разрешили бы.)

Все было написано на ее лице – безумие, страсть. И счастье! И страх! Она рассказывала мне и смеялась... сквозь слезы! Видимо, Эйнштейн тоже обезумел. Он придумал... как им жить вместе, не разводясь. Именно жить, не просто встречаться. Великий ученый оказался великим авантюристом. Коненков должен был получить письмо от врача, в котором сообщалось, что Маргарита серьезно больна. К письму предполагалось приложить медицинские справки, по которым мадам Коненковой рекомендовалось проводить большую часть времени в благоприятном климате курортного Саранак-Лейка, любимого местечка Эйнштейна.

Но как добыть справки? Это Нью-Йорк! Здесь фальшивый документ мог поставить крест на карьере врача.

Помню, с какой мольбой она смотрела на меня...

Я усмехнулся:

– Видимо, ваш муж прав, *это* – серьезно. Но *это* не избавляет вас от необходимости выполнять наши задания. Мы достанем вам справки от врачей.

Мы изготовили для нее подложные бумаги. Обеспокоенный Коненков тотчас отправил ее на отдых в Саранак-Лейк. Туда же вскоре приехал и Эйнштейн. Теперь влюбленные могли жить вместе. Домик, где поселились, они называли «гнездышком». Вещи, которые дарили друг другу, считались общими и именовались «Альмар» – по первым буквам их имен. Было и «Альмарово одеяло», и «Альмарово кресло», и «Альмарова трубка»... Что делать, подлинная любовная лирика безвкусна даже у великих... И счастливая Маргарита успешно мыла ученому его знаменитую густую шевелюру, которую не могла расчесать ни одна расческа...

Однако в тот момент я был вызван в СССР и вскоре посажен. По этой уважительной причине дальнейшие события романа развивались в мое отсутствие.

Сейчас мне требовалась полная информация о них. Я встретился с нашим тогдашним резидентом в Нью-Йорке, который работал с Маргаритой после моего отъезда. Он рассказал о том, что я пропустил...

Естественно, он решил завербовать Эйнштейна. Во время очередной беседы посоветовал Маргарите рассказать Эйнштейну правду о своей работе. Она ни за что не хотела, боялась, что это станет концом. Он объявил, что это приказ, иначе расскажем сами. Он справедливо решил ковать железо, пока роман в разгаре. Если Эйнштейн после ее покаяния не бросит ее, это будет шагом к его вербовке.

Она рассказала ему и конечно представила себя жертвой любви к родителям, а родителей – заложниками. Объяснение закончилось слезами и безумными обьятиями. Тогда «наш товарищ» сделал второй шаг – заставил ее упросить Эйнштейна встретиться с ним. Эйнштейн согласился. Однако встреча разочаровала «нашего товарища». Эйнштейн был агрессивен, зло потребовал, чтобы его и ее навсегда оставили в покое. Угрожал: если этого не случится, он сделает так, что все консульство вышлют из страны (официально резидент был заместителем консула). Тогда тот начал придумывать, как надавить на Эйнштейна помощнее. Но неожиданно Москва приказала оставить парочку в покое...

Маргарита продолжала встречаться с Альбертом до 1945 года. Но как только закончилась война, Коненков объявил ей, что намерен вернуться в СССР. Возможно, так он решил покончить с романом. Она не хотела ехать. Да и наш резидент не желал терять такого агента. Но, к его изумлению, за скульптором был прислан из СССР целый корабль, который вывез Коненковых и все его работы. Это могло означать лишь одно: их возвращения захотел сам Коба!

На мой вопрос: продолжают ли любовники переписываться (вопрос, на который я знал ответ), резидент сказал, что переписка продолжается – активная, бурная и страстная. Он показал мне копии последних писем... Я выписал оттуда пару цитат для разговора с Кобой.

Такова была Маргарита Коненкова, о которой я решил поговорить с другом, чтобы предложить ему довольно забавный план.

Я приехал на Ближнюю в воскресенье.

На веранде сидели Коба и Берия. Стояло жаркое московское лето. Полыхали зарницы, приближалась гроза. Хорошо в такие дни сидеть на веранде и пить чай.

Коба был в отличном настроении (значит, был здоров) и напевал тогдашний шлягер «Казачки, казаки! Едут, едут по Берлину наши казаки».

Берия доложил об успешной вербовке переводчика.

– Что-то у тебя все ловко выходит. А не врешь ли нам, Лаврентий?

– Иосиф Виссарионович, я никогда не вру вам.

– Хватило ума или юмора добавить «вам».

Берия засмеялся и продолжал:

– У нас есть некоторые проблемы с доставкой чертежей, но мы их уладим.

Тут вступил я:

– Я думаю использовать в этой истории жену Коненкова...

– Как интересно, – заметил Коба, – мы о ней как раз говорили с Лаврентием. Ну, слушаем.

Я изложил довольно подлый план. (Я даже подумывал в этих своих Записках передать его авторство Берии. Как быстро я забыл все, что открылось мне в лагере. Впрочем, это так банально. Во время тяжелой болезни кажется: если выздоровеешь – начнешь жить по-другому. Но выздоравливаешь – и все забываешь, и живешь, как жил.)

Я сказал:

– Она до сих пор получает безумные любовные письма от Эйнштейна. Он не может без нее жить, пишет, что готов сделать все, чтобы ее вернуть. Вот какая у меня идея. Чертежи бомбы мы доставим сами. Но после того как мы их привезем к нам... начнем игру. Коненкова напишет Эйнштейну, что ее выпустят в Штаты лишь в обмен на его участие в доставке чертежей... Организуем дело так, чтобы он думал, будто участвует в их похищении. И конечно же после этого он у нас в руках!

Берия слушал меня с восторгом. Но Коба...

– Нет, – сказал он. – Ловкий ход, но... забудьте! И не трогайте больше знаменитостей. Никаких новых попыток завербовать Эйнштейна, Ферми, Оппенгеймера и Ко. – Он велел принести еще чаю. И объяснил: – Оппенгеймер, Эйнштейн и прочие будут впоследствии много полезней, если мы их не замажем. Уверен, как только мы испытаем бомбу и американцы поймут, как мы их провели, начнется такое! Скорее всего, товарищи американцы разгромят нашу агентуру. Тогда мы подготовим ответ – «движение за мир во всем мире».

Наверняка его поддержат или примут в нем участие все эти либеральные знаменитости. Так что после разгрома наших нелегальных агентов «сторонники мира» станут нашими легальными политическими агентами. – И он повторил: – Потому никакой компрометации великих. Они должны быть безупречны, как жена Цезаря.

– А что же Коненковой писать Эйнштейну? – спросил Берия.

– Я думаю, то же, что прежде. О любви. Как мне доложили, именно это она и делает. – (Все знает мой великий друг!) – Получать чертежи в Штаты поедет наш товарищ Фудзи. Он давно у нас не был за границей. Посетит своих старых друзей, обновит связи. Мы заодно еще раз увидим, как он умеет ловить мышей. Ну а если попадется, менять не станем. Пусть посидит в их тюрьме, в нашей он уже сидел. Интересно ему будет сравнить, – закончил шутник Коба.

Когда Берия уехал, Коба сказал мне:

– Эта Коненкова недавно написала мне письмо. Жалуется, что о них говорят черт знает что, их травят... Ты, я слышал, собрался ее навестить. Скажешь, ваше письмо товарищ Сталин получил и просил передать: «Интеллигенция у нас всегда завистливая, и не стоит на нее обращать внимание. Но меры примем, никто более ничего плохого о вас не произнесет». Однако в конце намекни, что, возможно, все эти разговоры о них не случайны. Возможно, они с мужем делают какие-то ошибки... – Он помолчал, потом добавил: – Это очень не простая парочка... Товарищ Коненков с конца тридцатых начал писать мне письма... В них он показался мне помешанным. Я не отвечал, он продолжал писать. Но в 1939 году он сообщил, что, исходя из движения светил, Германия на нас нападет в 1941 году. И когда напала, я получил от него второе письмо, где он предсказал победу и дату, когда она случится, – май сорок пятого. Между нами говоря, я тогда очень разозлился. Письмо пришло в августе сорок первого, когда ты чистил нужники в лагере, а мы крепко обосрались на фронте, немцы подходили к Москве. Как видишь, не только твой жидок... оказался великим прорицателем. Когда весной сорок пятого Коненков попросился вернуться, я за ними послал целый пароход. Он заслужил. Вывезли все его скульптуры, мебель. Он мне продолжает иногда писать... Искренний человек. Но не совсем понимает, где нынче живет. Он называет товарища Сталина «братом во Христе». Разъясни ему, что большевики не очень жалуют эту легенду. Недавно он написал «брату во Христе», что закончил рисовать цикл графических композиций. Работающие у него обслугой ваши товарищи доложили, что эта, с позволения сказать, графика представляет какие-то зашифрованные пророческие послания. О них он постоянно треплется с посещающими его товарищами интеллигентами. Посоветуй ему немедленно перестать болтать чепуху. Объясни, что мы страна атеистов...

Теперь я понял, откуда появились эти «таинственные злопыхательства» на Коненковых! Это было предостережение моего всезнающего друга.

На прощанье Коба сказал:

– Ты, Фудзи, слишком давно не был в Штатах, а у коненковской жены осталось много информации. Расспроси ее поосновательней. Я не учу тебя – просто не хочу тебя потерять.

Мне показалось, он сам был растроган своею заботой.

Я отправился к Коненковым.

Жили они на первом этаже в новом доме на углу улицы Горького и Тверского бульвара. На крыше дома на постаменте стояла знаменитая скульптура Мотовилова – балерина в пачке с изящно поднятой ногой (из-за чего дом прозвали «Домом под юбкой»). В окна их квартиры глядел памятник Пушкину... Короче, местечко было самое что ни на есть художественное. С их квартирой позже будет соседствовать магазин «Армения». Окно-витрина было и в коненковской квартире. Видно, это помещение также предназначалось для магазина. Но щедрый Коба отдал его необыкновенной чете.

Коненков сам открыл мне дверь. Седой богатырь, борода пророка. Из-под кустов седых бровей – молодые горящие глаза. В семьдесят с лишком лет! Увидев меня, вздрогнул и отступил. Я решил, что в полумраке маленькой прихожей он принял меня за Кобу. Теперь думаю, что совсем по иным причинам...

Из прихожей прошли в так называемую гостиную. Здесь стояли кресла – скульптуры. Кресло в виде удава, кресло в виде лебедя и громадное кресло-трон. Я видел их прежде – в их квартире в Нью-Йорке. И так же, как в нью-йоркской квартире, под пятиметровым потолком шла галерея, откуда можно было сверху оглядеть гостиную. На галерее находились жилые комнатки с низенькими потолками.

– Вы побеседуйте пока с женой. У нее к вам важное дело, – и Коненков удалился.

Она спустилась ко мне в гостиную. Боже мой, как изменилась! Лицо постаревшее, некрашенное, затрапезное платье – она явно перестала следить за собой. Села в кресло «Лебедь» и, не поздоровавшись, набросилась на меня с градом негодований:

– Эти мерзавцы открыто обвиняют нас в том, что мы «пересидели войну за рубежом», а теперь получили мифические богатства! Я прошу оградить нашу семью от подлых нападков. У нас у обоих заслуги перед Родиной – его искусство и моя работа!

Бедная Марго не понимала, что у нас «просто так» ничего не бывает. Я должен был объяснить ей. И я объяснил:

– Да, я слышал, на вас гнусно нападают. Но это будет прекращено раз и навсегда. Если...

– Я изложил ей все «если». – Вашему мужу необходимо прекратить заниматься предсказаниями в стране атеистов. Никто больше не должен видеть его работ на эту тему. Он сам не должен о них говорить. Я надеюсь, вы поняли?

Умная Марго все поняла. Приятно иметь дело с подобными людьми.

Она сказала кратко:

– Сделаю.

Позвонила в колокольчик. Как когда-то в Нью-Йорке, принесли кофе, коньяк и фрукты.

Она приступила к главному:

– Я хочу, чтоб вы послушали его письма...

На столе лежала гора писем. Она вынула из нее, будто наугад, несколько явно приготовленных к встрече.

Начала читать по-английски, тут же переводя. Это были стихи. К счастью, моя память впитывает, как промокательная бумага, которой в школьном детстве сушили чернила в тетрадках.

В переводе они звучали так:

«Милая! Тебе не вырваться из семейного круга.
Это наше общее несчастье.
Сквозь небо неотвратимо
Проглядывает наше несчастное будущее,
Голова гудит, как улей,
Обессилели сердце и руки...
Ты говоришь, что любишь меня,
Но это не так.
Я зову на помощь Амура,
Чтобы уговорил тебя быть ко мне милосердной.
Вернись! Вернись!»

Она читала и молодела. Глаза горели. Я видел прежнюю Марго!

– Вы слышите крик раненой души! Он хочет, чтобы я приехала к нему. Он пишет об этом и только об этом!

Изящно и бережно взяла другое письмо. И продолжала читать его мольбы:

– «Вернись! Вернись! Без тебя я просто одинокий старик. Я жду того момента, когда ты приедешь, когда поднимешь глаза, и я увижу в них Бога. Без тебя обессилели сердце и руки, ты для меня вся Вселенная... Вернись. Вернись!» – Она посмотрела на меня выразительно. – Он очень страдает. И если я приеду... – Она не закончила.

Как я и предполагал, она готова была обещать нам Эйнштейна, луну с неба! Что угодно! Ей смертельно надоела любимая родина, но, к сожалению, она не знала о новой установке Кобы. Я ей кратко объяснил, что знаменитых физиков следует нынче оставить в покое, и на этом фронте она нам не нужна. Она нам нужна при своем беспокойном муже. Чтобы он перестал наконец совершать опасные глупости.

Она молчала. У нее вновь стали глаза раненого зверя, как-то вмиг опять она постарела.

Я заговорил о моей поездке. Она вяло сообщила сведения о женщине, которая должна была передать мне чертежи в Штатах. Я не ошибся, это была та самая особа, бывавшая у них совсем молоденькой коммунисткой и тогда же нами завербованная. Закончив рассказ, посмотрела на золотые часы. Поймала мой взгляд, пояснила:

– Его подарок перед моим отъездом.

Долго сидела молча. Потом добавила:

– Наверное, надо уехать далеко *от него*, чтобы понять, как больно любить.

Она, видно, была очень одинока, если говорила это мне.

В гостиную вошел Коненков. Он повел меня смотреть мастерскую.

«Запомните хорошенько – пятьдесят третий»

Мастерская оказалась огромной светлой залой с очень высоким потолком. Она была заставлена скульптурами из дерева.

– Я покупал пни, поваленные деревья в Центральном парке, – басил он. – Я не хотел, чтобы их сожгли. Помните в Библии: человек умер – распался, истлел, прошел, как тень. Он горстка праха. Те, кто разроют могилу, найдут тление. Но срубленное дерево-пень оживает, как только получает воду. И когда выкорчевывают пни и корни, убивают притаившуюся жизнь. Срубленные деревья полны грез, и пни прячут в себе образы. Я их разгадываю...

Мы медленно шли мимо его «разгадок».

Христос с босыми ножками, выступавшими из деревянного сруба, деревянный Иуда, очень напоминавший «Крик» Мунка – лицо, запрокинутое в вопле. И, наконец, Эйнштейн – лукавый, со вздыбленными волосами. Тот самый портрет, с которого и начался ее роман.

Все эти деревянные скульптуры размещались на фоне странных изображений, которыми были буквально завешаны стены мастерской, – графических работ, приблизительно метра два шириной и метр в высоту. Я насчитал их семнадцать штук. Это и был предмет опасений Кобы.

Я остановился.

Он улыбнулся.

– В них – итог размышлений всей жизни. Вся серия рисунков обладает смысловым единством. Я назвал ее «Космогония» – панорама мира, составленная из изображений созвездий и планет, ветхозаветных и евангельских сюжетов. В графической форме вы видите взаимосвязь событий земной истории с начертанным в космосе Божественным Планом Веков. Здесь – события прошлого и будущего. Прежде чем приступить к ним, я работал несколько десятилетий. Я собрал уникальные трактаты по древней метрологии, начиная с пирамиды Хеопса, редчайшие труды европейских теологов и астрономов прошлых веков. В том числе тайный труд Исаака Ньютона «Замечания на книгу Пророка Даниила и Апокалипсис Иоанна». Великий Ньютон долгие годы пытался при помощи вычислений увязать пропорции храма Соломона, отражающие, как он считал, «божественный замысел, план грядущих веков», с космической гармонией и смыслом библейских сюжетов. Его тайная рукопись предсказывает конец света в 2060 году. Но Ньютон ошибся...

Помню, как стоял этот гигант с ослепительно седой бородой, освещенный заходящим солнцем, падавшим в огромное окно. И вещал:

– Всеобщая ошибка (в том числе и Ньютона) состоит в том, что в основу расчетов берутся измерения храма Соломона. Следует же брать строение куда более древнее – пирамиду Хеопса. Здесь вы видите результат моих размышлений. Эти семнадцать графических композиций представляют уникальный опыт эзотерического изобразительного текста. Этому нет аналогов в мировой культуре. На основании своих исчислений я предсказал начало войны и ее конец. Теперь предсказываю Апокалипсис. Это не одномоментный акт, а процесс, начавшийся, как я открыл, в 1874 году и длящийся по сей день. Думаю, ваш друг и мой брат во Христе вам это рассказал... – (Я был так захвачен увиденным и услышанным, что лишь выйдя из мастерской, изумился: откуда он знает о моей дружбе с Кобой? Уж не говоря о нашем с Кобой разговоре...) – Сейчас перед вами первое графическое изображение, – продолжал Коненков. – Прежде чем вы на него взглянете, вы

должны усвоить истину: звезда Алцион в созвездии Пляд есть неподвижный центр Вселенной – космическое олицетворение Бога. Именно это доказывает труд астронома Н. – (Забыл его имя). – Он рассчитал, что наша Солнечная система движется к центру Вселенной, коим является звезда Алцион. Алцион и служит тем « тронем » – божественным центром, откуда осуществляется управление нашей Вселенной. Из этого становится понятно, почему сцены истории я расположил на картине между фигурой Творца (Алцион) и изображением Солнца, олицетворяющего Христа... Иными словами, все исторические события зависят от божественного закона и являются отражением всеобщего космического движения. Поскольку орбиты и траектории космических тел можно рассчитать, астрономическое предвидение будущего, – он остановился и закончил почти шепотом: – возможно... Вы поняли? Возможно!

Он подошел ко второй картине.

– Здесь пространство также разделено на три смысловые зоны. В верхней воспроизведен сюжет из книги Иова – «спор Бога и дьявола», нижнюю часть композиции занимает изображение египетской пирамиды Хеопса. Я провел собственное исследование пирамиды, но уже в контексте библейской истории. Я узнал, что в год строительства пирамиды Хеопса на небе одновременно появились звезда Алцион, символизирующая Бога, и звезда Альфа Драгонис – символ сатаны. И этот диалог Бога и дьявола, запечатленный у меня в верхней части картины, имеет не только астрономическое, но и библейское подтверждение. Есть подтверждение и архитектурное. Пирамида Хеопса строилась так, что вершина ее указывала на Алцион (Бога), а первый нисходящий коридор – на Альфа Драгонис (дракон, змий, дьявол). Последняя во время постройки пирамиды Хеопса занимала на небе место Полярной звезды. Архитектурная взаимосвязь этой пирамиды с космическими событиями и Священным писанием делает ее инструментом прочтения будущего...

Мы перешли к третьему полотну.

– В этой графической композиции основной акцент перенесен на события Второй мировой войны. Я считаю ее одним из проявлений уже начавшегося Страшного суда. Поэтому главенствующая символическая роль в композиции отведена образам Апокалипсиса. В правом нижнем углу Космогонии – апостол Иоанн Богослов на острове Патмос, где ему открылось видение грядущего Апокалипсиса. Второй созерцатель событий, изображенный здесь, – это я. Я ведь недаром родился в 1874 году. На этот год как и на год начала Страшного суда указывается в теософских комментариях к Книге пророка Даниила и в исследованиях пирамиды Хеопса. Кстати, и вы, мой брат во Христе, рождены в начале мистических семидесятых... Я вижу, что вы устали и уже плохо воспринимаете мой рассказ. Что делать, вы обычный человек... Я много работал с деревом. Большинство людей похожи на древесную стружку, которая кольцом обнимает собственную пустоту... Не обижайтесь... ибо тем не менее вам выпадет великая миссия.

Я уставился на него.

– Вы поможете вашему другу закончить свою миссию на земле... Ну вот, смотрите, это важная и последняя картина. Она пока в работе...

На огромный деревянный мольберт был водружен громадный картон. Здесь было множество изображений, которые я не запомнил. Но отчетливо помню, что в центре, в треугольнике, окруженном светилами, стоял Самсон, разорвавший цепи. И рядом цифры – 1953.

Коненков усмехнулся.

– Чтобы цифры никого не соблазняли... – Он поднял кисть и на моих глазах грубо замазал их голубой краской. – Но вы запомните хорошенько: пятьдесят третий!.. Это все, что вам надо знать. Сейчас за работу! Чтобы ничто никого более не тревожило... – (откуда-то он знал и это!), – мы с вами их снимем.

Он заставил меня снять со стен все семнадцать изображений. Они оказались достаточно тяжелыми. Мы отнесли их в глубь мастерской – туда, где стоял гигантский Христос.

– Я редко приглашаю сюда гостей. Точнее, никогда не приглашаю.

Художник выключил свет, и мастерская потонула в полумраке.

Мы вышли в гостиную. Я хотел проститься с Марго, но он сказал:

– Не надо ее больше мучить. Она и так расстроена. – Открывая дверь на улицу, шепнул: – Пятьдесят третий... Самсон, разрывающий оковы.

Похищение бомбы

Через день я улетел в США. Не стану описывать подробно все путешествие, это должна быть отдельная история...

К моему изумлению, в Америке все оказалось иначе, чем я ожидал. Я будто вернулся в давно забытую мною атмосферу тридцатых годов. Все те же многочисленные американские левые относились к нам с истинным восхищением. Восхищались нашей победой над Гитлером, простотой Дядюшки Джо, так импонировавшей стране переселенцев. Среди тамошних интеллектуалов было полно «русских евреев». Их предки уехали из России при Александре III. Они покинули страну государственного антисемитизма, и оттого после Революции Россия с ее еврейскими лидерами была необычайно притягательна для этих леваков. И хотя с тех пор Коба изгнал почти всех евреев из Политбюро, заключил пакт с Гитлером, напал на Финляндию, оккупировал Прибалтику, предал Польшу и устроил процессы над «врагами народа», их любовь к СССР выдержала все испытания. Полтысячи американских интеллектуалов подписали коллективное заявление, осуждающее «невозможную ложь, будто СССР в чем-то схож с тоталитарными государствами». Коммунизм для них оставался религией, а антисоветские книги – ересью! Компартия в Америке достигла рекордной численности – около ста тысяч членов. Думаю, в те годы она могла попасть в Конгресс. В такой обстановке работать было легко и даже весело.

В это время моим агентом стал один из советников госсекретаря. В группу другого моего агента, фанатичного коммуниста-экономиста, входили сотрудники таких учреждений, как казначейство и госдепартамент. Некоторые наши друзья сидели в Office of Strategic Services (предшественник ЦРУ).

Но, к своему ужасу, я быстро осознал, что произойдет со всеми ними. И скоро!

Мой друг Коба и здесь, как всегда, не удержался. Он не умел *не* захватить *всего*! И захватил – превратил американскую компартию в филиал нашей разведки. Компартией руководили присланные Берией резиденты. Руководили топорно, грубо. Была создана практически вторая законспирированная компартия с явками, кличками, тайными лабораториями. Причем многие члены легальной партии и не подозревали о другой, подпольной, которая вербовала агентов и переправляла в Москву секретные документы. Но если с европейскими партиями в нищей, разрушенной Европе подобное сходило с рук, здесь, в процветающей Америке, такая организация была обречена. Я понимал: как только мы испытаем бомбу, они поймут, как мы ее создали (точнее, заполучили). И начнется такое... Коба тоже понял это. Но, к сожалению, поздно!

Всю операцию я провернул в две недели.

Я должен был встретить Мери в городке Санта-Фе (недалеко от Лос-Аламоса) и забрать у нее чертежи. Но, приехав в Санта-Фе, получил сообщение от агента из Office of Strategic Services: американцы знают, что из Лос-Аламоса похищены документы.

Было решено, что Мери передаст чертежи другому нашему агенту, уже в поезде.

Теперь мне предстояло благополучно посадить ее на поезд.

Поезд отправлялся днем в три часа. Но за час до отъезда на вокзал я получил новую информацию от агента: на платформе в Санта-Фе устроена засада. Самое страшное, что

сообщить Мери об этом я уже не мог.

Помню, как вышел на перрон. Жара была несусветная. Вычислил *его* сразу. *Он* стоял у конца платформы и внимательно читал газету, но при этом из-за газеты поглядывал на проходящих.

Появилась наша дама. Воистину, она была американо-грузинской мечтой. Этакая копия Орловой и Мерилин Монро одновременно. Носильщик чинно вез на тележке ее чемодан. Она мельком огляделась, ища взглядом меня. Этой ошибки было достаточно, чтобы *он* засек ее и двинулся вслед.

Я приблизился к нему сзади и, будто споткнувшись, чуть толкнул его, успев уколоть булавкой (из Лаборатории X). Извинился, прошел мимо.

Мери была умница. Не увидев меня в условленном месте, она не стала ждать и неторопливо направилась к вагону.

В этот момент *он* схватился за сердце и начал оседать на платформу. И тотчас нашелся его партнер. Это был негр – носильщик.

Бросился к нему. *Он* лежал недвижно на земле. На помощь спешили люди.

Я шел за ней к поезду – уважаемый пожилой господин.

Сказал сзади:

– Не оборачивайтесь... *они* ждут у поезда.

Уже издали я заметил двоих. Они обыскивали сумки и открывали чемоданы. Увидела их и она. По правилам она должна была понять, что положение безнадежно, и попытаться уйти. Но прелесть непрофессионалов в том, что они работают не по правилам, а по вдохновению.

Она не остановилась.

У нее был ридикюль и маленькая сумочка. Роскошный кожаный чемодан вез носильщик. Как было условлено, она подошла к вагону перед самым отходом поезда.

Кондуктор, проверяющий билеты, стоял на перроне.

Агенты начали досматривать ее огромный чемодан.

Мери была великолепна. Царственным жестом протянула ридикюль кондуктору – подержать, а сама принялась рыться в сумочке в поисках билета. Она оказалась отличной актрисой. Копаясь в сумочке, взволнованно говорила кондуктору:

– Боже мой, забыла билет! Как же так!

Нервно стала выбрасывать из сумочки губную помаду, пудру в руки кондуктору. Кондуктор (сама забота!) успокаивал ее. Подключился помогать и агент – всем хотелось услужить красоте.

– Не спешите, – уговаривал кондуктор. – Вы хоть место свое помните?

– Нет, в том-то и дело...

Она и правда очень волновалась, так что все получилось вполне натуралистично.

Билет был найден, только когда поезд уже трогался.

Кондуктор, продолжая держать под мышкой ее ридикюль, взял билет. Агент торопливо забросил ее чемодан в вагон. Она все так же величественно проследовала внутрь, кондуктор важно внес в купе ее ридикюль...

На дне ридикюля под салфетками и лежал сверток с чертежами и детальным описанием первой в мире атомной бомбы.

Я благополучно вернулся в Москву. Чертежи подтвердили правильность предыдущей информации. Производство нашей первой атомной бомбы началось.

Помню, ночью мы поехали с Берией в так называемый «Курчатник». Это был большой участок леса, огороженный стеной. Мы прошли в какой-то огромный длинный сарай. Везде встречались люди с военной выправкой – в штатском и в форме. Охрана – повсюду.

В большом плохо освещенном зале сидели несколько человек... За столом президиума – некто с длинной бородой. Это и был Курчатов – «Борода» (так его прозвали). Главный руководитель «яйцеголовых» (так называл физиков Коба).

Когда мы вышли на сцену, Курчатов вскочил и страстно зааплодировал, глядя на меня. Берия изумленно посмотрел на него... Но уже в следующую минуту понял: Курчатов часто видел «самого». Понял ошибку и Курчатов, уселся на место.

Берия заговорил, кивнув в мою сторону:

– Мы с заместителем министра иностранных дел товарищем Фудзи, много сделавшим для нашего проекта, рады сказать, что Иосиф Виссарионович Сталин, лучший друг и наставник советских ученых, внимательно следит за вашей работой. Он просил передать вам все то же: «Должна быть создана в кратчайший срок». От себя разъясню детали. Работу необходимо закончить к семидесятилетию любимого вождя – к 1949 году. И хочу предупредить: здесь на ряде строительных объектов работают заключенные. Не закончите к сроку – займете их место. Вопросы есть?

Присутствующие молчали.

– Желаю успешно трудиться. Всем необходимым мы вас обеспечиваем. Если что нужно – сообщайте, рады будем помочь.

В автомобиле Берия сказал мне по-грузински:

– Сбрей усы. А то в темноте я тебя боюсь...

Я пообещал, что усы срежу и даже отращу эспаньолку. Вообще-то у нас странное сходство: мне достаточно изменить прическу...

– *Очень ты на него был похож в темноте,* – заметил Берия.

Сбежавшая с полотна Боттичелли

Когда я приехал в Особняк, чтобы написать отчет, там меня ждал привет от Лаврентия. Даша.

“Дашенька”, как она сама себя называла, вошла в мою комнату. Молча, медленно, картинно сняла с себя кофточку. Потом так же неторопливо освободилась от лифчика и погладила крепкую высокую грудь. Поиграла ею и засмеялась.

– Поспешите, товарищ. Вот выйду замуж, рожу... и все! Конец красоте.

Юбка упала к ногам. Она стояла в тех же ажурных чулках... Повернулась и, чуть наклонившись, поиграла задом.

– То, что ты девка, я и так знаю.

– По-моему, не оценили. Начнем сначала. Посмотри, какая совершенная грудь с торчащими сосками. Ты необразован, как вы все, и вряд ли знаешь, что Мария-Антуанетта отлила бокалы по форме своих грудей. У меня вышло бы не хуже. Смотри, это не просто длинные ноги, они породистые... Видишь эту совершенную сухую щиколотку? И, наконец, узкая талия и божественный переход к бедру! Каково?! И, конечно, попка... кругла, но в меру. Я уверена, что одежду придумала старая карлица. Ох, как было бы прекрасно всем ходить голыми. Ужасное слово – «голыми». Лучше – «нагими». Когда летом я выхожу на пляж, все дамы вжимаются в песок. Неужели ты не видишь, жалкий слепец: я – Весна, сбежавшая с полотна Боттичелли.

А потом... Металось на подушке ее лицо... И огромные темные глаза сквозь золотые волосы.

Шептала:

– Да... хотела. Ты страшный, еще кровавей его. Ты убийца, да?

Голые, сидели на кровати и радостно целовались. Как в юности.

– Пионерская любовь, – сказала она.

Потом она ушла. Я лежал на простыне, сохранившей запах ее духов. На столе стоял ее недопитый бокал. Я понимал, что погиб... что впереди пытка – знать, кто она, и желать ее. Но почему она?! Ну чего в ней особенного? Красавица? Будто не было у меня красавиц... Блядь? Я посетил самые дорогие бордели. Нет, ничего в ней не было особенного. Просто молодая. Лгу. В ней было особенным... все! Страсть. Она воистину обожала, когда... Думаю, обожала в *тот миг* всех нас... А я обожал только ее. В этом была разница. И гибель.

И началось – *та* неделя. Из всей моей жизни, может быть, она одна и останется...

В перерывах между любовью Даша с каким-то дерзким упоением рассказывала:

– Ты плебей... вы все плебеи. Наверное, поэтому мне так со всеми вами хорошо. Английские аристократки обожали конюхов... Моя мать из старинного рода князей В-ых. Мой истинный отец – расстрелянный граф С-н. Чтобы спастись, мать вышла замуж за еврея – чекиста. Его тоже расстреляли. Она была красотка и успела выскочить за следователя, который вел его дело. Потом началась война. Следователь ушел на фронт, где его благополучно убили. В это время я прочла книжку... до смерти буду помнить название – «Зеленые цепочки»... о шпионах-немцах в нашем тылу. Я уже тогда захотела стать нашей

шпионкой... Война кончилась. Мы жили в двух шагах от вашей Лубянки. Моя подруга, смазливая брюнеточка, в десятом классе познакомилась на улице с черноволосым красавцем. Он работал на Лубянке, ходил пешком на работу, ей объяснил – «для моциона», на самом деле по дороге подбирал девочек. Говорил, что он офицер. Оказалось, это был ваш министр Абакумов. Он с ней переспал. Точнее, она с ним. Она его хотела. И меня с ним познакомил. Он, по-моему, холост. Во всяком случае устраивал вечеринки у себя дома. Нет, меня не тронул. Ему я и сказала о своей мечте – «хочу стать нашей шпионкой». Он меня приберег для начальника... С начальником я и стала женщиной. Лаврентий... я так его уважала... Но когда он переспал со мной – как же я его презирала. Он ведь был для меня небожитель. Я ведь верила, что мне надо искупить свое происхождение, как учил меня мамин муж. Когда я с ним поделилась своей мечтой, он мне объяснил: на шпионку надо учиться. Учиться придется *здесь*... чтобы успешно работать *там*. Но уже вскоре все поняла. Хотела быть шпионкой, а он сделал меня шлюхой. Я нарочно два раза срывала операцию. Но он меня не тронул. Просто посадил мать. Выпустил, когда я стала пайнкой. Знаешь, когда я тебя увидела, решила попросить тебя о маленьком одолжении: ты застрелишь меня? – Засмеялась, добавила: – Этого я хотела тогда. Сейчас, увы, нет. Потому что ты, говнюк, сделал самое поганое: ты в меня втюрился, и оттого мне сейчас захотелось жить.

Так началась эта самая счастливая моя неделя. Мы виделись каждый день.

На восьмой день она исчезла. Берия сказал, что ее отправили в Белоруссию на задание. Наступили ноябрьские праздники.

Я не успел ничего узнать, потому что 10 ноября Коба вызвал меня на юг.

КОБА ВСПОМИНАЕТ

На юге Коба планировал принять очень либерального, очень влиятельного и очень благоволившего нам члена английского парламента.

Мне поручалось понаблюдать за ним на предмет возможной вербовки.

Коба обычно уезжал на юг тотчас после 7 ноября.

День 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской Революции – был черным днем гибели Надежды. Так она ему отомстила – навсегда отравила главный праздник страны. Но 7 ноября он должен был появляться на Мавзолее во время парада. В стране, где все являлось секретом, Мавзолей оставался главной и единственной свободной политической газетой.

В праздничные дни население буквально впивалось глазами в фотографию Мавзолея на первой странице всех газет. Люди анализировали, как стоят на Мавзолее сподвижники Кобы. Если сподвижник занимал свое привычное место, это означало, что с ним ничего не переменилось. Если сподвижник вдруг оказывался рядом с Кобой, все понимали – взлет, если он вдруг исчезал с Мавзолея – трудящимся не приходилось гадать, что с ним произошло.

После великого праздника поезд обычно увозил Кобу на юг. Движение пассажирских поездов на Кавказ тогда прекращалось. Одинокий состав Кобы буквально летел через страну.

В тот год Коба отдыхал на даче, которую построил для него расстрелянный Лакоба на высокогорном озере Рица. Эту дачу (официально она принадлежала государству) Коба очень любил.

Стояла наша божественная южная осень. На дороге, естественно, никого. Как только кто-то ехал к нему, движение по шоссе останавливалось.

Меня везли на Рицу, как всегда, на бешеной скорости. На переднем сиденье – начальник его охраны Власик, на заднем – я.

В это время я много работал в Лондоне. Так что встречаться с англичанином в качестве друга Кобы было абсолютно непрофессионально. Но люди из высших эшелонов власти Англии были нам очень нужны. Потому мне пришлось хорошо поработать над собой, и с седой бородой, в парике с длинными седыми волосами, в черной блузе я стал похож на старого художника с Монмартра.

Англичанина, члена Парламента, вместе с молодым переводчиком из МИД везли за нами в другой машине.

Я привык ездить к Кобе и не обращал внимания, как, удало вписываясь в серпантин, мы неслись на бешеной скорости. Все ближе были освещенные солнцем вершины гор. Наша дикая, пышная красота! И вот она – показалась дача.

Помню, когда приехавшие вышли из машины, и гость и переводчик были одинаково бледны – натерпелись страху.

Коба встретил нас в белом полотняном костюме и белой фуражке (любой ветерок теперь, увы, поднимал поредевшие волосы, обнажал лысину).

Вынесли на улицу бильярд, Коба предложил гостю сыграть партию.

Он бил жестко, почти не целясь. Англичанин проиграл.

– Я редко принимаю гостей, – сказал Коба. – Привычку к одиночеству приобрел в

тюрьме, в одиночной камере... Вот и Фудзи там тоже сидел, – добавил он, представляя меня, – он друг моей юности. Тоже одинок, хотя женат. Мы, революционеры, как правило, одинокие люди. Наша семья – народ, наша истинная жена – Революция.

От доброй искренности всемогущего человека англичанин таял.

За обедом Коба продолжил добивать его воспоминаниями:

– У меня умерла жена, самый близкий мне человек... Я с ее семьей был знаком до ее рождения. У них всегда была комната, которая ждала меня... пока я отбывал очередную ссылку. Они знали, я обязательно убегу и тогда непременно приеду к ним... Сколько раз, Фудзи, я бежал из ссылок?

– Шесть, Коба.

– Однажды убежал, примчался к ним в Петербург, а они переехали... Адреса новые хозяйева не знали. Что делать? Решил походить по городу, вдруг кого-нибудь встречу. Дождь шел со снегом, а я в худом пальтишке. Бродил, бродил... и ведь встретил ее... мою будущую жену! Повезло!

Англичанин был совершенно растроган, представляя эти страдания повелителя полумира. Потом они с Кобой уединились...

Гость уехал под вечер.

– Мне кажется, – сказал Коба, – этого прогрессивного империалиста можно вербовать.

Мне тоже показалось, что с ним можно «работать», и я послал шифровку в Лондон «нашим».

Приехавшему с англичанином молодому переводчику из нашего МИД Коба, к моему удивлению, предложил остаться:

– Отдохните с нами, стариками, от дел. Мы вас напоим допьяна хорошим грузинским вином и тогда узнаем ваши настоящие мысли и что вы за человек, – сказал он ласково.

Изумленный, счастливый переводчик был поселен вместе со мной в маленьком гостевом домике, где обычно жила Светлана.

За обедом все разъяснилось. Коба рассказал:

– После очередного побега из ссылки я перешел нелегально границу и приехал в Вену. Там была целая колония бежавших из России большевиков. В Вене меня поселили у его отца, – и он ткнул толстым пальцем в переводчика, – направил к нему Ленин. У него в доме по заданию Ильича я должен был написать статью «Марксизм и национальный вопрос». – (Как вспыхнул от счастья молодой человек! С каким обожанием смотрел он на Кобу!) – Как хороша показалась мне Вена после сибирской ссылки, нищеты и морозов. Был декабрь, когда я постучался к ним. Помню до сих пор улицу, где они жили – Шенбрюннер – Шлоссштрассе... я очень долго ее запоминал. И квартира вашего отца, – обратился он к переводчику, – мне показалась прямо дворцом, раем!

Радостно говорил Коба. Ему было так приятно вспоминать времена, когда он был ничем. И сравнивать. Он, нищий беглец, жил в Вене у богача революционера, и вот теперь сын того богача живет у него, трепеща от восторга и... страха! Сам вчерашний богач наверняка благодарен Кобе за то, что оставил ему жизнь, правда, убрав из жизни всех его знакомых.

– Ваша мать, – продолжал Коба, по-хозяйски наливая вино, – была красавица. У нее была дочка, если не ошибаюсь, еще от первого мужа. Малюсенькая девочка. По просьбе вашей матушки я часто водил малышку гулять в какой-то большой парк недалеко от дома и

по дороге обязательно кормил сладостями. Однажды я предложил вашей матери: «Давайте соревноваться. Позовем оба вашу девочку, интересно, к кому из нас она пойдет?» Позвали мы ее, и девочка побежала... ко мне! Сработали конфетки! – Коба прыснул в усы.

В этом рассказе был весь Коба. Он доказал: желудок победил любовь к матери.

(Впоследствии, приехав в Вену, я нашел улицу, где он жил. Она оказалась рядом с... Шенбруннским дворцом Габсбургов! «Какой-то парк», куда он водил девочку, был знаменитым парком дворца, открытым для посетителей. Но Коба – истинный революционер – не запомнил этих красот, плевал он на дворцы!)

Вечером из Москвы прилетели Берия и Абакумов.

Молодого переводчика отправили обратно в столицу. Я понял: назревало что-то серьезное.

Мы все собрались около бильярда. Красавец Абакумов – в ослепительно белом мундире, Берия – в светлом чесучовом костюме. И – Коба.

Он молча погонял шары. Начал издали:

– Как вы думаете, за что благодарил меня этот сукин сын англичанин? За то, что мы будем голосовать в ООН за создание в Палестине государства Израиль. Хотя англичане, как вы знаете, против образования Израиля, этот английский парламентарий меня благодарит! Знаете почему? Он английский еврей. Он говорит мне: «Евреи заслужили свое государство! Своею кровью во Второй мировой войне, ведь их практически предала вся Европа». Тут я как бы раскрываю ему карты. Говорю: нас интересует не только справедливость, но и наша выгода. Множество выходцев из России участвуют сейчас в создании Израиля, немало среди них бывших коминтерновцев. Мы разочаровались в арабском национализме, который служил то фашистам, то вашей Англии, мы решили сделать новую ставку. Казалось, теперь ему должно стать ясно: создав Израиль, мы будем противостоять его стране на Ближнем Востоке. Мы хотим, чтобы Израиль стал нашим форпостом в этом регионе... И что же он мне отвечает? «Меня мало тревожат причины, для меня важна историческая справедливость. Государство Израиль должно быть! Здесь я с вами!» Представляете, он с нами, хотя это невыгодно его стране! Таковы эти евреи! Они – «пятая колонна» во всех государствах... Вопрос: можем ли мы позволить себе такую роскошь – иметь «пятую колонну» в нашей стране *накануне*... – Он загадочно замолчал.

И тут я не выдержал:

– Коба, но этот парламентарий – *не* еврей. Он лорд, потомок герцогов, как сообщили наши люди.

– Тем хуже, он сионист, хотя даже не является евреем... – (Таков был мой друг. Если он что-то решил, его уже не смущали никакие доводы.) – Марксисты есть и среди герцогов, и они успешно служат нам вопреки интересам герцогов и своих стран. Сионисты – это тоже убеждение, они служат международному еврейству. Короче, Фудзи, хотя твоя жена – наша грузинская еврейка, надеюсь, это не мешает тебе верно смотреть на вещи. – И, обернувшись к соратникам добавил: – Страна должна быть едина. Евреи – это «пятая колонна», их так и следует рассматривать!

По-моему, оба соратника были в изумлении. Все-таки его любимая дочь Светанька вышла замуж... за еврея! Коба тогда уже стал дедом внука-еврея. Наконец, столь ценимый им Каганович!..

Коба продолжал:

– Наша позиция в вопросе образования Израиля навсегда избавляет нас от обвинений в антисемитизме и развязывает нам руки в ликвидации «пятой колонны».

Несколько слов для истории

Я хотел бы, чтобы вы поняли, в чем тайная пружина этого факта – участия Кобы в создании государства Израиль.

В 1947 году Европа лежала в руинах, запасы угля истощились, добыча угля стала беспощадно дорогой. Зима 1947 года была свирепой. Англия буквально замерзала. В первый раз после окончания войны я приехал в Лондон. Гостиница не отапливалась, напоминая промозглый лагерьный барак. Я впервые видел Темзу замерзшей до Виндзора. Вечером не было света – остановилась электростанция...

Вот тогда американцы придумали хитрейший, гениальный план – план государственного секретаря Джорджа Маршалла. Европе предоставлялись огромные кредиты, чтобы она могла покупать... американские товары! И еще (пожалуй, главное) Европу пересадили с дорогой «угольной иглы» на очень дешевую арабскую и иранскую нефть.

Именно в 1947 году Коба и выступил за создание государства Израиль. Это была головоломная шахматная партия моего страшного, великого друга. Ее до сих пор никто не понимает, хотя она продолжает разыгрываться поныне.

Дело в том, что с момента основания СССР верхушку нашей разведки составляли великие евреи. Но они никогда не чувствовали себя евреями, они были революционерами-интернационалистами с великой мечтой. «Чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем», – как писал наш поэт. У них появилась идея: используя свое происхождение, начать влиять на сионистские организации, поддерживать создание государства Израиль. При помощи евреев-выходцев из СССР и евреев-коминтерновцев, участвующих в борьбе за основание Израиля, подчинить его нашему влиянию. Создать форпост марксизма на Ближнем Востоке.

Коба идею горячо поддержал. Через Чехословакию приказал поставлять оружие евреям, сражавшимся в Палестине. Этим занималась и моя фирма в Праге.

Помню, выслушав мой отчет, Коба неожиданно рассказал веселый антисемитский анекдот: «Мы послали оружие евреям. Приходит телеграмма: “Оружие получили, шлите грузчиков”».

Самое парадоксальное: моя фирма поставила еврейским боевикам много трофейного фашистского оружия. Гитлеровское оружие участвовало в битвах за создание еврейского государства! Неисповедимы пути Твои, Господи!

Голосовали мы за создание Израиля и в ООН. После ужасов холокоста ООН не могла противиться этой идее. Так Гитлер из могилы помогал ненавистным евреям осуществить их главную мечту...

Воистину неисповедимы пути Твои...

Но уже в первые годы существования Израиля я передавал Кобе донесения о резком усилении влияния американцев. Впоследствии считалось, что это разочарование в политике Израиля и стало причиной вспышки ненависти Кобы к евреям. Ничего подобного.

Коба уже тогда сказал мне презрительно:

– Тоже – новость! Неужели товарищ Сталин не просчитал этого с самого начала? Неужели он рассчитывал, что богатые американцы не сумеют захватить нищий Израиль?

Товарищ Сталин знал и хотел этого. Но что получится в результате союза евреев с США? Каков конечный итог? Арабские страны моментально отвернутся от американцев. Создав Израиль, мы создадим район вечного конфликта между арабами и Америкой. Кстати, дешевая нынче нефть, принадлежащая арабским странам, завтра может сильно подорожать, пребольно ударив по плану Маршалла. А мы? Мы станем арбитрами в их спорах. *Израиль – дар данайцев Америке от имени товарища Сталина...*

– Короче, – продолжал Коба, – нам нужно уже сейчас начать чистить страну от «пятой колонны». В этой связи предлагаю безотлагательно решить проблему товарища Михоэлса. Товарищ Михоэлс – замечательный актер Еврейского театра. – (Это была его манера: он всегда начинал с хорошего, заканчивая страшным выводом. И чем больше было хорошего, тем страшнее бывал вывод.) – Конечно, не хотелось бы терять такого знаменитого среди мирового жидовства человека. Но мы так много и бездумно его хвалили, что захвалили. К тому же к нам приедет посол государства Израиль. Товарищ Михоэлс, как глава еврейского Антифашистского комитета, начнет с послом постоянные нежные контакты. Потом хлопот не оберешься. Если мы решим вопрос с товарищем Михоэлсом сейчас, то наша нынешняя позиция в вопросе образования государства Израиль заранее снимет все подозрения. Надо спешить, – Он посмотрел на меня. – Не так ли, товарищ Фудзи? Я поручаю тебе это дело, – он опасно усмехнулся. – По-моему, ты не рад доверию партии?

– Нет, почему же, Коба...

– И я думаю – почему же? Какие у тебя соображения против?

– Я должен...

– Уезжать в Прагу. Но *дело* не займет много времени. Так что поможешь по-товарищески Абакумову, он у нас назначен не так давно... или не поможешь?

Я сказал:

– Помогу.

Он обожал делать меня убийцей.

Человек, избежав опасности, забывает свои обещания Богу. В это время я перестал молиться. Я вернулся к прежнему себе.

Чувствовал я себя ужасно. Все чаще вспоминал того... на вокзале в Санта-Фе... его остановившиеся глаза.

Однажды приснилась парочка – князь Д. и его жена...

И в тот день, обедая, мне впервые померещилась... кровь на скатерти. Теперь Михоэлс... Но что я мог? Только одно – избавить этого несчастного от лишних страданий... Избавить?

Я где-то читал воспоминания палача. Он объяснял, какие палачи гуманные люди, как они стараются на плахе избавить свою жертву от лишних мучений. Помню, палач приводил такой пример. Сжигая осужденного на костре, они придумали милосердную хитрость: багор с острым концом, служивший для перемешивания соломы в костре, ставили против сердца осужденного. И при разжигании костра багор точнехонько падал – убивал приговоренного до начала огненных мук. Так они поступили с Жанной Д'Арк. Правда, при этом они ее все-таки сожгли, эти милосердные палачи!

Вот и я... Но, повторяю, что я мог? Отказаться? Это означало – вернуться *туда*... И опять – бедствия несчастной семьи!

Вечером меня привезли в кабинет Абакумова. Здесь уже сидел глава белорусской госбезопасности Цанава (однофамилец или дальний родственник моего друга боевика Цанавы).

Абакумов изложил план:

– Михоэлс должен будет приехать в Белоруссию, в Минск. Отбирать спектакли для выдвижения их на Сталинскую премию. Михоэлс, надеюсь, любитель дам. Так что, как всегда, в деле участвует красотка. У товарища Берии оказалась подходящая кандидатура, и мы уже переправили ее в Минск. Я ее видел, на нее невозможно не упасть. Наш сексот – театровед, который приедет вместе с Михоэлсом отбирать спектакли, представит ее Михоэлсу на правах старого знакомого. После спектакля она пригласит их к себе на дачу... Михоэлса привезут на территорию загородного дома товарища Цанавы в Степянке (это под Минском). Там его ликвидируют. После чего вывезут труп на малолюдную улицу недалеко от гостиницы, положат на дороге. Там будет произведен на него наезд грузовика... Несчастный случай – так объявят в прессе. Естественно, следует за собой «подмести» (то есть убрать театроведа и *ее*, исполняющую секретное дело). Он обратился ко мне: – Вы можете что-нибудь добавить?

– Только никаких зверств. Когда Михоэлс будет выходить из машины, выстрел в затылок – и все. Тело будет выставлено для прощания в Еврейском театре. Его лицо должно быть чистым, никаких следов насилия. Теперь о непосредственных участниках операции... Насчет «подмести» – необходимо обсудить с Лаврентием Павловичем. Эта девушка – его сотрудник.

– Это распоряжение главы правительства, оно не обсуждается, – жестко прервал Абакумов.

Тотчас после совещания я позвонил Берии. Он засмеялся:

– Зацепила тебя крепко. Не бойся. Она останется живой. Наебешься вдоволь.

Операция в ноябре была отложена. Оказалось, Михоэлс заболел.

Но Даша из Минска не вернулась. Я не выдержал, позвонил Берии.

– Не ты один, Цанава на нее запал. Не отпускает, – он явно наслаждался моим мучением. – Не боись, отобьем. Операция назначена на январь. После тотчас верну ее в Москву.

Михоэлс выехал в Минск на старый Новый год.

Я прилетел туда на следующий день. Вместе со мной – первый заместитель Абакумова генерал О-в. Он руководил операцией.

Я сидел в гостинице. Видел в окно, как они все садились в «Победу» – ехать на дачу. Первой садилась она. Она была без шапки, и в свете фонаря снег падал на золотистые волосы. Михоэлс помог ей сесть в машину, закрыл дверцу. От усердия он наклонился, шапка слетела с головы, сверкнула его лысина. Наконец забрались в автомобиль он и театровед. Тронулись.

Через сорок минут позвонил Цанава и сообщил: они приехали.

О-в тотчас связался с Абакумовым:

– Объект на месте. Наши действия прежние?

Тот сказал:

– Обожди у телефона.

– Докладывает, – шепнул мне О-в. Через минуту он услышал ответ Абакумова:

– Действуйте, как условились, и доложите.

О-в положил трубку и перезвонил Цанаве. Цанава позвонил через двадцать минут. Сообщил кратко:

– Состоялось.

Михоэлса и театроведа убили выстрелами сзади. Потом отвезли трупы поближе к гостинице. И там участник боевой группы совершил наезд на грузовике. Самое жуткое – Михоэлс был еще жив. Видно, спешили, не проверили. Как рассказал совершавший наезд, «шевелился на дороге, будто раздавленный таракан».

По Москве пустили слух: Михоэлс с другом театроведом «набрались» и попали под грузовик.

Похороны Михоэлса прошли торжественно.

Коба наградил орденами всех исполнителей, включая Цанаву.

Но ее имени не было среди награжденных.

Я вернулся в Москву и первым делом отправился в Особняк. Там ее не нашел. Позвонил Берии. Он сказал:

– Говнюк Цанава опять ее не отпускает! Добьем гада, обещаю, – и засмеялся.

– А почему ее не наградили?

– Спроси чего-нибудь попроще. Ты же знаешь: *оне* не любят баб.

Через два дня сам позвонил:

– Ну вот, прилетела! Завтра будет в Особняке. Сегодня ее вызвали.

Я не спрашивал, куда и кто, мне было все равно. Главное – я ее увижу.

Наступило завтра.

В Особняке опять ее не было. Ее комната – открыта, запах ее духов. Чисто прибрано. Это означало: она находилась здесь и куда-то вышла.

Я сел на кровать и стал ждать.

И тогда в комнату вошел Берия.

– Бедный Фудзи... Догадался? Работа у нее была такая. Когда-нибудь это должно было случиться.

Я был спокоен.

– Расскажи.

– Хочешь подробности? Наверное, не нужно тебе знать...

– Расскажи!

– Утром Коба потребовал ее к себе. Он придумал наградить ее сам. Он бывал с нею... тоже. Она умела разбудить любую угасшую чувственность, специалистом была. Но здесь ошиблась. Она обладала властью над всеми нами. Но не над ним. Недаром всех женщин он называет «бабами». Думаю, посмела пошутить над его бессилием. Я его видел после ее ухода – он был в бешенстве. Она ждала тебя здесь, в Особняке, когда вошел офицер. Боюсь, она успела испытать ужас смерти. Так захотел обиженный Коба...

Я сел на ее кровать еще молодым, встал – стариком.

Правду о ней я выяснил позже, в 1954 году. Мерзавец, конечно, все придумал. Чтобы крепче была моя ненависть к Кобе. Все случилось обычной... и необычной. Она попыталась предупредить Михоэлса. Написала ему записку в гостиницу, ее перехватил наш коридорный. Думаю, дело здесь было не в благородстве. Просто она опять попыталась перестать жить. На этот раз удачно: по окончании операции ее прикончили.

Но тогда я этого не знал. Тогда я подытожил: снова Коба отнял у меня *ее*.

Я его ненавидел. Я, грузин, ненавидел Друга!

«Пятьдесят третий год – Самсон, разрывающий оковы» – не выходило из головы.

Она до сих пор приходит ко мне во сне... Я вижу ее. И она говорит мне: «Я сбежала с полотна Боттичелли...» И, держа руками высокую грудь, приближается к постели... я смотрю на мысок золотистых волос внизу и уже предчувствую то сумасшествие, восторг, тянусь к ней... и просыпаюсь.

Террор начинается

Я в очередной раз вернулся в страну. Вечером жена спросила, не хочу ли я прогуляться перед сном, и кивнула на делавшую уроки Майю-Сулико. Я понял. Мы давно уже отвыкли говорить в квартире – прослушка. Да и дочку нельзя было впутывать в наши разговоры.

Мы шли вдоль Москвы-реки, дул холодный ветер, к которому никогда не привыкнешь – все-таки мы южные люди.

Жена шептала:

– Началось безумие. По всей стране идет кампания против «безродных космополитов». Во всех творческих союзах – бесконечные собрания, выявляют космополитов. Излишне объяснять, что почти все «безродные» – евреи. У нас в Третьяковской галерее известнейший искусствовед-еврей каялся в том, что недостаточно воспевал русских художников, а вместо этого прославлял Рембрандта, о котором написал книгу. Теперь все должны рапортовать о раскрытии антипартийных групп «безродных космополитов». Их ищут повсюду – в армии, в науке, в партийных и советских учреждениях. Среди историков – еврей академик Минц, еврей доктора наук Рубинштейн, Вайнштейн, в кино нашли космополита режиссера еврея Трауберга...

– Арестовывают?

– Космополита в биохимии – еврея академика Парнаса уже вызвали к следователю. Несчастный умер от разрыва сердца на первом же допросе.

– Мне кажется, ты слишком нервничаешь.

– Ты, наверное, забыл, что я тоже грузинская еврейка? Но они не забыли... Вчера...

Я сжал ее руку, и она замолчала, потому что за нами уже шел какой-то человек (моя привычка контролировать, что происходит сзади, поглядывая в витрины магазинов). Наконец он зашел в парадное. Простой попутчик...

Она продолжала:

– Вчера меня вызвал наш новый начальник и сказал, чтоб я подыскивала другую работу. Появилось указание: евреи не должны занимать ответственные должности. Но и это не все... Неделю назад «за сотрудничество с немцами отдельных граждан указанных далее национальностей...» – ты только вникни: за сотрудничество «отдельных граждан»... выселены из Москвы на *вечное* поселение в Сибирь *все* немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, греки. Я об этом узнала, потому что у нас уволили грека и двоих чеченцев. И вот теперь добавление: появился дикий слух, будто в Казахстане уже строятся бараки, куда переселят евреев.

– Чепуха, – отозвался я, зная, что это не чепуха.

Она сказала:

– Согласись, он раскручивает тридцать седьмой год!

Это я давно понял. Но зачем?!

Я прожил в стране неделю и узнал: в столице вовсю идут массовые аресты. Только тихо, без газетных проклятий и сообщений.

В нашем знаменитом Доме на набережной опять стучали по ночам двери лифтов, в открытое окно вновь слышался шелест отъезжающих черных машин.

Как-то я сильно задержался на работе, возвращался далеко за полночь. Вышел из лифта, когда навстречу, из квартиры напротив, вывели одного из руководителей Совета министров

РСФСР.

Его жена стояла в дверях, и он говорил то, что говорили все, отправляясь *туда*:

– Не волнуйся, я вернусь к утру... и утром приготовь мне кофе.

Вдруг, опершись руками о перила, нелепо подпрыгнул и попытался броситься в лестничный проем. Но один из оперативников ловко перехватил его, вывернул руки. Другой, согнув, ударил вчерашнего кремлевского вельможу головой о перила.

Жена как-то нелепо взвизгнула, закрыла лицо руками.

Они молча втолкнули его в лифт.

Она с воплем бросилась назад, в квартиру. Захлопнула дверь.

После того как увезли этого несчастного, напротив нашей квартиры у лифта я несколько раз видел седую женщину и рядом с ней – немецкую овчарку.

Я сначала не узнал ее. Это была жена того вельможи. Она поседела за ту ночь. Она стояла, держась за перила, раскачиваясь, смотрела вниз. При каждом стуке лифта на лице ее появлялась улыбка, и она громко кричала:

– Люся, едет, он едет!

На крик из квартиры появлялась девочка, ее дочка Люся. Но лифт останавливался на другом этаже, и она вновь замолкала, замирала. Люся уводила ее и собаку.

Она покорно шла, чтобы вскоре опять выйти на лестницу. Так продолжалось два дня. На третий никто не появился. Ночью увезли всех – жену, собаку и дочь Люсю.

Теперь моя Нанико по ночам, прижимаясь ко мне, шептала:

– Неужели опять?! Я не переживу! Не выживу!

Я не сказал несчастной главного: Коба вновь не пустил меня за границу. Я представлял, как после моего ареста вот так же заберут моих... и не знал, что делать.

Арест «по-семейному»

Но оказалось, он придумал поручить мне особое задание.

Вместо моей семьи Коба решил заняться... своей! Как в 1937 году! Чтобы поняли: нет неприкасаемых. Чтобы ужаса в Москве было побольше.

Стояла теплая осень. Накануне празднования очередной годовщины Октябрьской Революции (и очередной годовщины гибели Нади) меня привезли к нему на дачу. Я шел по дорожке мимо знакомого пруда, когда увидел «забавную» картину. В неглубоком пруду торчала знакомая лысая голова. Это был Поскребышев. Выяснилось, что его туда ловко столкнул Берия. Сам Берия стоял на берегу и хохотал. Такие нынче были молодецкие шутки...

Коба сидел здесь же, на скамейке. В шинели, наброшенной на мундир с золотыми погонами, в фуражке, расставив больные опухшие ноги в валенках, он молча наблюдал за развлечениями соратников.

Поскребышев мрачно вылез из холодного пруда, представление закончилось.

– Мы с Фудзи пойдем в дом, – сказал Коба. – А вы забавляйтесь. – И добавил с усмешкой: – Дело молодое.

Он поднялся, тотчас подъехала коляска. Ходить ему теперь стало непросто – опухшие ноги. Но в этот раз он прогнал коляску. Мы пошли пешком к даче.

– И ведь такой маленький был пистолет, – вдруг произнес Коба и показал, какой маленький. – Это Павлуша привез ей! Тоже – нашел что подарить! Она мне все праздники отравила... – (И сейчас, после стольких лет, не отпускала его Надюша!) Он помолчал. Потом мрачно добавил: – Семейку свою мне оставила. Хороша семейка – одни хлопоты. Надо что-то делать с Женей... – (женой умершего Федора Аллилуева).

После смерти Павлуши Женя поспешила замуж. То ли не простила страшному любовнику смерти мужа, то ли попросту боялась его. Ведь раньше, при Павлуше, он не мог до конца завладеть ею. Теперь мог. Думаю, поэтому она убежала замуж. Он понял и не простил ей. Помню, он тогда очень злился. Давно все это было... Но для моего друга Кобы нет срока давности. У него слоновья память.

– Женя распространяет нехорошие слухи, – сказал Коба, – будто ее Павлушу отравили.

Конечно, Коба это придумал. Женя, как все мы, жила в страхе. И боялась только одного – что он о ней вспомнит.

Коба с усмешкой продолжал:

– Но если поверить, что Павлуша действительно был отравлен, то, скорее всего, – выдержал паузу, – ...ею! Обычная история. Путалась с другим мужчиной, захотела избавиться от мужа. Недаром после смерти Павлуши тотчас выскочила замуж за этого мужика. Именно так считают товарищи чекисты и настаивают на ее аресте. Я не имею права ее защищать. Ты поезжай вместе с ними. Это такое дело... семейное. Проследи, чтоб все прошло без их обычной грубости, чтобы сделали вежливо. Сидеть она, конечно, будет в особых условиях...

Я пошел. Боже, как я его ненавидел. Но пошел! Пошел!

Мы с офицером НКВД в штатском подошли к квартире. Позвонили. Дверь открыла очаровательная девушка. В руках у нее была книга.

– Можно Евгению Александровну? – спросил офицер.

Она крикнула:

– Мам, к тебе!

Раздался голос Жени:

– Кто там?

– Какие-то два гражданина, – сказала девушка и ушла обратно в свою комнату.

Вышла Женя. Постарела...

Офицер, стараясь быть вежливым, проговорил очень тихо:

– Гражданка Аллилуева. Вы арестованы. Вот постановление. – И протянул бумагу. –

Обыск сделаем в ваше отсутствие. Одевайтесь, возьмите теплые вещи и двадцать пять рублей на всякий случай.

– Да, я уж давно собралась... – И крикнула: – Доченька... я пошла.

Та высунулась из комнаты, все еще не понимая:

– Мам, ты куда?

– Туда. Запомни, девочка: от сумы да от тюрьмы не зарекайся, в наше время они рядом, – засмеялась, чмокнула дочь в щеку. В чем была, почти бегом, мимо меня и оперативника, – к входной двери. Выскочила на лестницу...

Я помнил и про Савинкова, и про моего соседа. Рванулся за ней. Успел. У самых перил, когда она уже перегибалась, схватил ее. Молча боролись. Оперативник стоял остолбеневший. Билось в руках сильное тело, а я шептал бессвязно:

– Жить надо! Разве можно... У вас дочь...

Она смотрела безумными глазами. Сказала:

– Он хотя бы зверь. А ты ничтожество, Фудзи! Ты – никто, ты – его плевок. Неужто не стыдно, ведь ты старый человек. Пусти, не буду.

Я отпустил. Она молча стала спускаться в сопровождении офицера. Я остался стоять у квартиры. Там, в машине, ее ждали еще двое.

Точно не помню, но, кажется, через месяц он посадил Анну Сергеевну, родную сестру Нади.

Я был у него на Ближней, когда в комнату вбежала Светлана. Она, видно, только что приехала, даже не сняла пальто.

– Папа, тетю за что?! Ну так же нельзя!

– Знала слишком много, болтала слишком много. Это на руку врагам. Никогда меня об этом не спрашивай. – Добавил любимую присказку: – Есть у нас особое ведомство. Оно и нас с тобой арестует, если партии это понадобится.

Он был щедр. Вскоре партии понадобились родственники уже первой его жены.

Он отправил в ссылку Джоника Сванидзе, сына расстрелянных им Алеши и Марии Сванидзе.

Вся посвященная Москва (то есть партийная, литературная, научная элита) говорила (конечно, исключительно с близкими) об этих арестах, повторяя с ужасом: «Неужели снова тридцать седьмой год?»

Светанька и Васька

В это время он не пустил меня в Париж. Окончательно сделал меня специалистом по своей семье...

Помню, я сидел у него на Ближней, дело было еще до убийства Михоэлса. Мы выпили «сока», как он называл молодое грузинское вино.

И Коба заговорил:

– У тебя есть дочь, а у меня... то ли есть, то ли нет. Я ведь ее очень любил. Но она... – Он махнул рукой. – Ты не знаешь, это было в начале войны... – (Откуда мне знать, если я тогда...) – Васька на своей бардачной квартире познакомил ее с писакой, ловким говоруном, жидом, конечно. Ты представляешь, моя скромница Светанька в своих детских полуботинках без каблуков пошла танцевать с ним. Жиду сорок лет, и он – главный ебарь Москвы. Мне Лаврентий сообщил поговорку о нем: «Мужья на Каплера не обижаются» – столько выеб! Она с ним начала встречаться!

В глазах у Кобы стояли слезы! Но я-то понимал, как после вечно пьяного брата, мрачного отца, тупых речей соратников этот блестящий говорун должен был ее потрясти!

– Тогда было не до нее. Разгар войны. Я опомнился, когда Лаврентий принес распечатки ее телефонных разговоров. Моя дочь... еще девочка... целуется в темных подъездах с сорокалетним мерзавцем. И сама по телефону бесстыдно беседует с ним об этих поцелуях! Встречаясь с ней, негодяй пересказывает романы американских-засранских писателей! Читает стихи расстрелянного антисоветчика Гумилева. Ты понимаешь, этот шпион... – (Коба привычно произвел его в шпионы), – планомерно развращал ее, причем сперва «идеологически»! – Его желтые глаза горели. – Я позвал ее. Пришла с нянечкой. Тут я и сказал... не мог сдержаться... понимал: нужно сдержаться... не смог! Сказал ей! Слышавшей от меня только нежности! «Страна воюет, люди гибнут на фронте, а моя дочь занимается блядством». Ты бы видел ее лицо... Ну что?! Ведь правда! Няня-дура лицо закрыла: «Да что же вы говорите такое!» А моя зло молчит. Я ей: «Мне все известно! Твои телефонные разговоры – вот они где!» – Коба похлопал по карману. – «Твой сукин сын – английский шпион, арестован». Знаешь, что услышал в ответ? «А я люблю его!» – Он посмотрел на меня с ненавистью. – Я впервые... ей!.. пощечину! Ну а как же! Ну, что же!.. Месяц молчала. Гада отправили в лагерь! Нужно было его расстрелять... но нельзя. Маменькин характер, кто знает, что она выкинет... Представляешь, я ее боялся! Велел передавать ей, как бы тайно, весточки от него – дескать, жив. Так боялся! Но она скоро замуж выскочила... До сих пор гадаю – по любви или чтоб мне больнее? Потому что выбрала интеллигента и жида. Когда мне объявила, я ей сказал: «Черт с тобой, делай что хочешь!» Но велел не приводить мужа ко мне в дом. Родила от него сына...

Помолчали... Он пробурчал:

– Ты сходи, посмотри... как он выглядит. Я тут ей книжку с надписью приготовил. Купи ей от меня подарочек. Жену попроси, чтоб выбрала нужный, бабий подарок... Или не надо. Лучше конверт с деньгами передашь, все-таки расходы у нее, ребенок...

Я получил тогда красный том из его «Собрания сочинений» с весьма незатейливой надписью: «Дорогой дочке от отца». И конверт, подписанный: «Деньги тебе».

Малыш оказался очень похож на Кобу и, естественно, на меня. Она назвала его Иосифом. Маленький Иосиф сидел в кровати и смотрел в мир нашими с Кобой глазами.

Самое удивительное – я чувствовал к нему... особую нежность.

Светлана как-то насмешливо быстро пролистала книжку, молча положила на стол. Потом открыла конверт, который явно интересовал ее больше. В это время малыш зашелся истошным криком. Она, успокаивая вопящего ребенка, рассмеялась:

– Мне неудобно вам даже сказать, сколько он прислал денег. Он не знает, сколько стоят у нас деньги. Намекните ему, что при царе, наверное, это была сумма, но теперь царя нет.

Я вернулся. И, когда начал добросовестно описывать его внука, он оборвал:

– Еще что?

Я сообщил:

– Денег маловато.

– Это она сказала? Ничего, мне в ее возрасте трех рублей хватало на месяц. Буржуазной роскоши захотела...

– Но царские рубли...

– Ступай домой, я устал.

С того дня (правда, на короткий срок) у него началась борьба с буржуазной роскошью. В это время наш знаменитый полярник Папанин, Герой Советского Союза, любимец Кобы, отстроил новую дачу на Москве-реке. Строили, как тогда часто бывало, пленные немцы, отбывавшие сроки в наших лагерях. Немецкая вилла была великолепна. Папанин позвал порадоваться Кобу. Коба поехал и меня прихватил.

– Вот, Иосиф Виссарионович, построился на старости лет, – радостно объявил Папанин дорогому гостю.

Коба брезгливо посмотрел на дачу и мрачно сказал:

– Эта буржуазная роскошь сгодится скорее для детского дома.

Повернулся, пошел к машине, не попрощавшись. В тот же день Папанин перестал быть адмиралом. Назавтра он передал дачу детскому дому.

После этого Коба захотел прокатиться по Рублевскому шоссе, где на даче в Зубалове жил когда-то с Надей и детьми. Взял меня, и мы поехали в ностальгическое путешествие.

Но по дороге Коба увидел большой новый дом, весело выглядывавший из-за забора.

– Эта чья буржуазная роскошь? – мрачно спросил он и велел остановить машину.

Меня отправил выяснить.

Это была дача министра рыбного хозяйства. Но министр оказался проворнее полярника. К возвращению Кобы в Москву он уже передал ее детскому саду.

Жить в больших дачах на огромных участках он разрешал только членам Политбюро. Дачи эти были государственные. Когда он отправлял очередного хозяина дачи в небытие, ее занимал новый счастливчик... часто вскоре отправлявшийся туда же. Так что дача становилась очередной черной меткой, которую они передавали друг другу.

Вскоре Светлана развелась со своим мужем-евреем.

Коба сказал мне:

– Слава Богу, бросила своего сиониста! А отец ее мужа оказался связан с Михоэлсом. Когда моя Светка решила разводиться, Михоэлс приказал ему: «Нужно этот брак немедленно вернуть...» Мерзавцы!

Это был его любимый круговорот. Он сообщал свои предположения Лаврентию, тот – следователям, следователи выбивали нужные показания, их сообщали Кобе, и он искренне верил в свою прозорливость!

На самом деле Светлану он развел сам. Сначала посадил тестя, потом отправил своего сына Ваську с паспортом Светланы в ЗАГС – проставить штамп о разводе.

Я ее встретил, когда она жила в Кремле после развода. Она сказала мне:

– Скоро разучусь говорить. Когда я с ним говорю, ощущение, будто ты стоишь у подножья высокой горы и кричишь, надрываешься, но туда доходят отдельные слова, а тебе в ответ – только эхо.

Она поспешила выйти замуж за скучного ученого, зануду, сына Жданова, и тотчас переехала к нему из Кремля.

– Убежала, – сообщил мне Коба,

Она родила девочку.

Коба поделился:

– Она сейчас в больнице. Ребенок недоношенный. Жалуется, что я не приезжаю. Молотов, видишь ли, к своей внучке приезжает. Ты же знаешь, некогда мне ехать, дел по горло, страна никак в себя не придет после войны. Не в службу, а в дружбу – поезжай, отвези от меня письмецо. – Он прочел мне вслух: – «Дорогая Светанька! Откуда ты взяла, что я тебя забросил? Может же такое присниться человеку! Советую не верить таким снам. Береги себя и дочку. Государству нужны дети, даже преждевременно родившиеся. Потерпи, скоро увидимся, целую мою Светочку. Твой папочка». Ну, как? Нежность у товарища Сталина в наличии?

– Большая нежность, Коба.

– Жалко ее. Не любит она его. Знаешь, по-моему, кого любит? Сына Большого Мингрела. Но никогда! Никогда не будет этого!

Она и вправду развелась и с новым мужем.

После грехопадений любимой дочери в сердце Кобы воцарился сын. Удивительно, но самому подозрительному из людей так и не пришло в голову: может быть, Васька (как звали его за глаза), зная «любовь» отца к евреям, нарочно свел Светлану на своей квартире с евреем Каплером, а потом познакомил с другим евреем, за которого она и вышла замуж? Чтобы остаться одному в сердце Кобы? Вместе с легкомыслием, ребячливостью в Ваське была удивительная хитрость. Вот уж действительно – характер скифа, тут Коба прав. Но теперь, как и положено старому грузину, Коба преисполнился любви к сыну. Ворчал на него, все знал о похождениях и... еще больше любил.

Хотя любить Ваську было нелегко.

Ко всем своим «достоинствам» он смертно пил. Об этом знала вся Москва. К тому же этот худенький, маленький человечек решил быть сердцеedom. С детства лишенный женской ласки, он, несчастный, жаждал найти ее в бесконечных любовных похождениях с девицами и дамами, готовыми отдаться за его священную фамилию, или просто шлюхами.

После войны преисполненный любви Коба устроил стремительный взлет Васьки. В двадцать семь лет тот стал командующим воздушными силами Московского военного округа.

Помню, Коба взял меня на знаменитый воздушный парад в Тушино. Наблюдать за подобными действиями он ездил обычно вместе со всем Политбюро.

Летчики показывали в небе фигуры высшего пилотажа – мертвые петли. И, конечно (особый восторг зрителей!), – инсценировки воздушных боев. Вся страна сидела у радиоприемников, слушала рассказ о параде, на котором присутствовал любимый Вождь. Голос диктора звенел металлом, объявляя о самолете, ведомом командующим парадом генерал-лейтенантом Василием Сталиным, бесстрашным сыном Вождя...

Коба стоял гордый в окружении соратников, не забывавших восхищаться Василием.

Однажды после такого парада я пришел в кабинет Кобы.

Он слушал пленку – запись репортажа о параде, который только вчера смотрел в Тушино. И когда диктор объявил о самолете Васьки, Коба гордо поднял голову. В глазах его стояли счастливые слезы старого отца-грузина.

Но я уже тогда знал правду. На самом деле за штурвалом часто находился совсем другой летчик, который и вел самолет, а пьяный Васька сидел рядом. Знал ли об этом Коба? Посмели бы ему рассказать об этом!

Но если бы и рассказали... Коба умел забывать ненужное.

Семейные дела не мешали главному. Коба без устали, беспощадно возвращал в страну порядок, то есть страх.

«Правда» разгромила сочинения Шостаковича и Прокофьева, этих любимцев «иностранцев-засранцев». Кажется, тогда же Коба принял указ «об особо опасных государственных преступниках». Троцкисты, правые уклонисты, эсеры, белоэмигранты и прочие враги, *уже отбывшие наказание и освобожденные из тюрьм*, подлежали новому наказанию – бессрочной ссылке в отдаленные районы СССР. В действительности, как только они прибывали в новую ссылку, их немедленно арестовывали. И дальше – знакомый им путь в лагеря.

В эти дни наша Лубянка гудела, свет горел в кабинетах до утра. Пятьдесят восемь тысяч были повторно репрессированы в одни эти первые месяцы...

Одновременно неутомимый Коба подготовил «Указ о тунеядцах». Лица, уклонявшиеся от трудовой деятельности, также выселялись в отдаленные районы – читай: переезжали в лагеря. Теперь ушедшие с работы или уволенные лихорадочно искали любую работу, а за ними столь же лихорадочно охотились органы.

Так Коба вновь изрядно пополнил численность даровой рабочей силы. Однако я понимал: это лишь начало, это все *для чего-то*.

Но для чего?

«Безродные» евреи

На Западе долго не могли поверить: в стране Маркса шла открытая антисемитская кампания. Да и как поверить в это, если в то же время мы голосовали за создание государства Израиль? Все, как и планировал мой великий друг.

Я вернулся из-за границы в дни, когда к нам приехала первый посол Израиля в СССР Голда Меерсон. Шофер вез меня домой мимо синагоги.

Если не ошибаюсь, в эти дни умер близкий соратник Кобы жалкий пьянчужка Жданов. Был объявлен траур. Но здесь, у синагоги, не было никакого траура! Радостное людское море в полсотни тысяч человек – перед зданием. Отмечали еврейский Новый год. И в синагогу пришла посол Голда...

Я вышел из машины. Милиционер тотчас подбежал прогонять мой автомобиль, но увидел особый номер. Словоохотливо, подобострастно сообщил:

– Празднуют свой Новый год. В синагоге – ихняя посол.

Я смотрел на толпу – солдаты, офицеры в орденах, старики, подростки, над головами младенцы, высоко поднятые родителями.

Голда вышла из дверей. Рев толпы: «Наша Голда! Шалом, Голделе! Живи и здравствуй! С Новым годом!»

Она подняла руку. Наступила тишина. Она сказала многотысячной толпе:

– Спасибо вам, друзья! Спасибо за то, что вы остались евреями.

Опаснее слов произнести было нельзя.

Но меня потрясло другое: рядом с Голдой стояла... жена Молотова Полина!

Через неделю меня привезли на Ближнюю. Давно не видел Кобу в таком гневе. Он ходил по комнате и повторял: «Пятая колонна!»

Я уже знал, в чем дело. Голда Меерсон еще раз посетила синагогу. Опять собрались тысячи евреев. Выйдя из синагоги, она решила пройтись пешком по Москве до гостиницы «Метрополь», там была ее временная резиденция. Тысячная толпа шла за нею. Люди пытались целовать ее одежду, выкрикивали заклинание, которое евреи повторяли уже две тысячи лет: «На следующий год в Иерусалиме».

Позвонил Поскребышев. Кобу соединили с кем-то по телефону.

Он сказал:

– Товарищ Эренбург, мне кажется, вам с вашим авторитетом следует немедленно остановить происходящее безобразие. Вам следует разъяснить евреям... Возьмите ручку, записывайте. Первое! Государство Израиль нужно только евреям капиталистических стран, где процветает антисемитизм и есть еврейский вопрос. Второе. У нас, как всем известно, нет антисемитизма и, следовательно, нет еврейского вопроса. Третье. Решение еврейского вопроса зависит только от победы социализма над капитализмом. Вот почему наши евреи смотрят на евреев буржуазных стран, связывающих свои надежды с Израилем, как на путаников, до сих пор не выбравшихся из темного леса. Четвертое. У нас нет такого понятия – «еврейский народ», но есть великая общность – «советский народ»... Пятое и шестое,

уверен, вы сочините сами... Политбюро высоко ценит перо лауреата Сталинской премии, советского писателя товарища Эренбурга. Желаю удачи.

Статья Эренбурга со всеми этими мыслями была опубликована в «Правде».

Тогда же на даче появились срочно вызванные Берия и Абакумов.

– Оказывается, Полина Молотова посещает синагогу, – заметил Коба.

Берия сказал печально:

– Эта жидовка Голда спрашивает Полину: «Ты еврейка?» А та ей отвечает гордо на иврите: «Я еврейская дочь». Не советская – еврейская, Иосиф Виссарионович. И это ответ жены советского министра иностранных дел!

Коба походил по комнате, пососал трубку, заговорил:

– Что же касается идеи о нашем форпосте на Ближнем Востоке – не будем заниматься самообманом. Израиль хочет плясать под дудку американцев. И вот теперь, когда мы решительно отделяемся от Запада, когда мы боремся с преклонением перед иностранщиной, мы должны ясно понимать: центром этого поклонения у нас являются евреи. Здесь нас очень беспокоит Еврейский антифашистский комитет. Мижду нами говоря, Комитет был очень полезен во время войны, с этим никто не спорит. Мы помним, как они ездили в Америку – рассказывали американским евреям о зверствах немцев. Как выжимали деньги у прижимистых американцев, давили на открытие второго фронта. И мы им за это *были* благодарны... – (Как обычно, начал за здоровье!) – Но разве эти заслуги амнистируют нынешние преступления? Именно в этих поездках все члены Комитета подзабыли, что имеют дело с классовым врагом. Вовсю болтали с буржуазными деятелями. И стали сволочью, находкой для шпионов, «пятой колонной». Такова обычная диалектика соглашательства. Здесь предстоит работа товарищу Абакумову по выявлению сети этой шпионской группы, в которую давно превратился этот, с позволения сказать, «антифашистский Комитет». Также следует подумать о слишком тесных связях с Комитетом товарища Полины Жемчужиной...

Старая коммунистка, подпольщица, Полина фанатично любила «нашего Иосифа», как она нежно называла Кобу. Женой Молотова она стала уже в начале двадцатых. Помню, после очередного Надиного скандала с Кобой она сказала:

– Она не понимает, что рядом с нею – величайший из людей! – И взгляд Полины был мечтателен!

В те годы она еще была хороша – этакая страстная еврейка. Я пытался за ней ухаживать, но был отвергнут с презрением. Переспал ли с ней Коба? Никогда! Как Наполеон и восточные деспоты, он ненавидел умных женщин, выполняющих мужскую работу. Он презирал «баб», но спать мог только с «бабами». Хотя мы провозгласили равноправие женщин, страна осталась мужской. Как и при царе, женщин во власти не было. Полина одна из немногих была в конце тридцатых наркомом (рыбной промышленности). Конечно, это Коба приказал ей поработать в Еврейском Комитете, когда требовалось поднять на Западе авторитет Комитета. Но теперь она явно понадобилась для другого – начиналась охота на Молотова.

Берия это понял. А она?

Я не сомневался, что поход в синагогу являлся поручением Кобы. Он послал товарища Полину обольстить Голду. Но сейчас, когда шла расправа над евреями, неужели Полина не

понимала, что, возможно, ее посылают в западню? И подставляла она не только себя, но и мужа? Эта умнейшая женщина, пережившая террор, конечно же все понимала. Но все-таки пошла. Ведь так велел великий Коба, то есть партия. Что ей муж, сын, брат! Она выполняла партийное задание! Да, мы были особыми людьми. Непонятными для будущих поколений. И прав поэт: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей».

Впрочем, «мы» я сказать уже не мог. Я все менее относился к этим удивительным «гвоздям». Я все больше становился самым обычным *человеком. Или обывателем, как мы называли обычных людей.*

Рождение невиданной державы

Кажется, в это же время мой великий друг заботливо «вправил мозги» саттелитам – странам «народных демократий». Здесь тоже было общее правило: никакой инициативы без ведома Кобы. И горе ослушавшимся! Именно тогда Коба узнал, что вождь Югославии маршал Тито посмел сам придумать проект. Он решил создать Конфедерацию Югославии, Болгарии, Албании и Румынии. В дальнейшем включить туда Польшу, Чехословакию и даже капиталистическую Грецию.

Уже всюду шли переговоры Тито с Георгием Димитровым, назначенным Кобой править Болгарией! На озере Блед встречались их министры иностранных дел. И все это без разрешения Кобы!

Надо было видеть его ярость! В стаде появился наглый конь, который вознамерился увести из загона весь табун!

Немедленно были вызваны в Москву «болван Димитров и мерзавец Тито».

«Мерзавец Тито», сославшись на нездоровье, не приехал, прислал вместо себя руководителей страны номер два и три – Карделя и Джиласа. Совещание состоялось в кабинете Кобы в Кремле.

Я должен был записывать краткое содержание встречи.

В кабинете уже находились Димитров, два других болгарских руководителя – Колларов и Костов и югославские – Кардель и Джилас, когда туда вошел Коба в окружении соратников – Жданова, Маленкова и Молотова.

Присутствовавшие в кабинете дружно поздоровались. Коба не ответил. Промолчали и соратники.

Коба мрачно посмотрел на югославов, потом на болгар. Желтые глаза горели.

Так и не сказав «Здравствуйте», он свирепо набросился на Димитрова:

– Вы зарвались! Вы вместе с югославами придумали ничего не сообщать нам о своих делах! Вы тайком сговариваетесь. Неужели вы не понимаете, товарищ Димитров, что ведете себя, как молокосос, как... как жалкий мальчишка-комсомолец! Ну что общего между Болгарией и Румынией, какой у вас общий интерес? Какие у вас общие исторические корни?

«Жалкий мальчишка» Димитров от страха потерял дар речи.

– А вы что молчите?! Вы что можете сказать? – Коба набросился на Карделя.

Тот попытался ответить:

– Товарищ Тито послал меня сообщить вам, что никаких разногласий у нас с вами нет! Ни по какому вопросу. И если имеются у нас отдельные ошибки, можно их обсудить...

Но Коба оборвал его:

– Ерунда! Разногласия у нас с вами есть, и самые глубокие. И главное разногласие – в том, что все последнее время вы действуете, не советуясь. Вы – сами, зачем вам товарищ Сталин! Это у вас теперь принцип, а не ошибка! Передайте товарищу Тито: мы ждем его на сессию Коминформа. Пусть он выздоровеет наконец и послушает, что думают братские партии о нем и о его поведении!

Димитров, наконец, обрел дар речи и сказал примирительно:

– Благодарим вас за критику, товарищ Сталин. Да, вероятно, мы ошиблись, но мы учимся на своих ошибках.

– Учитесь, – зло усмехнулся Коба. – Пятьдесят лет вы занимаетесь политикой и все учитесь? И еще. Прекратите ваши комсомольские вылазки в Греции. Надо свернуть это нелепое, глупое восстание... – (В Греции коммунисты подняли восстание. Болгары и особенно Тито начали помогать им.)

– Но восстание развивается успешно. И если не будет иностранной интервенции... – начал Кардель.

– Если, если, – грубо прервал Коба. – Неужели не хватает мозгов понять, что США – самая мощная держава в мире, и вдвоем с Великобританией они не допустят разрыва своих транспортных артерий в Средиземном море, как бы этого ни хотелось товарищам Димитрову и Тито, у которых, как и у нас, нет флота, чтобы поддержать греков.

– Но мы подали записочку товарищу Молотову, и он нас поддержал, – заметил Кардель.

– Это правда? – спросил Коба.

Молотов печально наклонил голову. Коба зло посмотрел на него и закончил:

– Видите, и мы несвободны от глупости. Итак, с Грецией мы решили. И более никаких комсомольских наскоков! Помните: мы, ученики Ленина, часто расходились с ним, спорили, даже ссорились, но потом находили общую точку зрения и двигались дальше. Сегодня мы ее нашли! Подведем итоги. Мы – за федерацию Болгарии с Югославией. Но все это в будущем.

Коба, сидевший во главе стола, встал, показывая, что совещание закончено.

Все тоже поднялись.

Уходя, Кардель, видно, пытаясь изобразить покорность, угодливо спросил, какую позицию занять Югославии в ООН в связи с требованием Италии передать под ее опеку Сомали. Сообщил:

– Мы думаем выступить против, не надо потакать империалистич...

– Опять глупость, – прервал Коба. – Отдайте им то, что они просят. Итальянцы сейчас – жалкая слабая страна. И запомните: когда цари не могли договориться о добыче, они отдавали спорную территорию слабейшему феодалу, чтобы потом, в удобный момент, отнять ее у него. – И он в первый раз улыбнулся.

Югославы ушли, но Димитров задержался в кабинете. Он был явно испуган происшедшим, по лицу шли красные пятна, редкие волосы слиплись. Герой Лейпцигского процесса, когда-то не боявшийся биться с Герингом, выглядел жалко.

Он хотел что-то сказать, но не успел. Коба вновь набросился на него:

– Неужели вы не поняли! Мерзавец Тито попросту решил употребить вас, как публичную девку. Он решил присоединить вас всех к себе. И столкнуть нас с США и Англией из-за Греции. А вы... вы... – яростно махнул рукой.

Думаю, Димитров задержался, ожидая, что гостеприимный Коба, как обычно, пригласит его на дачу. Но Коба не пригласил.

И болгары покинули кабинет в смятении.

Когда гости разошлись, вошел Берия.

Коба походил, сделал мне знак перестать записывать.

Все сидели в молчании. Наконец Коба сказал:

– Итак, мы прекратим захват Греции, бросив кость Западу. За это они должны смолчать, пока будет осуществляться наш план в отношении стран народной демократии. План таков. Мы создадим конфедерации Венгрии и Румынии, которые примут решение о слиянии с Украинской республикой. Потом Чехословакия и Польша соединятся с нашей Белоруссией, а

федерация Югославии, Болгарии и Албании – с Российской Федерацией. СССР расширится на пол-Европы и будет готов к выполнению *главной миссии*. Все свободны.

Расходились потрясенными. Невиданная гигантская держава родилась в кабинете.

Оттого главную фразу: «СССР расширится и будет готов к выполнению *главной миссии*» – мне показалось, все пропустили. Но я ее запомнил.

В кабинете остались Берия, Коба и я.

– Этот комсомолец Димитров безнадежно глуп. Нужен другой человек в Софии, – сказал Коба.

– У него со здоровьем плохо, так что вопрос быстро решится, – заметил Берия. – В Белграде сложнее – у нас там никого. Он всех наших уже убрал.

– Мерзавец, конечно, не приедет на сессию. Так что думайте... *И решайте вопрос*. Возможно, Фудзи, ты примешь в этом участие.

Когда я уходил, Коба вдруг прыснул в усы:

– Что-то ты печальный, Фудзи? Говорят, у тебя был роман! Ай-ай, в твоём-то возрасте гулять, да еще от молодой жены. Ты не большевик, Фудзи, ты развратник.

Желтые глаза впилась в меня. Я выдержал.

Уходя, сказал:

– Ты совершенно прав, Коба. Последняя любовь... она от черта.

«Гвозди б делать из этих людей»

В ноябре, будучи в Лондоне, я прочел о закрытии Еврейского антифашистского комитета. Позднее – об аресте Полины Жемчужиной. Впоследствии следователь, допрашивавший Полину, рассказал мне, что она отрицала все: связь с Еврейским Комитетом, разговоры с Михоэлсом и даже самое очевидное – то, что она была в синагоге вместе с Голдой Меерсон. То, что видели все.

Следователь ее не понимал. Я понимал. Она не лгала. Она просто не могла объяснить, что все это велел ей делать мой друг Коба. То есть она была в этой самой синагоге как бы *субъективно – телом*. Но *объективно, партийной душой*, она там не присутствовала.

Полину выслали в Кустанай.

Она, конечно, сознавала, что Кустанай – это только начало крестного пути. Но до конца осталась настоящим партийцем. При мне впоследствии Берия сообщит Кобе, что Полина в Кустанае объявила следователю: «Я готова и *далее* выполнить любое поручение партии».

Поручение готовилось очень серьезное.

Ибо в марте 1949 года мир потрясла сенсация: мой старый знакомец, вернейший соратник Кобы Молотов потерял свой пост. Министром иностранных дел стал Вышинский.

Коба начал бить по штабам – по верхушке партии. С каждым днем разворачивалось *нечто* невероятное, грозное.

«Можно запускать людей»

Я был в кабинете Кобы, когда они вошли. Тяжело дышащий, вечно потный, со щеками, лежащими на плечах, – Маленков. И лощеный красавец – Абакумов.

Коба мрачно велел Маленкову:

– Докладывай. – И Абакумову: – А ты слушай.

Маленков доложил:

– Новая тюрьма на улице Матросская Тишина комиссией принята.

– Можно запускать людей, – усмехнулся Коба.

– Тюрьма рассчитана на сорок – пятьдесят человек, – добавил Маленков.

– Здесь только Политбюро поместится... Даже на ЦК мест не хватит, – отозвался Коба.

И, как всегда, было непонятно, шутит он или...

– Камеры очень просторные, – сказал Маленков.

– Может, перепутали – выстроили санаторий?

– Но это было ваше указание, товарищ Сталин.

Коба снова усмехнулся.

– Хорошо, что просторные, все-таки сидеть будут люди ответственные. Ты, Абакумов, посмотри, проверь условия... может, тебе самому там сидеть. Комнаты для следователей должны быть в самой тюрьме. Со всеми удобствами, чтобы могли допрашивать круглосуточно и было где отдохнуть. Запомните: тюрьма не подчиняется ни товарищу Берии, ни товарищу Абакумову! Это не в обиду ни тебе, Абакумов, ни Лаврентию. Это партийная тюрьма для высших руководителей. И должна находиться в ведении Генерального секретаря партии и Комитета партийного контроля. Связь – правительственная, с моим кабинетом. Дошло, Абакумов?

– Так точно, товарищ Сталин.

– А мне кажется, не совсем дошло. И я все хочу спросить тебя: «Ловишь ли ты мышей?»

– Точно так, товарищ Сталин, стараюсь.

– Все ли в порядке с маленькой территорией России, именуемой Грузией? – Так он любил теперь называть нашу Родину.

– Нет, товарищ Сталин, – ответил понятливый Абакумов.

– И я тоже так думаю. Что же там не в порядке, товарищ Абакумов?

– То, что вы уже заметили, а мы, глупые, – нет, – молодежато объявил Абакумов.

– А ты постарайся быть умным... и внимательно проверь засилье мингрелов в руководстве Грузии. Это наша давняя беда: мингрел товарищ Берия считает, что они – самая талантливая национальность в Грузии. Между нами говоря, по моим сведениям, среди них много националистов, мечтающих отделить родину товарища Сталина от СССР. Только ты не очень шуми, – продолжал Коба, – арестовывать надо тихо. Чтобы не обижать нашего Большого Мингрела. Он ведь тут ни при чем. И должен быть в хорошем настроении. Он нам бомбу делает.

И тогда я понял: пришел черед Мингрела... Ягода, Ежов, теперь Берия! И хитрец это почувствовал. Так вот почему он искал союза со мной!

Новые удары по штабам

В это время Коба стал особенно добр с Берией. Ибо Берии, как всем жертвам Кобы, предстояло хорошенько поработать до «ухода». Бухарин писал Конституцию, Радек – статьи против Троцкого, Тухачевский разрабатывал стратегию будущей войны и так далее. Коба всегда следил, чтобы сподвижники до конца раскрыли свои таланты... прежде чем исчезнуть!

Между тем прополка Власти шла вовсю! Разворачивалось новое великое истребление... Но зачем? Зачем?!

Кажется, в августе 1949 года случился первый массовый арест партийных вельмож.

В этот день Маленков принимал ленинградскую партийную делегацию. Я лично ареста не видел, но мне рассказал участник, полковник К-й.

«Мы должны были войти в кабинет, как только Маленков закончит читать обвинение. Была включена трансляция в приемную. Мы сидели в приемной, я и мои люди, все были в штатском. И вот мимо, не обращая на нас внимания, прошла в кабинет ленинградская делегация.

Они о чем-то весело разговаривали, хохотали. Возглавляли шествие секретарь ЦК Кузнецов и первый секретарь ленинградской партийной организации Попков. За ними шагала вся верхушка города – второй партийный секретарь Капустин, председатель горисполкома Лазутин и так далее... Замыкал шествие председатель Совета министров РСФСР Родионов.

Весельчаки вошли в кабинет и уселись. Маленков сказал: “Если кто хочет курить, пожалуйста. У меня в кабинете можно”.

Пока они закуривали, он нудно без выражения начал читать по бумажке: “Товарищ Сталин ознакомился с вашим предложением, товарищ Кузнецов, сделать Ленинград столицей РСФСР. Оно вызвало у него недоумение. (Тут, должно быть, они окаменели со своими сигаретами во рту.) У товарища Сталина возник вопрос: зачем это нужно и кому? Уж не собираетесь ли вы создать вторую столицу, чтобы отделиться от СССР, благо Финляндия совсем рядом? Или вы захотели противопоставить ленинградскую организацию остальной партии?”

“Но подождите, я обговаривал все это с товарищем Сталиным...” – начал растерянно Кузнецов.

“У вас будет много времени для объяснений, но не сейчас, не здесь и не со мной”, – прервал его Маленков. И все тем же нудным голосом продолжил читать обвинение в антипартийной и антигосударственной деятельности руководителей ленинградской партийной организации. Как только он закончил, в кабинет вошли мы. Вежливо предъявили каждому постановление об аресте. Когда мы их уводили, Маленков как-то брезгливо попросил “проветрить прокуренное помещение”». (Коба любил такие спектакли и такие символы.)

Всю группу, два десятка человек, отвезли на Лубянку. И эти люди, всего лишь пару часов назад всемогущие властители второй столицы, без ремней, со споротыми пуговицами, нелепо придерживая штаны, стояли перед следователями. В это время в колыбели нашей горькой Революции всю ночь шли аресты партийцев.

Далее Коба забросил новую петлю.

Откуда-то (все понимали откуда) появились слухи о том, что арестованные ленинградцы уже дали показания против второго наследника Кобы – Вознесенского. Этот друг Кузнецова, покровитель ленинградской парторганизации, «выдающийся экономист» (так назвал его Коба), обвинялся в том, что «сознательно занижал цифры пятилетнего плана и хитрил с партией». Были еще какие-то обвинения... Но они не имели значения. Все знали, что, если обвинить человека в том, будто он хотел отделить нашу Землю от Вселенной, он и в этом признается.

Однако пока Вознесенский оставался на свободе. Коба лишь снял его со всех постов. Теперь бывший заместитель Кобы в правительстве сидел на своей даче и ждал. Ждал, должно быть, сходя с ума от моментально наступившей вокруг абсолютной тишины. Мертво молчал телефон... Это был особый дачный поселок, жили здесь «руководящие кадры». Когда Вознесенский выходил на прогулку, местность вокруг тотчас становилась пустыней. «Руководящие кадры» поспешно исчезали. В чесучовом костюме, соломенной шляпе и белом плаще, озираясь по сторонам, он брел один по пустующей впереди дорожке. Никого – только луг и высокое небо. И он – зачумленный.

Но как-то в конце октября я приехал на Ближнюю дачу, на очередное застолье к Кобе. И не поверил глазам! За столом как ни в чем не бывало сидел... Вознесенский! Рядом с прежними друзьями – членами Политбюро. Здесь были Маленков, арестовавший его ленинградских друзей, Берия и Хрущев. Во главе стола – сам Коба. Все весело разговаривали. Добрый Коба даже произнес о нем наш грузинский тост, витиеватый, щедрый на похвалы. Вознесенский с криком «Алаверды» со слезами на глазах славил и благодарил Вождя.

Коба как-то по-отечески поинтересовался:

– Чем теперь занимаетесь, товарищ Вознесенский?

– Много гуляю и много работаю над книгой «Политическая экономия коммунизма».

– Успешно ли?

– Очень! Так хорошо пишется, – ответил счастливый Вознесенский.

– Значит, партийная критика пошла на пользу? – улыбнулся Коба.

Вознесенский опять расчувствовался – принялся благодарить «партию и лично товарища Сталина». Совсем счастливый, уехал на рассвете.

На следующий день, кажется, это было 27 октября, Вознесенского арестовали.

Он был отправлен в ту самую новую тюрьму Матросская Тишина, где уже сидел его друг Алексей Кузнецов.

Барс Коба играл с раненой дичью? Нет. Мой друг не был садистом. Ему и вправду трудно было расставаться с людьми, которых он ценил. Но как нас учили в семинарии: Авраам согласился отдать в жертву сына Исаака. И он оплакивал вчерашних сподвижников. Возможно, так же плачут крокодилы, заглатывая жертву. Самыми искренними слезами – вероятно, им и впрямь ее жалко.

Итак, к концу 1949 года они все пали... Пал Молотов, сидел дома – ждал неминуемого. В тюрьме Матросская Тишина сидели оба наследника Кобы в Правительстве и Партии. Они заняли камеры номер один и номер два. Вельможных постояльцев допрашивали особые следователи, подчинявшиеся только Комиссии партийного контроля. Доходили слухи, что допрашивают в новой тюрьме небывало свирепо.

Две камеры были заняты. Но я помнил слова Маленкова: тюрьма имеет полсотни

просторных камер. И опять вечный, проклятый, мучительный вопрос: зачем все это?! Я должен был понять, ибо от верного ответа зависела жизнь – моя и семьи.

Между тем «мерзавец Тито» оказался крепким орешком, он посмел окончательно уйти из табуна.

Югославия начала вести самостоятельную политику. С этой минуты в нашей печати югославское руководство стало именоваться не иначе как «Клика Тито». Эпитет столь крепко пристал, что многие (моя дочь, например) были уверены, будто «Клика» – имя зловредного Тито. Все диверсионные группы, засланные нами, провалились. Наши люди были беспощадно расстреляны. Тито с успехом закончил сталинские университеты. Это был первый удачный бунт в покорном загоне. Коба постарался, чтобы он стал последним. Димитров конечно же вскоре умер. Его торжественно похоронили в Мавзолее в Софии. Он лежал там, как Ильич, приговоренный Кобой к непогребению. Сподвижник и друг Димитрова Трайчо Костов будет расстрелян по обвинению в шпионаже. Коба постарался, чтобы в братских компартиях хорошо запомнили оплошность Димитрова.

Но Кобе фантастически повезло.

Потеряв Югославию, в 1949 году, накануне своего семидесятилетия, он получил небывалый подарок.

В октябре в Китае войска Мао Цзэдуна заняли Пекин. Была создана великая восточная держава коммунистов. Лагерь социализма достиг невиданных размеров, треть человечества шла за нами.

Счастливый Коба сказал мне:

– Американцы-засранцы позвали нас преподнести им на блюдечке Японию... Что сделал товарищ Сталин? Он согласился и помог американцам, разбил японцев в Манчжурии. Но, заняв Манчжурию, немедленно стал помогать китайским товарищам в их борьбе с Чан Кайши. И вот результат: товарищ Сталин прочно обосновался и в Азии. Они забыли, говнюки: если куда-нибудь впустить товарища Сталина, он уже оттуда никогда не уйдет. – И прыснул в усы.

Я должен был в это время выехать за границу, но Коба заставил отложить поездку. Дело в том, что к нашей границе приближался поезд вождя китайской Революции товарища Мао Дзэдуна.

Не прошло и двух месяцев со дня провозглашения Китайской Народной Республики, как Председатель Мао осуществил свой первый международный визит – отправился к нам, к старшему брату в Мекку Коммунизма.

Именно так должны вести себя верные вассалы в Азии – спешить на поклон к суверену.

В середине века готовилась Встреча Столетия.

Великий Мао

Как сообщали наши товарищи, спецпоезд Мао двигался в лучших традициях Кобы. Бесчисленные бойцы Народно-освободительной армии выстроились на всем протяжении пути до нашей границы.

Я застал Кобу за чтением докладной записки. Пока приближался китайский поезд, великий режиссер готовился к приезду вождя страны с самой большой в мире армией.

Он сидел в Малой столовой на турецком диване. На том самом диване, куда его положат, когда найдут без сознания на полу...

Некто Петр Парфенович, военный корреспондент ТАСС и конечно же наш сотрудник, много лет бывший в Китае рядом с Мао, написал подробную докладную о прибывавшем вожде. Дело в том, что отношения наши с Мао складывались непросто. Вначале Коба не верил ни в Мао, ни в победу китайских коммунистов, которых он презрительно именовал «комсомольцами». Мао знал и сердился...

– Вот видишь, – заговорил Коба, откладывая бумагу. – Наш китайский гость неоднократно заявлял, будто товарищ Сталин ничего не смыслит в китайских делах и болтает одни глупости. Когда Гитлер напал на нас, товарищ Мао сказал, что товарищ Сталин «наконец-то доболтался» и так далее... Хорошо это или плохо, Фудзи?

Я промолчал, ибо вопрос был чисто риторический. Просто Коба, как обычно, размышлял вслух.

– Это хорошо, очень хорошо. Он к нам приедет напряженным, виноватым и очень угодливым. С подписанием договора о дружбе, конечно, будет тянуть. Он называет американцев «бумажным тигром». Но, как пишет твой Петр Парфенович... – («мой», хотя я с ним даже не знаком!), – этот самый Мао не прочь с ними посотрудничать и потому боится, что договор с нами их окончательно оттолкнет...

Дальше в записке шел подробный рассказ о личной жизни «развратного китайца», у которого было четыре жены и который, как он сам говорил, «не может жить без женщины даже два дня».

Все это Коба прочел с усмешкой.

– Слаб по бабской части. Наши товарищи предлагают: у него будет прибираться корейночка... и ее сменщица китаянка. Пусть хорошо отдохнет. Ты организуешь, чтобы их ежедневные отчеты лежали у меня на столе. Кто-нибудь из его родственников сейчас у нас есть?

(До этого у нас жили его сыновья от второй жены, ее расстреляли гоминьдановцы на глазах этих двух сыновей... Один из них закончил у нас суворовское училище и воевал в нашей армии в Отечественную войну. В конце сороковых Мао забрал их к себе, но у нас сейчас лечилась от шизофрении брошенная им, израненная на гражданской войне третья жена. Его нынешняя четвертая жена была актриса. Китайский ЦК беспокоило ее бурное прошлое. Но Мао настоял на браке. Тоненькая фигурка, точеный носик, этаким ангелок с большим сладострастным ртом – так описывал ее наш агент.)

Поезд Мао на следующий день подошел к Ярославскому вокзалу ровно в полдень, под торжественный бой кремлевских курантов, раздававшийся из вокзальных репродукторов.

Коба отправил встречать Мао Молотова. Опальный Молотов с восторгом воспринял поручение.

Молотов – это знаменитое во всем мире имя. Так что, с одной стороны, – это проявление уважения к Мао. Но, с другой стороны, то, что Мао встречал потерявший свой пост Молотов, – это напоминание: ошибки Мао не забыты.

Молотов со свитой стоял на перроне. Я был среди свиты...

Чуть сзади замерли приветствующие Председателя Мао «представители общественности». Они держали в руках транспаранты: «Да здравствует великая дружба наших народов!», «Да здравствует Председатель Мао, любимый вождь китайского народа!».

Но из поезда никто не вышел. Наконец появился офицер и сообщил товарищу Молотову, что товарищ Мао ждет его в салон-вагоне.

Это был ответ Мао на отсутствие на вокзале Кобы и присутствие Молотова. Хотя, думаю, ему объяснили, что Сталин встречает и провожает гостей только в исключительных случаях. Но Мао, Председатель страны с самой большой в мире армией, считал себя как раз таким случаем...

Молотову пришлось подняться к нему в салон.

Как я узнал потом, Мао был само гостеприимство. Молотова угостили китайской едой. Там были такие сложные лакомства, как «ласточкино гнездо» и жареные воробьи, к которым Мао привык во время голодного великого похода. Молотов стоически ел, запивая китайской водкой.

Наконец Мао появился в дверях вагона и под громкие овации начал темпераментно читать пламенную речь на китайском. Переводчик не успевал переводить...

В конце, как и положено, общественность устроила «бурные аплодисменты, переходящие в овацию».

Мао повезли на Ближнюю дачу.

Я приехал туда следом в машине сопровождения.

На даче Мао отдохнул, поел нашей еды и познакомился с китаяночкой.

В 4 часа приехал Коба, и состоялась их первая встреча. Затем были переговоры в Большой столовой.

Мао вошел вразвалочку, невысокий, крепко сбитый, моложавый. Я хорошо помню его лицо. Азиатские скулы, толстый чувственный нос, гладко зачесанные, зализанные назад темные волосы и большие умные глаза.

Все, о чем говорили за столом и за обедом, официально не стенографировалось. Но Коба попросил меня запомнить и потом записать. Он любил порядок.

Вожди сели друг напротив друга, переводчик – в торце огромного стола. А я – в уголке около рояля «Стейнвей».

Оба сразу принялись играть свои роли. Коба умел, как никто, быть величественным. Мао, наоборот, держался, будто мальчик при Учителе.

Коба был молчалив, Мао говорлив – много рассказывал, шутил и сам же смеялся своим шуткам звонким юношеским смехом.

Великий Коба отгадал правильно. Мао начал угодливо:

– У меня просьба от имени нашего ЦК. Мы очень хотели бы получать указания лично от вас. Мы хотим, чтобы вы без всяких стеснений давали нам указания и нас критиковали, если что у нас будет не так.

Коба помолчал. Потом сказал:

– Мы очень благодарны вам за уважительное предложение. Но хотели бы вам советовать, а не указывать...

Однако Мао вежливо настаивал. После чего изложил планы знаменитого Большого скачка китайского народа из нынешнего феодализма в индустриализацию:

– Китайский народ не боится жертв на пути к светлому будущему. Мы введем истинный военный Коммунизм. Крестьяне, к примеру, разрушат свои дома и построят огромные общежития, где станут жить все вместе. Постепенно у людей останется одна личная собственность – зубная щетка. Детей будут отдавать на воспитание Коммуне. И, так как все поселится в одном месте, сбор на работу будет занимать не более десяти минут. Крестьяне пойдут на поля с развернутыми знаменами, вооруженные ружьями, солдатским шагом. И во время работы они не станут покуривать или празднично болтать. Ведь появится армейская дисциплина. Они будут сражаться за рекордную производительность труда... Это – победоносные трудовые армии, работающие по двадцать четыре часа. Грандиозное сражение муравьев, решивших сдвинуть гору! Нужны великие жертвы для великой Победы... – Он весело, победоносно взглянул на Кобу.

Принесли закуски и вино. Был объявлен перерыв.

Мао пошел в уборную, Коба долго молчал. Я понимал, о чем он думает. О мечте Троцкого создать трудовые армии. И о строчке из докладной записки: «Мао – истинный, отъявленный неотроцкист».

А я... я вспоминал ту самую книжку, найденную за комодом. И то, как герои «Бесов» обсуждали, сколько миллионов придется положить, чтобы перепрыгнуть сразу в светлое будущее. Впоследствии я вычитал в какой-то немецкой книге, как немецкий историк с дотошной пунктуальностью подсчитывал, сколько человек истребили диктаторы в двадцатом веке.

Коба находился на первом месте – сорок два миллиона шестьсот семьдесят две тысячи убитых, но Мао занял почетное второе место – тридцать семь миллионов восемьсот двадцать восемь тысяч, отодвинув Гитлера на третье – двадцать миллионов девятьсот сорок шесть тысяч.

Но это потом...

А тогда Коба посмотрел на меня с усмешкой и сказал:

– Ты опять забыл главное: «Что дозволено Юпитеру...» Когда Мао был жалким «быком», он был троцкистом. Сегодня он вождь великой страны и потому – верный ленинец. Запомни это раз и навсегда, глупец... Слепым котяткам, которые придут править после моей смерти, будет нелегко. Как говорил Наполеон: «Китай спит. Пусть спит. Горе нам, если он проснется». Думаю, товарищ Мао его разбудит. И неизбежно спровоцирует столкновение с нами... чтобы стать вождем коммунистического мира... Уясни: самые свирепые войны будут происходить между коммунистическими державами.

Далее начались переговоры о подписании договора.

Мао тянул, выпрашивая участия Кобы в военных операциях. Он попросил Кобу присоединиться к захвату Тайваня. Коба сказал, что готов обдумать формы «помощи» – направлять военных инструкторов, поставлять самолеты и танки. Но ни в коем случае не участвовать прямо.

Переговоры шли месяцы и закончились, как хотел Коба, подписанием «Договора о

дружбе и сотрудничестве».

После победы в Китае завоевание Азии продолжится. Вскоре при помощи китайских войск (и нашей техники) на карте мира появится еще одна коммунистическая держава – Северная Корея. Помню фразу Кобы: «Созданный товарищем Сталиным лагерь социализма обладает теперь бесчисленными человеческими ресурсами. Знаешь, что сказал бы товарищ Ленин? “*Великая мечта становится явью!*”»

Накануне величайшего юбилея

Аресты обоих «наследников» прошли незаметно. Они совершенно потонули в новой оглушительной кампании, охватившей страну. Коба рассчитал даже это. Страна готовилась к семидесятилетию Вождя. «Навстречу великому юбилею» – таков был главный лозунг каждого дня.

Я опять много работал за границей. И каждый раз, возвращаясь в столицу, наблюдал страдания соратников. Они безнадежно мучились, тщетно пытаясь придумать, как же отметить Величайший Юбилей. И, главное, что присвоить Вождю...

К их сожалению, в 1945 году, после великой победы, они уже присвоили ему все возможное: и высший орден Победы, и довольно экзотическое для революционера звание – генералиссимус. Он при мне часто ворчал: «Вот, дослужился до глупого звания... Звучит дико... Зачем оно нужно товарищу Сталину?! Чан Кайши – генералиссимус, Франко – генералиссимус. В хорошую компанию они засунули товарища Сталина».

Здесь полагалось возражать: «Но и величайший русский полководец Суворов носил это звание!»

Он только рукой махал – отстань! Но махал... удовлетворенно.

И вот теперь требовалось придумать что-то новенькое, этакий сверхтитул! Но какой конкретно? Не знали! Совещания соратников шли каждый день. И – ничего! Между тем Юбилей был все ближе и ближе, и напряжение нарастало.

Коба сам, как мог, помогал им.

Помню, застал его за работой – просматривал и утверждал газетные эпитеты к имени товарища Сталина.

– Ну что, Фудзи, товарищи предлагают: «Вождь и Учитель», «Корифей науки и техники», «Величайший гений всех времен и народов»... Разрешим?

– Справедливые слова. Я думаю, разрешим, Коба.

– Ну что ж, разрешим. А вот кинорежиссер товарищ Довженко предлагает свой – «Солнце нашей планеты». Он человек с большим воображением, хотя в душе ярый националист. – Повторил: – Сталин – солнце нашей планеты. Думаю, разрешим, но не для ежедневного использования. Для постоянного пользования сойдет «Лучший друг»... «Лучший друг» – это по-семейному, это мы оставим.

Занимался он подолгу и фильмами о себе.

Помню, как Берия привез к нему режиссера Чиаурели.

В эти годы режиссер снял два «шедевра советского киноискусства», как назвал их Коба, и вслед за ним – все наши газеты. Чиаурели получил несколько Сталинских премий первой степени. Но, по справедливости, Коба должен был получить их вместе с ним.

– В чем недостатки вашего сценария? – спрашивал его Коба, впервые прочитав сценарий фильма «Клятва». – Он не стал возвышенным, остался бытовым. Мы с Фудзи учились в духовной семинарии и хорошо помним возвышенные тексты старой религии – тексты Евангелия. Мы создаем, товарищ Чиаурели, новое общество с новой религией свободных людей. Наша религия – марксизм-ленинизм. Именно потому ваш фильм – не просто клятва товарища Сталина над гробом товарища Ленина. В новой религии товарищ Ленин – кто? – Его толстый палец навис над лицом испуганно молчавшего Чиаурели. – Кто? – грозно переспросил Коба.

– Товарищ Ленин – это... товарищ Ульянов, – бессмысленно ответил Чиаурели.

– В новой религии мирового пролетариата товарищ Ленин исполняет роль евангельского Иоанна Предтечи, тогда товарищ Сталин – кто?

Чиаурели совсем потерялся.

– Конечно же, Мессия – скажем мы вместе с Фудзи. Это клятва Мессии исполнять заветы Иоанна Предтечи. Вот о чем должны быть сценарий и фильм! Читайте Библию, не стесняйтесь, мы вам советуем вместе с Фудзи. И, строя свою новую *истинную* религию, мы, товарищ Чиаурели, учимся... понемногу учимся... у старой. Я слышал, много ебетесь... Когда иконописцы писали икону, они соблюдали строгий пост. Вы создаете новую икону, товарищ Чиаурели, и должны жить в этот период соответственно. Не уподобляйтесь вашему другу Лаврентию. У вас должны быть сейчас только высокие мысли.

И в другой раз (Чиаурели снимал тогда фильм «Падение Берлина») Коба при мне строго поинтересовался:

– Вы приехали в Москву вместе с женой?

Веселый грузин, ставший к тому времени его любимцем, забыл про иконописцев и игриво сострил:

– Зачем ехать в Тулу со своим самоваром?

Целый месяц Коба не пускал его на порог. Наконец простил.

– Иосиф Виссарионович, больше ни одной, клянусь. Как иконописец буду! – И постарался побыстрее уйти от опасного сюжета: – Как вам Геловани? – (Актер, игравший Сталина в его фильмах.) – По-моему, неплох? – быстро, весело говорил Чиаурели.

– Товарищ Геловани создает обаятельный образ товарища Сталина, – ответил Коба, – но конец сценария слишком бытовой. В конце фильма нужен апофеоз! К примеру, товарищ Сталин должен приезжать в поверженный Берлин. Как вы думаете, на чем ему прибыть?

– Я думаю, на поезде, – ответил Чиаурели, зная о страхе Кобы перед полетами.

– На самолете, – с усмешкой сказал Коба. – Он спускается как бы с небес, в ослепительно белом кителе... Между нами говоря, товарищ Чиаурели, у людей должны возникнуть ассоциации с образом ангела, сходящего с небес. Никогда не уставайте мыслить возвышенно. Для этого окончательно забудьте свои похотливые привычки. Итак, товарищ Сталин сходит с самолета. Огромная толпа. Представители всех народов, спасенных товарищем Сталиным от фашистской чумы, ждут Вождя мирового пролетариата у трапа. И когда он появляется, они все вместе славят товарища Сталина. Записывайте, товарищ Чиаурели... – И он начал диктовать: – «Возникает мощное «ура». Иностранцы, каждый на своем языке, приветствуют товарища Сталина. Гремит песня, что-то вроде «За вами к светлым временам идем путем побед...».

– С великим размахом придумано, товарищ Сталин, – искренне оценил Чиаурели.

Еще бы! Коба умел приподнять жалкий сюжет. Все языки славили в фильме нового Мессию – Спасителя от фашизма. Вот что продиктовал бывший ученик духовной семинарии. Куда бедным бескрылым сподвижникам! Не угнаться им за моим великим другом, выдумщиком Кобой, основателем нового религиозного учения, которое я называю «азиатский марксизм-ленинизм».

Но юбилей все близился. Соратники исходили в бесплодных муках. От отчаяния позвали меня. Оказалось, Маленков придумал создать орден Сталина. Но не знал, где его следует

носить. Пригласил обсудить этот вопрос Берию, Хрущева и меня.

Хрущев начал первым:

– Идея неплохая. Но беда в том, что носить-то его придется за орденом Ленина.

– Ну тогда зачем он нужен? – вздохнул Маленков.

– К сожалению, нельзя иначе. Ведь величайший гений всех времен и народов Иосиф

Виссарионович – все-таки продолжатель дела Ленина. Если мы поменяем ордена местами, Хозяин по головке нас не погладит, – сказал Хрущев.

Берия загадочно молчал.

Маленков обратился ко мне:

– Ну что скажешь, товарищ Фудзи?

Я промямлил, что в этом мало понимаю.

Наконец Берия мудро высказался:

– По-моему, продолжим думать.

Но Маленков решил попробовать, и мне предложили отвезти проект ордена Кобе.

Надо было видеть усмешку, с которой Коба читал устав и описание ордена. Прочел и молча разорвал. Вызвал Маленкова.

Когда тот вошел в кабинет, Коба без приветствия мрачно велел:

– Прибери с пола свою глупость.

Жирный Маленков с выпадавшим животом встал на колени и собрал обрывки.

После мучительных раздумий соратники предложили учредить Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами».

С этой наградой Коба, к моему удивлению, согласился. Но, когда счастливый Маленков ушел, заметил:

– Мир для коммунистов – это гибель империалистов. – И добавил: – Менять их надо всех. Не ловят мышей.

И, по-моему, тогда же в 1949 году сподвижники предложили поставить новый памятник Великому Вождю.

– Интересная мысль... и, главное, новая, – усмехнулся Коба. – Уже стоят, их тысячи. И что же предлагаете? Тысяча первый?

– Но это будет памятник в Москве, на Красной площади, – отважно возразил Маленков.

– Ну зачем же портить площадь? Там парады проводим, станет мешаться под ногами... Солдаты чертыхаться будут.

Соратники молчали.

– Ничего вы не понимаете, – отмахнулся Коба. – Идите. Я сам поработаю над этой идеей. У вас нет воображения. Ты, Лаврентий, останься. И ты, Фудзи.

Когда они ушли, он сказал:

– Памятник Сталину – это неплохо... Если... – Его толстый палец уперся мне в нос. – Если это будет самый большой памятник в мире. Новый Родосский колосс – новое чудо света... Его надо поставить на другом чуде света – на будущем ВолгоДонском канале. Строительство канала мы начнем и закончим в невиданные, ударные сроки. Обещаешь, Лаврентий?

И Берия кивнул:

– Построим досрочно, Иосиф Виссарионович, к пятьдесят второму году.

Это означало очередную придуманную им невиданную фараонову стройку.

Канал предполагалось создавать силами моих вчерашних коллег – заключенных. В тридцатых тысячами они умирали на стройках Беломорско-Балтийского канала. В нынешние, голодные послевоенные годы станут гибнуть десятками тысяч. Но только им под силу небывалые проекты Кобы...

– Это должен быть памятник, – продолжал Коба, – победе человеческой воли над Природой. Природа, к примеру, обрекла на вечную засуху плодороднейшую Ростовскую область. Но большевики победили природу.

И он сам утвердил при мне размер канала – 101 километр. Плюс длину трех распределительных каналов. После чего перешел к собственному скульптурному воплощению.

Ходил, попыхивая трубкой.

– Статуя высотой двадцать четыре метра, пьедестал – метров двадцать. И установить на высоком холме. Товарищ Сталин глядит в бескрайние дали построенных каналов, глядит в будущее... И уже видит он то, что предрекал наш советский поэт: «Только советская нация будет, и только советской нации люди». Вот что он видит...

Когда ушел Берия, он сказал:

– Эти глупцы всерьез думают, что мне нужны все эти побрякушки славы. Они не понимают задачу. Запиши в своих паскудных «Записках»: я всего лишь Иосиф Джугашвили, скромный партиец. Но я служу Вождю народов товарищу Сталину. Служу ему честно. – И впервые произнес страшное: – Возможно, ему, товарищу Сталину, суждено вести народы на решительный и воистину последний бой. Вот для чего нужен грандиозный юбилей товарища Сталина, вот для чего необходим образ величайшего Вождя народов... А Иосифу Джугашвили ничего не нужно... Ему хватает пары дырявых валенок, в которых он ходит по этой жалкой даче.

Ошибка агента

Вскоре я уехал в Лондон на очередную встречу с нашим атомным источником Чарльзом. По сведениям, полученным от людей из Кембриджа, вокруг него началась какая-то опасная возня. И мы решили вывезти его в Союз.

Странное дело: Коба, болезненно интересовавшийся всем, что касалось атомной бомбы, на этот раз был безразличен к судьбе ценнейшего агента.

Прощаясь, сказал загадочно:

– Постарайся благополучно вернуться, Фудзи. Тебя ждет большая новость и награда. Жаль будет, если ты ее не получишь.

Я хочу напомнить: агент по кличке Чарльз (физик Ф.) первым сообщил нам о работах союзников над атомной бомбой. В последнее время, находясь в Лос-Аламосе, он был очень активен и полезен. Он инициировал серьезные разногласия между американскими физиками по вопросам совершенствования атомного оружия и создания водородной бомбы. В результате многие ученые вместе с Чарльзом выступили против разработки «сверхбомбы», что сдерживало работы. Продолжая нагнетать обстановку, Чарльз в знак протеста против этих исследований отказался работать в Лос-Аламосе и возвратился в Англию. Но продолжил снабжать нас важной информацией о создании водородной бомбы.

Обычно я встречался с Чарльзом в Лондоне. Каждая встреча тщательно готовилась и длилась не более получаса.

Причем беседовал с ним не я, а наш резидент. Он передавал Чарльзу мои вопросы.

Я в это время сидел в кафе напротив – очень удобная точка, чтобы вести наружное наблюдение за его домом.

В этот приезд я, как всегда, находился в кафе, пока они беседовали, когда по улице прошла импозантная лондонская старушка. Прошла мимо дома Чарльза. Старушка как старушка. Но сработало десятое чувство, которое есть у каждого разведчика. Я засек ее быстрый, цепкий взгляд на машины, припаркованные у кафе.

Вечером попросил резидента расспросить Чарльза обо всех событиях, произошедших с ним за последние дни. Чарльз был по-немецки пунктуален и изложил все подробно. Каков же был мой ужас, когда я узнал: накануне моего приезда он, заполняя очередную анкету, сообщил, что его отец, живший в ГДР, переехал в другой город.

Я тотчас выяснил, что отец не просто переехал в другой город. Он получил новую, весьма высокую должность в университете. Это могла выяснить и британская разведка. И тогда у них должен был возникнуть понятный вопрос: как при сыне, живущем во враждебной стране, отец получил такую должность в ГДР?

Когда наш резидент вышел из дома и направился по улице, один из посетителей кафе встал и последовал за ними. Я понял: Чарльзу крышка.

Но нечего было и думать, чтоб вывезти Чарльза. Дом плотно охранялся, и Чарльза весьма обстоятельно пасли. Арестовали его через несколько месяцев. Он получил четырнадцать лет, но никого не выдал.

Его мы вывезти не смогли, хотя спасли тогда многих. Весной 1951 года американские специалисты по дешифровке вышли на след Берджеса и другого нашего агента из

кембриджской пятерки – Маклина. Но мы все организовали, Маклин и Берджес уже в мае ускользнули во Францию. Оттуда мы перевезли их к нам. Однако это не принесло им счастья. Оказалось, что у нас их ждало самое жестокое наказание.

Как-то, идя по коридору Лубянки, я увидел старика, лицо которого показалось мне знакомым. Старик остановился. Остановился и сопровождавший его.

– Я вас узнал. А вы меня – нет, – сказал он по-английски.

– Боже мой! Берджес!

Но как постарел, руки трясутся...

– Изменился? Ты тоже, князь. – (Он до смерти был уверен, что я настоящий князь Д.) –

Что делать, «быстро стареют в страданиях для смерти рожденные люди».

Только теперь я заметил, что он был пьян. Он сообщил, как-то истерически смеясь:

– А я вот пришел по делу. Не могу жить у вас больше! Ни виски, ни приличных галстуков. Я не говорю уже о сигарах, обуви и мальчиках. Там, конечно, капиталистический ад, но я великий грешник, и, видно, мое место в аду. Я готов отправиться в английскую тюрьму. Пусть тюрьма, но английская. Помните, вы просили меня соблазнить Клариссу Черчилль? Я до сих пор ненавижу дам. Но сейчас готов сделать даже это, только бы быть там. – И добавил шепотом: – Я подал прошение с просьбой выпустить меня. Помогите мне, князь, я умираю.

Сопровождающий тронул его за плечо.

Он вздохнул:

– Прощайте, князь.

Ему отказали. Больше я его не видел. Говорили, что он смертно пил, стараясь побыстрее разрушить себя алкоголем. Почти не ел, выкуривал полсотни сигарет в день, заливая их армянским коньяком. Но смерть не торопилась. Умер он уже после того, как я покинул страну.

А я вот живу до сих пор.

Великий час

Когда я вернулся в Союз, с аэродрома меня привезли в Кремль. И сразу повели в просмотровый зал.

Там уже сидели Коба и Берия. Я сообщил о Чарльзе, но Коба досадливо отмахнулся. Через несколько минут я понял, почему его перестал интересовать наш несчастный агент.

– Начинайте, – приказал он.

Начался фильм. Это были съемки... рождения нашей атомной бомбы! Гигантский гриб вырастал над землей. Он становился солнцем. Таким же беспощадным рукотворным солнцем, как то, что опустилось на Хиросиму... Мы видели его сейчас воочию!

Экран погас. Все молчали.

Наконец заговорил Берия.

– Рассказывают, Иосиф Виссарионович, на полигоне свечение было такое, что люди слепли. Будто тысячи солнц.

– Вот что придумали яйцеголовые, – усмехнулся Коба.

Я сидел и гордился собой. Мировая война становилась невозможной. Теперь она означала уничтожение человечества. Солдаты, бегущие в атаку, танки, артиллерия, солдатские подвиги – все, что люди пережили дважды за какие-то три десятка лет, навсегда отодвигалось в историю. Человечество дошло до предела. И я поучаствовал в создании этого предела.

Коба внимательно смотрел на меня. Читал мысли? Насмешливо обратился к Берии:

– Ну, порадуй нас, Лаврентий.

– Следующий этап – атомная бомба собственной конструкции. Она будет намного мощнее этой. И третий этап... Главный! Это бомба разрушительной силы, во множество раз превышающей силу атомной. Миллиард солнц. Водородная... Американцы, конечно, тоже над ней работают, но у нас она появится раньше.

– «Раньше» – это расплывчато. Когда?

– Если все пойдет по плану... в пятьдесят третьем году, Иосиф Виссарионович.

Коба заходил по кабинету, бормоча свою вечную присказку:

– Великая мечта... – Потом сказал: – Яйцеголовые – всего лишь обычные люди. С жалкими людскими слабостями. И, чтобы их рвение не иссякло потом, надо хорошо наградить их сейчас. – (Отдадим должное моему другу – награждать, как и убивать, он умел. Тут он был щедр, как подобает восточному царю.) – Итак: Сталинские премии первой степени, чтоб у них было побольше «бумажек»... – (Так он любил называть деньги). – К «бумажкам» добавим почет. Главным создателям в добавку к премии дадим Героя Социалистического Труда. – Еще походил. – Пожалуй, отметим этих главных работников и легковыми автомобилями «Победа». Пусть ездят на работу в личном транспорте... И дадим хорошие дачи под Москвой. Пусть отдыхают... И пусть их дети поступают вне конкурсов в высшие учебные заведения. – Он продолжал ходить, стараясь придумать еще что-то. И придумал! – Дадим право бесплатного проезда на всех видах транспорта на всей территории СССР! Пусть ездят на отдых бесплатно на чем хотят!

Но о главной награде благодарные ученые так никогда и не узнали...

В это время, как я уже говорил, всю развернулась антисемитская истерия. Среди создателей атомной бомбы было множество евреев...

Прощаясь с Берией, благодарный Коба наказал строго:

– Этих евреев не трогать. Скажи Абакумову – не дай Бог, если его люди тронут, хотя бы по ошибке. Ответят головой! Это – драгоценные евреи. Осыпай их золотом, давай им все, страшай их, но помни: водородная бомба должна быть у нас первых... А теперь главное, Лаврентий: это наше испытание – секрет. Причем полнейший секрет. Секрет, я сказал бы, номер один. Никакой утечки информации.

Наградил щедрый Коба и меня:

– Поздравляю тебя, Фудзи, ты у нас тоже – герой и будешь ездить на собственном автомобиле.

Я ехал домой. Ужас – вот что я испытывал! Все мои горделивые мысли пошли прахом. Значит, это только начало – впереди новая бомба. Впереди ужасающая гонка бомб. И я никак не мог понять решения Кобы сделать нашу бомбу секретом. Если он хотел унять американские амбиции, если всерьез опасался американской бомбы, следовало, наоборот, немедленно объявить о нашей. И мне пришлось впервые понять: Коба не боялся американской бомбы. Но тогда?..

В Кремле Коба лично вручал награды ученым.

Счастливые, осыпанные почестями и деньгами, они почти одинаково благодарили «партию и правительство и лично лучшего друга советских ученых, корифея науки и техники товарища Сталина за высочайшую оценку их скромного труда» и «заверяли», что «отдадут все силы на укрепление мощи и безопасности нашей великой Родины».

Теми же словами поблагодарил и я.

Когда церемония закончилась, он сказал мне:

– Ты теперь, Фудзи, у нас богач, с тебя причитается! Угостишь нас с Лаврентием, бедных грузин? И, если не возражаешь, позовем обмыть твою награду и других членов Политбюро. Пусть порадуются за тебя, Героя труда и моего товарища Фудзи.

Он посадил меня в свою машину, кортеж направился на улицу Горького к знаменитому Елисеевскому гастроному.

(На Ближней был целый погреб грузинских вин, но ему нравилось, что мы, как обычные советские люди, заезжаем за вином в гастроном. Правда, улица Горького выглядела необычно. Точнее, обычно, как и должна выглядеть улица, на которой появлялся Коба. Она стала пустыней. На каждом шагу – милиция.)

Мы вошли в Елисеевский. Магазин-дворец был пуст. Все отделы закрыты, работал только нужный нам винный.

Я купил красное сухое Мукузани, белое Цинандали и любимое Кобой Киндзмараули – по четыре бутылки.

И мы отправились на Ближнюю. За нами ехала машина Берии.

Ужин проходил, как всегда, в Большой столовой. И гости были все те же, теперь постоянные – Маленков, Берия, Хрущев и военный министр Булганин. Но к ним прибавился редкий нынче гость – Молотов.

Еще до ареста Жемчужиной Коба перестал звать его на дачу, но тот время от времени звонил сам, напрашивался. Коба разрешал, и Молотов приходил. И сейчас он сидел унылый, понурый, этаким брошенный верный пес.

Как обычно, комендант дачи Орлов и его помощник Лозгачев на маленьких столиках на колесиках привезли закуски и молодое вино маджари. Поставили на стол и мои бутылки. И обязательные при застольях у Кобы сациви, лобио, мясные салаты, телячьи языки, миски с красной и черной икрой, белую и красную рыбу. Оставив на маленьком столике чистые тарелки и драгоценные хрустальные фужеры, удалились. В гостях у Кобы было принято самообслуживание – чтобы обслуга не слышала разговоры.

Коба был гостеприимен и шутлив:

– По случаю великого события сегодня нас всех угощает новый Герой Социалистического Труда товарищ Фудзи, – объявил он. – Пейте, дорогие товарищи, не стесняйтесь, опьянеть не бойтесь. Опьянеть боится только враг. А вы остерегайтесь пьянеть, если находитесь в гостях у врага. И кушайте вволю, вас здесь *теперь* не отравят, – усмехнулся Коба, – у нас *теперь* безопасно... как написано на бумажках, приложенных к вашим блюдам.

Действительно, рядом с каждым поставленным блюдом лежал какой-то листок. Я с изумлением прочитал: «Отравляющих веществ не обнаружено». И подпись личного врача Кобы академика Виноградова со всеми титулами.

– Видите – не обнаружено, – засмеялся Коба.

Все знали о секретной Лаборатории X. И все понимали, что эта надпись неспроста, что, вполне возможно, кто-то сейчас получит подарок от Лаборатории... Но гости были закаленные, выслушали Кобу с непроницаемыми лицами. Начали есть и постепенно успокоились. Пошли тосты.

Первый произнес Берия – «За великого товарища Сталина, отца атомной бомбы».

Второй тост был такой же, но его доверили мне.

И тогда Коба сказал:

– Между нами говоря, мне показалось, что у нашего Фудзи душа ушла в пятки, когда он увидел испытание.

– Напротив, Коба. Я был рад. Я подумал, что такое оружие просто исключает будущие войны.

– Может ли такое говорить марксист? Войн не будет только тогда, когда на всей земле установится диктатура пролетариата... Возражай, не бойся. Итак, товарищ Фудзи хочет возразить своему старому другу товарищу Сталину?

– Но теперь мировая война – это гибель человечества, Коба.

– Кто может ответить товарищу Фудзи?

– Он не прав, – поспешил Хрущев.

– Да нет, Никита, Фудзи, друг моего детства, прав. Совершенно прав. Если... – Коба поучительно поднял толстый палец, – не будет использован фактор внезапности. В будущей войне он становится решающим. Хотя, между нами говоря, и в этом случае уцелеет лишь половина человечества. Но если ею окажется прогрессивная половина, это и станет – чем? Концом всех войн! Трусливым капитулянтам это рассуждение, конечно, не по душе. Но подлинным революционерам-ленинцам...

Он замолчал. И тут я вспомнил его любимую постоянную присказку – о Великой мечте! Неужто это и есть... мечта? Кажется, и соратники поняли, о чем сейчас сказал Коба.

Он пристально глядел на гостей.

Тотчас пошли торопливые тосты – за мудрость Кобы, за нашу армию – самую сильную в мире...

Но после каждого тоста произносившего ждал сюрприз. Булганин, поднявшись, снял

очки, и во время его тоста затейник Берия ловко подложил их ему под зад. Все хохотали, включая вмиг ослепшего Булганина. Мне даже показалось, что он снял их нарочно. Во всяком случае, вскоре у него на носу оказались... запасные очки! Маленкову, пока он говорил свой тост, подсыпали сахар в вазочку с любимой им икрой. И так далее...

Когда съели закуски, Коба по домофону приказал:

– Новые тарелки.

Опять вошли комендант Орлов с помощником Лозгачевым. Они молча взяли скатерть за края, подняли вместе с посудой, встряхнули и быстро свернули кульком. Весело зазвенел битый драгоценный хрусталь, мешаясь с остатками еды.

Вскоре на столе вместе с новой скатертью и новыми приборами появились горячие блюда.

– Кстати, Вячеслав, – вдруг как-то дружески обратился Коба к молчавшему Молотову, – я ведь тебя не звал, но рад, что ты сам захотел прийти. Ну, раз пришел, просвети нас, Вячеслав, чей ты шпион? Английский, американский, сионистский или гитлеровский... или все вместе? Сам расскажи нам, чтобы товарищу Абакумову не понадобилось помогать тебе вспоминать... Шучу.

Все рассмеялись. Молотову тоже пришлось засмеяться.

После чего бесконечные тосты и славословия продолжились. Но после очередного выступления Коба вновь повернулся к Молотову:

– А знаете, Вячеслав после разоблачения жены написал мне письмо. Хоть он и шпион, но письмо написал хорошее, отдадим ему должное.

Молотов побледнел.

– Письмо личное, – продолжал Коба, – но какие могут быть секреты от друзей, членов Политбюро. Да и сам пришел, думаю, для этого. Расскажи его вслух нам, твоим друзьям, ты ведь его помнишь?

В первый раз я увидел, как сверкнули яростью глаза Молотова и... тотчас погасли. Как у меня... тогда.

Молотов встал и монотонно, на память начал читать свое письмо:

– «Дорогой товарищ Сталин! При голосовании в ЦК по предложению об исключении из партии моей жены П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически неверным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, я признаю свою тяжелую вину в том, что вовремя не удержал близкого мне человека от ложных шагов и связей с антисоветскими националистами вроде Михоэlsa...»

– Хорошо пишет, жаль, что шпион, – все так же ласково сказал Коба. – Ну садись, дорогой.

Молотов сел и тотчас вскочил. Оказалось, Берия ловко подложил ему под задницу помидор. Все долго смеялись.

(Я знаю, я к нему несправедлив, я всегда не любил его... Но в тот момент мне было его мучительно жалко, и я не смеялся. Коба тоже не смеялся, он молча наблюдал за унижением верного пса.)

Застолье кончилось, как всегда, в четвертом часу утра. Он разрешил нам отправиться спать.

«Вокруг одни шпионы»

Но скрыть бомбу конечно же не удалось. Президент США Трумэн выступил с заявлением о ее испытании в СССР. В Америке быстро выяснили, откуда она у нас...

И началось! Запросы Трумэну в Конгрессе о беспрецедентном русском шпионаже! Сменили руководство спецслужб. В считанные месяцы арестовали десятки наших агентов. Все руководители компартии плюс ценнейшие наши агенты – Рулевой, Шаман и Либерал, работавшие не ради денег, но ради Маркса, – отправились в тюрьму.

Все кончилось шпиономанией, неистовством Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности...

Как обычно бывает, во время безумия погибли наименее причастные. Юлиус Розенберг и его жена Этель расплатились жизнью. Могу с полным знанием дела заявить: они не имели прямого отношения к бомбе. Розенберг действительно завербовал родственника жены, участвовавшего в атомном проекте. Но помощь того была мизерной. Помню, как сообщил Кобе о готовящейся казни Розенбергов, о заключении в тюрьму Чарльза.

Он в ответ:

– Надеюсь, он сидит не в нашей тюрьме? Говорят, у империалистов сидеть намного лучше. – (Про Розенбергов ни слова.)

Кстати, Чарльз просидел всего девять лет. Этот идеалист до смерти был уверен, что он в одиночку спас мир от войны. Не знал, что вместе с ним работали и другие. Нам потом удалось благополучно вывезти почти всех. Их, правда, ждало то же наказание, что и Берджеса. Им пришлось понять, как далека от их представлений страна, где им надлежало доживать свою жизнь.

Но это все было потом. А тогда, прочитав выступление Трумэна, Коба пришел в ярость.

– Шпионы! – орал он на Берия. – Вокруг одни шпионы!

Желтые глаза пылали. Но Берия молчал. Хотя он отлично знал (как знал и я), что шпионы здесь ни при чем. Американцы узнали о нашем испытании из анализа атмосферных проб, взятых американскими самолетами.

Когда Берия ушел, я сказал об этом Кобе.

Он мрачно посмотрел на меня:

– Не лезь не в свое дело.

Я понял: правда ему неинтересна. Шпионы – это сейчас куда важней.

«Я могилу милой искал...»

Я должен был улетать за границу и приехал на Ближнюю проститься.

Коба сидел в Большой столовой. На столе лежала только что отпечатанная новая карта Советского Союза, выпущенная к семидесятилетию Вождя.

Карта была изукрашена медальонами – изображениями из жизни Кобы (так на Строгановских иконах изображали жития святых). На первом медальоне – Коба во время батумской стачки. Говорит речь, вознесенный над толпою.

– А ведь здесь и ты, Фудзи. – Жирный палец уперся в одну из еле видных молодых рож в толпе. – Вот он ты! – Коба прыснул в усы. И добавил серьезно: – Скоро эта карта будет совсем *иной*, мы с тобой, Фудзи, увидим и это. Как много невероятного нам дано увидеть в жизни...

Стоял теплый день ранней осени. Коба надел старые разношенные валенки (опять мучил ревматизм), мы вышли в сад. Он медленно шел по дорожке, топча опавшие листья... Сзади, то останавливаясь, то тихонечко нагоняя, лошадь везла коляску.

– Как только я умру, Фудзи, на мою могилу нанесут много мусора. Но ветер истории развеет его. Если ты еще будешь жить, Фудзи, ты должен написать правду. Я знаю, ты по-прежнему пишешь свои дерьмовые «Записки». Прочту, когда тебя арестую, проверю, что ты пишешь... Пока напиши туда следующее: «Коба всегда был революционером»... Ты мещанин, Фудзи. Ты любишь дочь, покой, как все обыватели. Я, Ильич, Троцкий – мы яacobинцы. Мы мыслим не обыденщиной, не жалкими отдельными судьбами, но целыми классами, целыми странами. Мы дали миру величайший эксперимент победоносной социалистической Революции в самой косной стране. Мы великая лаборатория планеты Земля... Да, мы жестоки. Мы поставили на пулеметы кулака, аристократию... да что их! Мы даже своих не пожалели! Разве я не знаю, сколько жизней партийцев унесли чистки? Но перед расстрелом Григория (Зиновьева) я послал ему записочку: «Помнишь, Григорий, как ты призывал нас избавиться от левых эсеров? Ты требовал расстрелять их для блага Революции. “Для блага их же идей”, – написал справедливо ты. “Когда головы догорают, попытайтесь затоптать их сапогами”, – это тоже твои слова, Григорий. Верные слова! И сегодня товарищ Сталин затопчет вас во имя единства партии, во имя будущей победы всемирного пролетариата – дела, которому мы с тобой отдали целую жизнь». Но он не осознал, не хотел умереть, жалкий человек!.. Я им всем посылал записочки. И Бухарчика не оставил. Написал: «Николай, ты не разочаровал Кобу. Ты понял, что задача у товарища Сталина планетарная. Но когда-то ты сам призывал применять к оппозиции моральную и физическую гильотину. Сталину, ученику Ильича, выпала эта миссия. Суровая. Прощай». Он тоже не проникся. Плакал... Как же, без него останутся жена и ребенок! Какая обывательщина! Запиши... и несколько раз запиши... слова Ильича: «Революционеров старше пятидесяти надо отправлять к праотцам, иначе они становятся тормозом идеи, которой до этого посвятили жизнь». Троцкий очень любил повторять эту мысль, но осуществил ее Коба.

Он шел по аллее, не забывая бить валенком попадавших охранников.

И все говорил, говорил. Молчаливый прежде Коба стал словоохотлив, как все старики.

– Люди – всего лишь винтики в колесах Истории. Задача у руководителя одна – чтобы они *все* вращались в нужную сторону. Не рассуждали, но работали на светлое будущее. Оппозиция хотела рассуждать и мешать... и «стали сволочью», как любил говорить Ильич. Во имя их же идей их пришлось расстрелять. Сейчас, Фудзи, мне выпало счастье закончить миссию. Я хочу уйти, сделав социалистическим весь мир. Всемирная Республика – вот моя миссия. Мечту Ильича, мечту Троцкого, Григория (Зиновьева), Бухарчика осуществит Сталин... Пошли обратно, а то холодно. Не то, что сейчас у нас... Ты часто вспоминаешь нашу маленькую родину?

Коба шел чуть впереди, тихонечко напевая свою любимую «Сулико». Я за ним.

– «Я могилу милой искал, но ее найти нелегко. Долго я томился и страдал...» – пел Коба.

Я уже готовился вступить в песню – подпевать, он это очень любил. Но Коба вдруг на миг прервал песню. Только на миг. И в тишине я явственно услышал его слова... даже не слова, а бормотание:

– Бедный... бедный... бедный Серго!..

Я облился потом.

– «Ты ли здесь, моя Сулико?» – продолжал задумчиво напевать Коба, а потом – без слов: – Тира-ри-ра-ра-ра... – И опять его бормотание: – Бедный, бедный Камо... – Он запел сначала: – «Я могилу милой искал...» – Пел и бормотал: – Бедный... Бедный... Авель...

Да, он вспоминал имена наших товарищей, наших прекрасных друзей, наших великих друзей – всех, кого погубил. Долго он пел «Сулико». По многу раз пришлось ему повторять одни и те же куплеты, чтобы назвать каждого...

А я все шел за ним, ошалев от ужаса.

– «Долго я томился и страдал, где же ты, моя Сулико?..» – И вдруг он обернулся ко мне: – Нету их! Нету нашего Серго!

В его глазах стояли слезы, клянусь! Я не выдержал, тоже заплакал и бросился ему на грудь.

Мгновенно лицо его вспыхнуло яростью. Толстый нос и пылающие желтые глаза приблизились вплотную ко мне. Он заорал, отталкивая меня:

– Нету Серго! Нету Авеля! И Папулии нету! Никого нету! Все вы хотели убить Кобу! Не вышло, блядь дети! Он сам всех вас убил!

И ринулся обратно по аллее, ловко ударив валенком в зад не успевшего вовремя отскочить в кусты охранника.

Я медленно побрел на дачу. Думал ли я, что он меня арестует сейчас? Нет, это не в его правилах... Но я точно теперь знал: это случится.

Я подошел к даче. Ко мне тотчас направился охранник. Вежливо объяснил, что товарищ Сталин пошел спать и велел мне отправляться домой.

Я не спал ночь. И следующую ночь тоже. Я ждал.

Но ничего не произошло. За границу он меня выпустил.

В самолете я вспоминал (и до Страшного суда не забуду), как он шагал по аллее, пел нашу песню и бормотал наши имена. И плакал...

Мы, грузины, умеем любить своих друзей... несмотря ни на что! «Легче перенести смерть брата, чем смерть друга» – такая у нас пословица.

К сожалению, я не видел самого грандиозного зрелища – семидесятилетия Кобы. О праздновании в Большом театре прочел в английской коммунистической газете.

Все происходило, как задумал великий режиссер Коба. Собрались все языки планеты – вожди всех коммунистических партий, распространившихся, благодаря Кобе, по всему миру. Вожди Китая, стран Восточной, Центральной и Южной Европы один за другим поднимались на трибуну, славил моего друга, клялись быть верными его учению. Вслед за ними клялись в верности Кобе вожди коммунистов Западной Европы, мечтавшие также захватить свои страны. Это был величайший смотр системы, созданной моим другом.

Его самый дорогой гость – Мао – сидел в президиуме. Он оправдал ожидания. Страстный панегирик Кобе, прочитанный Мао, задал камертон последующим ораторам.

«Гениальный теоретик и великий революционер!», «Гениальный кормчий трудящихся всего мира!», «Солнце Коммунизма»... Как только не называли моего друга!

Какая была буря аплодисментов, когда назначенный вместо отправленного на тот свет Димитрова новый глава Болгарской компартии Вылко Червенков передал Кобе благодарственное письмо, подписанное... всем грамотным населением страны! Нет, не зря его назначил Коба!

Я прилетел через пару дней после чествования в Большом театре.

Газеты продолжали публиковать бесконечные приветствия Кобе. По радио весь день читали те же приветствия, сменяемые стихами и песнями о Вожде.

Первым, что я услышал, включив радио, был голос поэта Твардовского, который читал:

«Спасибо вам, что вы нас привели
Из тьмы глухой туда, где свет и счастье,
Что в трудный час родной земли
Спасли ее от гибельной напасти!»

Это была запись выступления поэта в Большом театре.

Он замолчал, и его тотчас сменил другой поэт, автор знаменитой «Катюши» Михаил Исаковский:

«Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само – и не сдержать его...
Позвольте ж мне сказать вам это слово,
Простое слово сердце моего...»

Стихотворение было длинное. Я успел сходить в уборную, вернуться, а он все читал:

«За вашу верность матери-Отчизне,
За вашу мудрость и за вашу честь,
За чистоту и правду вашей Жизни,

За то, что вы – такой, какой вы есть!..»

Я поговорил по телефону, а радио продолжало славить:

«Спасибо вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас вы думали в Кремле,
За то, что вы повсюду с нами вместе,
За то, что вы живете на Земле!»

Я записал все это в *свою тетрадь*.

29 декабря Коба вызвал меня в Кремль. Мы встретились в полночь в его кабинете. Я удивился – обычно в это время он принимал «гостей» на даче.

Он был один.

– Товарищи из Политбюро обижаются, что товарищ Сталин уклоняется от посещения выставки подарков товарищу Сталину. Товарищ Сталин не уклоняется. Он просто не хочет выглядеть на ней идиотом. Но посмотреть придется. Так что поедем, Фудзи. Нас там ждут.

В пустых залах Музея Революции горел ослепительный свет.

Мы вошли в первый зал. Сотни картин были развешаны по стенам. И всюду на них – черные усы Кобы. По центру стояли мраморные величественные Кобы.

И все они – изображения на полотнах и мраморные кумиры – строго и мудро или с душевной улыбкой глядели на старого маленького плешивого рябого человечка. Точнее, на двух человечков – на старого Кобу и жалкого старого Фудзи, так похожего на своего великого друга. Коба медленно шел мимо бесчисленных ваз, альбомов, шкатулок, статуэток. Я – за ним.

Директор музея что-то пытался объяснить, но Коба брезгливым жестом попросил его замолчать.

Вот так, молча, мы шли втроем. Но спереди, сзади и с боков нашу тройку окружали «товарищи чекисты».

В одном из залов они плотно сгрудились вокруг Кобы – он был не виден за могучими спинами. Это был боевой зал. Здесь выставили целый арсенал – десятки охотничьих и боевых винтовок, инкрустированных золотом и серебром, подаренных любимому вождю. И целая коллекция драгоценных кинжалов и сабель с нашей маленькой родины.

Коба бесстрашно остановился в опасном зале, долго и молча разглядывал, даже трогал кинжалы.

После чего так же в тишине мы прошли в следующий зал, где нас ждало море знамен. Красный пожар полотнищ. Знамена республик, областей, предприятий, братских компартий... И какие надписи! «Спасителю человечества Генералиссимусу Сталину», «Светочу Пролетариата Генералиссимусу Сталину», «Да здравствует спаситель народов мира Сталин!» И просто – «Спасибо Великому Сталину».

Коба и здесь не проронил ни слова. Но глаза его были влажны, клянусь. В них я прочел его вечный рефрен: «Думали ли мы...»

Конечно, не думали. Я, например, точно не думал, что он дважды меня посадит, что мне выбьют в тюрьме зубы, отправят в лагерь мою жену, измучают дочь. И что я вновь буду не спать и ждать, не случится ли это в третий раз, но... по-прежнему останусь рядом с ним!

Мы сели в автомобиль. Только в машине он сказал:

– Зачем все это, если победитель один – Смерть? – И, продолжая размышлять о своем, прибавил: – В Саровской пустыне начали строить завод по производству ядерного оружия... В конце года, надеюсь, закончат! Надо очень спешить товарищу Сталину!

Конец наследников

В последнее время у него часто болел желудок (к врачам он не обращался, как всегда, занимался самолечением). Новая вставная челюсть натирала. Теперь он был постоянно и опасно раздражен...

В тот день я был в его кабинете в Кремле, он попросил меня записывать очередное заседание Политбюро. Перед началом пришел Маленков. Коба при мне начал этот разговор. (Он меня уже не стеснялся. Дурак принял бы это за доверие. Для меня же, хорошо знавшего Кобу, это означало мой скорый конец.)

– Процесс должен быть короткий, закрытый. Военная коллегия оглашает приговор... и тотчас ликвидировать.

– Есть проблема, товарищ Сталин, – сказал Маленков. – Кузнецов долго запирался, ребята... старались, горячились. У него сломан позвоночник. Он ходить не может. Мы решили внести его в зал и вынести из зала после приговора...

– Ишь что придумал, – яростно оборвал его Коба, – ходить не может! Нести барина! – Потом задумался. Великий режиссер Коба и здесь не сплеховал. – Хорошую идею подсказал мерзавец... Несите его! И всех негодяев несите! После приговора набросить на приговоренных к расстрелу белые саваны. Пригласи покрепче молодцов, и пусть они вынесут мерзавцев в балахонах... вон их из зала! Как нечисть!

Любитель красочных, ярких зрелищ, режиссер Коба не постарел с годами. Балахоны – это из тайников памяти. В балахонах вешали революционеров русские цари, чьим преемником справедливо считал себя мой друг Коба.

О «Финале Наследников» мне рассказал тот же полковник К-й.

В пустом зале председатель Военной коллегии Верховного суда объявил смертный приговор шестерым вчерашним руководителям – Вознесенскому, Кузнецову, Родионову и трем ленинградским партийным вождям.

Все они стояли при чтении приговора, только несчастный Кузнецов сидел.

После чего офицеры госбезопасности торжественно набросили на них белые саваны, взвалили смертников на плечи и понесли барахтающуюся, беспомощную плоть к выходу через весь зал. Той же ночью всех расстреляли. Кузнецова пришлось расстреливать сидящим на стуле.

Я видел Кобу в эти дни. Помню, он сказал мне:

– Человек, старея, все дальше отодвигает возраст старости. Вот раньше мы называли стариками пятидесятилетних. В пятьдесят – шестидесятилетних. Сейчас я называю стариками восьмидесятилетних... – Помолчал, прибавил: – А ведь эти молодые мерзавцы между собой иначе как «стариком» товарища Сталина не звали: «Это нашему старику говорить не нужно», «Этого наш старик не поймет»... Ничего, «наш старик» все понял!

Новый Родосский колосс

Это случилось, кажется, сразу после ленинградского расстрела в конце октября 1950 года.

Я был на Ближней, когда Берия принес итоги работы ГУЛАГа за прошлый год. Помню, доложил численность лагерей – два с половиной миллиона. Дальше начал перечислять, на каких объектах заключенные трудятся.

Коба внимательно слушал. В конце доклада Берия сказал:

– Три лагеря ударно работают на строительстве сверхсекретных объектов. Два из них – на строительстве завода по производству ядерного оружия. И один, – тут он как-то интимно улыбнулся, – на возведении памятника Великому Вождю. – Предложил: – Иосиф Виссарионович, не хотите ли съездить посмотреть? Это недалеко, в Химках...

– Ну что ж, давай. И Фудзи с собой возьмем. Он ведь в лагерях у нас был, может, товарищей встретит. А может, попросту его там и оставим, – усмехнулся Коба. Он явно был в хорошем настроении, что означало – хорошо себя чувствовал.

И, как всегда, по улицам, вмиг опустевшим, мимо патрульных автомобилей понеслись наши черные машины. Я с Берией и Кобой ехал в одной, за нами – две машины охраны.

– Ну, рассказывай, Лаврентий.

– Как вы указали, Иосиф Виссарионович, – он перешел на грузинский. – Это будет самый большой памятник в мире.

– Слышишь, Фудзи, в мире, – насмешливо заметил Коба. – Ну, продолжай хвастать, Лаврентий.

– Памятник так велик – даже сигнальные огни установить придется, чтобы самолеты, идущие на посадку, с ним не столкнулись, ведь голова товарища Сталина будет соперничать с облаками.

– Ай-ай, какой большой человек этот товарищ Сталин.

Он предпочитал быть насмешливым, чтобы не стать смешным. Но мы с Берией знали Кобу – он доволен.

Приехали. Это была территория рядом с Речным вокзалом, обнесенная колючей проволокой. На вышке стоял охранник. В памяти моей сразу – волна «приятных» воспоминаний!

Прошли на территорию. Впереди Коба и Лаврентий, окруженные охраной, за ними – я.

Около огромной медной пуговицы стоял автор памятника скульптор Вучетич. Он задорно материл какого-то юнца, вероятно, помощника. При этом время от времени сгибал ногу и удачно бил себя пяткой по заднице, будто собираясь пуститься в пляс.

При виде Кобы и Берии он потерял дар речи. Я с изумлением понял: Берия о визите не предупредил.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – наконец произнес ошалевший скульптор.

– Ну, показывай, – сказал Коба.

Мы подошли к стоявшей на низкой платформе гигантской голове, очень похожей сейчас на голову Черномора из пушкинской сказки.

С отверстия в затылке можно было войти внутрь. Лесенка в две ступеньки вела на

платформу к этому отверстию, занавешенному ситцевой занавеской.

За занавеской звучали голоса.

Коба молча начал подниматься по ступенькам. Вучетич побледнел.

Коба приподнял занавеску и заглянул в свою голову. Я стоял за ним и из-за его спины увидел... В голове величайшего Вождя всех времен и народов разместили ящик, служивший столиком. В углублении носа Кобы расставили стаканы. Какой-то юнец, уютно усевшись в подбородке великого Вождя, разливал водку. Пара молодых людей, расположившись вокруг ящика, весело резались в картишки!..

Коба задернул занавеску.

– Я их уберу! Блядская молодежь, помощнички хуевы! Уберу! Сейчас же! Иосиф Виссарионович, сгною негодяев! – в отчаянии кричал скульптор, продолжая страстно лупить себя ногой по заднице.

Коба ничего не ответил. Он повернулся, и мы пошли к выходу. Но спокойно уйти нам не удалось. Недалеко от выхода стояла огромная нога Кобы. Рядом суетился охранник с винтовкой.

– Выходи! – кричал он ноге. – Стрелять буду! Минута на размышление! – Увидев нас, тоже потерял дар речи, забормотал испуганно: – Иосиф Виссарионович! Здравствуйте!

– Ну, что стряслось у тебя, докладывай, – с усмешкой сказал Берия.

– Двое, Лаврентий Палыч, залезли туда, они там...

В это время над ногой показалась женская голова. Высокая, здоровая девка, кровь с молоком – видно, недавно поступила, вылезала из ноги. Следом за ней – красавец-парень, похоже, из блатных. Оба застыли и в ужасе молча глядели на Вождя.

Берия с усмешкой смотрел на пару.

Коба и здесь не сказал ни слова. Продолжил путь к машине. Берия и я шли за ним. У автомобиля он остановился, помолчал, потом велел Берии:

– Вернись, наведи порядок.

– Абакумов распустил. Сам ебется с заключенными девками, – поспешил объяснить Берия.

– С ним мы тоже разберемся, – мрачно пообещал Коба.

Берия ушел, а мы поехали. В машине мне сказал:

– Не любит он меня. С какой радостью смотрел на безобразия. Неискренний человек. А вот Абакумова любит. Какой хитрец. Ты, конечно, понял, что он Абакумова о посещении не предупредил. Для чего? Как ты думаешь? Чтобы случилось это ЧП, чтобы товарищ Сталин подумал, будто Лаврентий нарочно подставляет Абакумова. Чтобы товарищ Сталин поверил, что Лаврентий Абакумова ненавидит. И по-прежнему доверял бы товарищ Сталин Абакумову, бериевскому холую. Но у товарища Сталина есть совсем другие сведения. Вот почему охота на Большого Мингрела ведется хитрожопым Абакумовым так медленно. И закончиться должна расстрелом маленьких мингрелов. Но товарищу Сталину интересен Большой...

Я понял: судьба Абакумова тоже решена.

Но будущая статуя Кобе понравилась. Вернувшись, он подписал постановление – водрузить статую на Волго-Донском канале, строительство которого подходило к концу.

Два с половиной миллиона рабов ГУЛАГа славно трудились. Два с половиной миллиона еще живых сегодня. Сколько их перемерет завтра, в эти страшные голодные послевоенные

годы на великих стройках моего великого друга.

Расстрел штабов продолжается

Я уехал за границу и вернулся в столицу в разгаре лета 1951 года.

В Москве стояла нестерпимая жара. Термометр в тот день показывал тридцать два градуса. Кажется, 13 июля меня вызвали на Лубянку. Я там застал встревоженный улей.

На стенах (в который раз в моей жизни!) красовались отчетливые следы снятых портретов. Не стало изображений министра госбезопасности красавца Абакумова...

Нас собрали в актовом зале. Выступал только что назначенный новый министр госбезопасности Игнатъев. Никому не известный, скромный функционер, руководивший до того каким-то отделом в ЦК. Теперь он был назначен на такую должность! Но главная сенсация состояла в том, что он тоже был русский. Мы поняли: конец кавказским кадрам, потому что на очереди – сам Берия.

Игнатъев начал говорить. Было видно, как он... напуган. Растерянные глаза. Будто вернулась тень Ежова с такими же (в начале) растерянными глазами. Но я знал: чтобы подавить неуверенность и комплексы, этот тоже станет палачом.

Игнатъев обвинил садиста Абакумова... в мягкости к врагам! Грозил пальцем, объявил, что «Революцию не делают в белых перчатках» – фраза, постоянно повторяемая Кобой.

– Мы – «карающий меч Революции», и «белоперчаточникам и ротозеям» у нас нет места! – закончил новый министр опять же словами Кобы.

Так что подлинного автора выступления узнать было проще простого.

Расходились в страхе. Шепотом рассказывали подробности ареста Абакумова. В ту ночь он отвозил домой очередную девицу – школьницу, с которой тогда спал (хотел походить на своего шефа). Неожиданно его автомобиль окружили хорошо знакомые ему черные машины. Он сразу все понял. Выпустил девушку. Пересел в лубянскую «Волгу», которая отвезла его в Бутырскую тюрьму.

Все, кто знал его близко, говорили, что он был веселый, широкий человек... в свободное от пыток и расстрелов время!

На следующий день в Москве столбик термометра показывал уже тридцать четыре градуса...

В конце недели я узнал удивительную вещь: Абакумова держат в Бутырке в камере, похожей на гостиничной номер. Еду ему носят из ресторана, по его собственному меню – от черной икры до венских шницелей.

Все эти ночи мы с женой никак не могли заснуть. Окна были открыты из-за нестерпимой жары, и мы слышали, как подъезжали машины к нашему дому и вскоре отъезжали. Каждый день, уходя на работу, я спускался с нашего этажа без лифта и видел новые опломбированные двери. У жены на руках появилась нервная экзема. Она хотела записаться к своему невропатологу, но знаменитого врача-еврея арестовали.

Аресты и расстрелы по-прежнему шли тайно. Словосочетание «совершенно секретно» стало эпитафией к нашей нынешней жизни. Расстреливали не массово, но непрерывно.

Пока я уезжал и возвращался, были расстреляны тот самый генерал-лейтенант Гордов,

герой Сталинграда, и его начальник штаба и старый знакомец Кобы по неудачному штурму Варшавы маршал Кулик. К тому времени Кулик был разжалован в генералы. Перед концом он, несчастный, влюбился в восемнадцатилетнюю подругу дочери, женился на ней. Коба постоянно издевался над ним и называл его презрительно – «жених!»

Но бедный «жених» был хорошим знакомым Гордова. И зло говорил с ним о Кобе, что и записала «техника». Этого было достаточно!

«Огромный седой человек плакал в голос, как женщина»

Вскоре ко мне на работу позвонил Ш. – тот самый седой красавец-министр, муж очаровательной женщины, которую я встретил в «Коктейль-холле».

Попросил о встрече. Уже по безумному голосу я догадался, в чем дело. Встретились у Большого театра.

– Давайте погуляем... – (Что означало: «так не подслушают»).

Пошли по Пушкинской улице... Я привычно смотрел в витрины, хвоста не было. Начал говорить он:

– Она рассказывала мне про вас. Вы ей понравились. Я даже немного ревновал... Ее арестовали неделю назад, и я не знаю, за что. Я ничего не могу понять. Я был в это время на работе. Работаю обычно до четырех утра. Неожиданно в полночь меня вызвали *туда* и объявили: «Ваша жена арестована». Спрашиваю: за что? Никто мне ничего не объясняет! Отвечают: «Придет время – узнаете».

Дома рассказала домработница. Они приехали за ней на дачу. Домработница говорит им: она загорает. Посадили нашу тетю Дашу в машину, чтоб показала. Приехали на берег... Тетя Даша говорит: «Она была такая радостная»... Они, видно, ей что-то наврали. Вот такой веселой, радостной ее взяли! Она села в машину в одном легоньком летнем платье и все смеялась. Я теперь по пятнадцать часов сижу на работе, чтобы не быть дома без нее! Ну а что мне делать дальше? Куда мне деться, когда остаюсь один? Куда мне деться от самого себя? Она хотела ребенка. В ту последнюю ночь мы были вместе...

Он плакал. Огромный седой человек плакал в голос, как женщина, и все говорил:

– Она шептала: «Милый! Только пусть это будет мальчик!» И я все представляю ее под крышей вонючего барака! Каждый раз, возвращаясь домой, осторожно вхожу в квартиру – а вдруг чудо! Может, она уже дома, попросту мне не успели сказать! Наивность мальчишки. Неделю добиваюсь, чтобы мне хоть что-нибудь сообщили о ней, о ее судьбе! Стена! Никто ничего не говорит и, очевидно, не скажет.

– Но вы же видите *самого*?

– Да... но не смею. Вы знаете его. Ведь если меня посадят, дочь отправят в детский дом. Она там умрет... она избалована любовью.

«А вот моя там побывала, – зло подумал я. – И ничего, не умерла».

Но смолчал.

Он продолжал:

– Я живу только ради дочери. Только ради нее... Как трудно порой оторвать руку от пистолета. Держишь в ладони... в кармане шинели, и он становится горячим. Но нельзя – дочь... Хотите, на колени встану? Попросите за нее. Он же ваш друг! Все говорят!

– Он мой друг. Очень хороший друг. Поэтому я сидел дважды. Один раз – целых пять лет. Или не так – всего пять лет. Впрочем, и других хороших друзей... – Я не посмел сказать: «он расстрелял», рукой махнул. – Ладно, попробую.

Вскоре Коба позвал меня на Ближнюю. Пили чай.

– Слышал? Взяли наконец твоего мерзавца Абакумова.

– Почему «моего», Коба?

– А ты разве не на Лубянке числишься? В организации ротозеев? Но каков Абакумов! В то время как товарищ Рушадзе... – (министр госбезопасности Грузии) – выполнял поставленную задачу, *твой друг* Абакумов... – (возражать Кобе бесполезно!) – ни хера не делал. Товарищ Рушадзе арестовал всех своих заместителей мингрелов. И главную сволочь – мингрела Барамию, написавшего льстивую диссертацию о выдающейся роли товарища Берии в обороне Кавказа... за что Лаврентий сделал его вторым партийным вождем Грузии. Что теперь выяснилось? Нет, у товарища Сталина нюх не испортился. Оказывается, в руководстве нашей Грузии возникла подпольная мингрельская националистическая группа. Они брали взятки. На что собирали огромные денежки? На отторжение нашей с тобой родины от Советского Союза!

Коба в упор глядел на меня. Но разведчик Фудзи не сплеховал. Во взгляде – вера и понимание.

– На это товарищ Абакумов конечно же закрывал глаза. Зажмуривал их старательно, боясь увидеть среди предателей Большого Мингрела. Но патриот нашелся. Слышал ли ты такую фамилию... – Коба посмотрел в бумажку. – Товарищ Рюмин? Не слышал? Зря. Сейчас ее многие услышат...

Он позвонил, и Власик ввел в комнату молодого подполковника в форме НКВД.

Тот вытянулся, отрапортовал:

– Подполковник Рюмин, следователь по особо важным делам по вашему приказанию...

– Не надо тянуться бравым солдатом Швейком, – прервал Коба. – Партия решила оказать вам, товарищ Рюмин, большое доверие. Политбюро рекомендует вас на должность заместителя министра госбезопасности.

Рюмин вытянулся еще больше, тончайшей стрункой стоял, и глаза его горели знакомым безумным светом. Я узнал его. Передо мной стоял все тот же воскресший Ежов.

Впоследствии я разузнал его биографию. Рюмину не было сорока. Из крестьян. Образование – среднее. В НКВД поступил, когда я сидел, в 1941 году, в самом начале войны, то есть фронта избежал. Только потом вступил в партию.

– Вы, товарищ Рюмин, будете персонально заниматься кремлевскими врачами и докладывать непосредственно мне.

Рюмин хотел что-то ответить, но Коба сказал:

– Идите и занимайтесь делом.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Опять – в тончайшую струнчку – и вышел. Я услышал шелест отъехавшей машины.

– Настоящий следователь. Нюх! Арестовал профессора из Кремлевской больницы, еврея-националиста. Плотно поработал с ним. И тот сознался: из ненависти к нашему строю он залечил до смерти товарища Щербакова (секретаря ЦК) – кристального большевика, хорошего помощника товарища Сталина. Рюмин выбил из профессора всю сеть террористов и доложил Абакумову. И что же? Мерзавец только посмеялся над ним и велел отпустить негодяя-профессора. «Смазал» следствие. Но Рюмин сумел до меня достучаться. Что все это

значит? Преступное ротозейство? За которое надо расстреливать! Или нечто большее, за что тоже надо расстрелять?.. Я теперь лекарства из Кремлевской больницы не принимаю. Власика посылаю покупать в город. Ничего, все выясним... Все! – Он был в бешенстве.

Я не рискнул о ней попросить.

Ночные забавы Кобы

Теперь он перестал покидать дачу и в будние дни. Политбюро собиралось у него на Ближней. Точнее, все та же приближенная четверка – Маленков, Берия, Хрущев и зачем-то ничего не значивший Булганин. «Бородатый», как его насмешливо называли охранники. К нему Коба никогда не обращался. Он просто сидел и молчал.

В тот летний день Коба был один. Держался со мной очень добро, даже ласково. Эта ласковость, задушевность меня всегда пугала, и я начинал думать, не появились ли уже слезки у крокодила. Но в тот день мне стало невыносимо от этого постоянного страха, и я рискнул:

– Я как-то познакомился с одной очень красивой женщиной, женой министра Ш.

Он прервал меня:

– Как же, слышали, в «Коктейль-холле!» – (И это он знал!) – Захотелось? Ну да, даст она тебе, старой жопе! – И добавил сухо: – Оперативка установила: за ней ухаживал... американец из посольства. На банкете с ним кокетничала, анекдоты подруге рассказывала антисоветские. Стихи одной повесившейся контры всем читала. Ее мужа, хорошего, преданного нам человека, имеющего дело с государственными секретами, пришлось оградить от вертихвостки, – бешено взглянул на меня. – И не дай тебе Бог ему рассказать. Его тоже будем крепко проверять. Я тебя не раз предупреждал по поводу подобных просьб. Но ты не понимаешь! Воистину в последний раз предупреждаю... – Желтые глаза уперлись в меня, и вдруг взгляд вновь стал безмятежен и нежен. – Какая жара... Только здесь и можно дышать... Я много читаю, Фудзи, – сказал он печально. – Трудно не презирать человеческий род, читая историю.

Стояла тихая июльская ночь.

– Хорошая ночь, Фудзи, не хочется спать, – и приказал охраннику, стоявшему у дачи. – Принеси секатор.

Он взял секатор, и мы вышли в сад. Громко пел соловей, залетевший в этот лес на окраине города. Огромная луна висела над садом, наступал таинственный час полуночи. Коба, похоже, это тоже почувствовал.

– Разве я договаривался родиться, чтобы умереть? – заговорил он. – Слепая Природа без нашего на то согласия вызывает нас из небытия и быстро отправляет туда же. Сколько хлопот, сколько крови!.. Раскрой рот, скажи что-нибудь?

– Я не думал над этим, Коба.

Он замолчал. Потом продолжил:

– Думал. Ты о многом думаешь, только молчишь... Нет, нет, деяния остаются. Они считают, мне семьдесят лет, и я сдался. Мудаки! Мы, Фудзи, вечные революционеры. Мы или создадим новый мир, или, как сказал этот жидок Троцкий, «уйдем, но, уходя, так хлопнем дверью, что мир содрогнется».

В свете фонаря, сгорбившись и старательно сопя, Коба отсекал у цветов головки. Они падали в траву. Но у него дрожала рука, уже вскоре он порезался секатором.

– Часто режусь, черт побери. Рука стала не та. А помнишь, как мы шашкой...

Я кивнул... хотя никакой шашкой мы никогда не пользовались. Только ножом.

Он велел охраннику разбудить фельдшера. Фельдшер прибежал тотчас.

– Показывай свое искусство, – приказал Коба.

У фельдшера дрожали руки, и он никак не мог перевязать его палец. Перевязал я – фельдшерским бинтом.

Уже начало светать. В деревьях зашумел утренний ветер. Березы напряглись, вытянулись, громко зашелестели листья.

– Пора возвращаться в дачу... Ты хорошо ходишь, Фудзи, а мне уже трудно. Я устаю и предпочитаю ездить.

Он велел вызвать «коляску». Вспомнил:

– Как мы скакали на конях, лихие были джигиты.

Опять я услужливо кивнул, хотя мы никогда не скакали. Он все более становился щедр на старческие выдумки. Без меня часто беседовал с охраной. Рассказывал им всякие байки про свою удачу в молодые годы. Однажды, провожая меня к машине, один из охранников посмеялся.

– Привирает по-стариковски, а мы слушаем. Старый стал, одинокий, жалко его.

(Охранник, пожалевший его, скоро исчез, видно, не со мной одним делился наблюдениями.)

Если бы они знали, что задумал этот старый и одинокий, мой друг Коба.

Подъехала коляска, запряженная двумя лошадьми. Мы сели. Кучер, полковник госбезопасности, ударил лошадей. И покатали в меркнушем утреннем свете фонарей. Всюду среди деревьев тени – охрана.

– Да старики мы, Фудзи, – восьмой десяток. Даже арестовать тебя нельзя, сразу кончишься. В нашем возрасте к врачам приходится часто обращаться. Хотя... Скоро там, в лагерях, соберется много первоклассных врачей. Ильич говорил: «Лечиться надо у немецких докторов, а не у идиотов – “товарищей”». Но наше время сделало поправку – лечиться надо у евреев. Так что вскоре *здесь* лечить будет некому. Может, лучше тебе там быть? – Он прыснул в усы, а я, как всегда, вздрогнул.

Покатавшись по саду, мы вернулись на веранду. Я умирал, так хотел спать, а он – нет.

Принесли чай.

Я сидел, сжав челюсти, точнее, протезы, борясь со сном.

В саду появился вечно улыбающийся Хрущев. В рассветном белесом сумраке он был как-то расплывчат.

– Прибыл по вашему распоряжению, Иосиф Виссарионович.

Коба, прихлебывая чай, изумленно поглядел на него и вдруг спросил:

– А кто вы такой?

– Как... это? Иосиф Виссарионович, я... Хрущев, – ответил тот растерянно.

– Надо еще выяснить, какой вы Хрущев. И как и зачем вы попали сюда?

– Как зачем? – Хрущев ничего не понимал. – Меня разбудили, сказали, что вы велели... срочно к вам...

– Вон! – мрачно сказал Коба.

В ужасе Хрущев поплелся по дорожке к выходу. Я смотрел на его согнутую безнадежную спину...

Хозяин подозвал охранника, стоявшего у дачи. Что-то шепнул ему на ухо. Тот улыбнулся. Медленно пошел за Хрущевым.

Хрущев, слыша шаги приближающегося охранника, совсем съежился, ожидая неминуемого – арестуют!

Настигнув его, охранник обернулся к веранде.

Коба ему кивнул.

Тогда охранник тронул поникшее плечо.

– Товарищ Хрущев, куда же вы? Вас товарищ Сталин на веранде сколько времени дожидается!

Хрущев, счастливый, улыбающийся, бросился назад, к нам.

– Ну, где же вы пропадаете, Никита Сергеевич? – радушно сказал Коба. – Мы вас заждались. Без вас чай не пьем. Фудзи ругается: чай, говорит, остывает.

Хрущев уселся, хлебнул из чашки.

Но только он засветился простецкой крестьянской улыбкой, Коба вновь стал мрачен.

– Я тебя поднял с постели, Никита, чтобы откровенно сказать: глупость написал ты в статье в «Правде»! Ты хочешь укрупнять колхозы, создавать какие-то новые агрогорода... Нам старое суметь бы восстановить. Полстраны разрушено. А ты прожектами занимаешься.

– Виноват, Иосиф Виссарионович... пришло в голову...

– Виноват не в том, что пришло в голову, а в том, что не посоветовался. Не советуясь, можно эту самую голову и потерять, как ты сейчас, надеюсь, понял. Я думаю, ты напишешь письмо в Политбюро по этому поводу...

– Считайте, уже написал, Иосиф Виссарионович.

– Ну, давай, ждем.

Хрущев вскочил и вдохновенно начал:

– Дорогой товарищ Сталин, вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки. – Лицо у него стало вмиг совсем простодушное, восторженное и детское. – Прошу вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить грубую ошибку и, насколько можно, уменьшить ущерб, который я причинил партии своим неправильным выступлением...

– Хорошо говоришь, плохо статьи пишешь, – заметил Коба. Помолчал, добавил ласково: – Но голова у тебя умная. Дорожи ею... И помни: ничего не делать без разрешения товарища Сталина. Без него вы все – слепые котята.

Повисло молчание.

– Пей чай... – велел Коба.

Хрущев пил, держа чашку в дрожащей руке.

Так Коба учил покорности будущих кандидатов в мертвецы. Игры барса.

Наконец Хрущев уехал домой, точнее, наконец Коба отпустил его.

– Шуты гороховые, – сказал он. – Езжай домой, Фудзи. Я тоже пойду спать. Уже совсем рассвело.

Коба ушел в дом. Я слышал, как старший прикрепленный закрывал дверь. И звонил в дежурку, чтобы приехала за мной машина.

Зажегся свет в Малой столовой. И тотчас погас. Коба сразу лег. Я вспомнил, как когда-то увидел его сидящим перед сном в кресле со странным, менявшимся, молодевшим на глазах лицом. Как он был напряжен, будто слушал кого-то. Теперь, видно, перестал слушать. Неужто дьявол оборвал нить их ночного разговора?

Через много лет я узнал результаты моей просьбы: несчастную жену министра Ш. перевели... на золотые прииски! Она домывала бромформом золото. На эти вредные

работы женщин обычно не ставили. Умерла она через год. Бедняга-муж по-прежнему оставался министром. Он много раз встречал Кобу на совещаниях. И молчал. Он так и не узнал, за что ее арестовали... За молчание заплатил дорого – заболел раком и умер.

Я был на похоронах и видел его бедную дочку.

Сверхсекретное задание

В октябре того же 1951 года он вдруг позвонил мне:

– Поздравляю! На Семипалатинском полигоне – наша третья атомная бомба. На этот раз впервые сбросили с самолета... Использовался не только плутоний, но и уран двести тридцать пять. Тебе это что-нибудь говорит?

– Не очень.

– Жаль... Ведь тебе скоро придется заниматься техникой. Прекрасная бомба! Невероятная по мощи. Между нами говоря, скоро дождемся главного – водородной бомбы. Поздравь и ты меня.

– Поздравляю, Коба!

– И главное – нет никаких нежелательных утечек информации. Кроме того, о чем мы сами объявили. Может, потому, что отстранили тебя от атомных дел и некому шпионить? – Он весело прыснул в усы. – Кстати, болтают, ты часто общаешься с Лаврентием?

– Ты сам велел, Коба.

– Приезжай ко мне завтра на Ближнюю к вечеру. Есть важное дело.

Стоял осенний дождливый день. Мы сидели на крытой террасе... Он все время переделывал дачу, это была новая терраса.

Я должен был ехать в Америку. Там окончательно рухнула наша сеть. Объяснил Кобе:

– Когда наш агент из кембриджской пятерки попытался продолжить сотрудничество с американскими физиками, он получил от ворот поворот. Ему сказали: «Раньше это было сотрудничество, а теперь – шпионаж».

Но в этот день Коба в последний раз перевернул мою судьбу.

– Ты не едешь в Америку. Займешься самым важным на родине... – Он помолчал. – Товарищ Сталин нюхом чувствует... что-то происходит... Мне нужен ежедневный контроль – *за ними*. – (Он говорил о соратниках!) – Сейчас в одном из НИИ трудится группа заключенных. Заканчивают работу над секретнейшим «устройством». Но я хотел бы, чтоб за ними был глаз. Это последнее твое задание. Потом отдыхай. Хочешь – продолжишь работать в разведке. Хочешь – на пенсию. Ведь тебе семьдесят, ты старик по всем меркам. Точнее, мы оба с тобой старики... Короче, сделаешь то, что поручу, и тогда... – Он усмехнулся. – Хорошо отдохнешь.

После этой фразы я, должно быть, несколько побледнел, а он засмеялся.

Закрытые научно-исследовательские институты с арестованными научными сотрудниками-кандидатами, докторами наук, академиками и т.д. в просторечии назывались «шарашками». На официальном языке они именовались «Особыми техническими бюро НКВД». Коба как-то сказал мне:

– В идеале в эти «бюро» надо бы посадить всю интеллигенцию. Это было бы в ее интересах. Интеллигенты не могут не болтать лишнего. В душе они все против советской власти, поэтому их так легко втягивать в антисоветскую деятельность. Но страна не сумеет жить без их мозгов. Какой выход? Как спасти интеллигенцию? Ту часть, которая нужна советской власти... К примеру, конструктор Туполев! Талантище! Конструктор Королев... говорят, тоже! Как спасти Туполевых-Королевых? Просто. Посадить, но в особые условия. Хорошо кормить. Еда, книги, даже свидания с женщинами – пусть вся эта буржуазная

белиберда у них будет. Пускай развлекаются... в меру, но работают, конструируют необходимые стране вещи. Объединение интеллектов, лишенных бытовых проблем, – эта мечта товарища Платона создаст благоприятную почву для достижений. Но, главное, обеспечит контроль за ними, позволит соблюсти полную тайну, что очень важно для выполнения секретных работ. Работа, которая передается под твое начало, сверхсекретная. О ней не знают и не должны знать ни Берия, ни Маленков. Короче, никто.

Получив это задание, я окончательно понял: наступал последний акт драмы. Уничтожение всей, повторю, *всей партийной* верхушки.

Но все тот же вопрос оставался: *зачем?*

Честно говоря, я обрадовался новому назначению. Уж очень страшной стала жизнь.

«Шарашка», куда меня отправили, размещалась в бывшем поместье, в господском доме. После Революции здесь был военный санаторий Министерства обороны для высших чинов, оттого дом и парк отлично сохранились.

Рядом с господским домом стояли памятники Пушкину, Гоголю и Тютчеву. Их поставил просвещенный хозяин имения в честь посещения поместья великими литераторами. Директор военного санатория высадил вокруг них голубые кремлевские елочки. Точно такие стояли вокруг памятников над могилами, расположенными вдоль Кремлевской стены. Видя знакомую картину – елочки и памятники, – отдыхающие генералы посчитали, что здесь тоже могилы. Простодушные военные поверили, что в имении были похоронены сразу Пушкин, Гоголь, Тютчев и Некрасов. И бывший господский дом, глядевший на памятники, получил мрачное наименование – Могильный корпус.

Санаторий после войны закрыли, а в Могильном корпусе поселили особую группу сотрудников. Она состояла из пяти немецких ученых (среди которых был нобелевский лауреат) и полутора десятков наших молодых дарований. Они великолепно зарекомендовали себя на воле. Это стало их несчастьем – их арестовали под небывалый *Проект*.

Проект, повторюсь, был совершенно засекречен. Даже Управление по специальной технике МГБ, занимавшееся созданием аппаратов для прослушивания и самим прослушиванием граждан, понятия не имело о том, что происходит в пятидесяти километрах от Москвы.

Оцепление вокруг «Объекта X 100» (так он назывался) было выдвинуто на несколько километров от границ поместья.

Официально объявили, что здесь ремонтируется военный санаторий, и на объекте работают заключенные. Поэтому были установлены вышки для охраны, а всю территорию обнесли колючей проволокой. Окрестные деревни переселили и пустили слух, что идет испытание нового, смертоносного оружия. Так что жившие вокруг люди боялись приближаться.

Сверхсекретность была удивительная даже для нашего сверхсекретного времени. Меня здесь как бы не было. Считалось, что я нахожусь за границей. Домашним сообщили, что я в длительной командировке.

Через меня «шарашка» подчинялась лично Кобе.

Мы должны были разработать не имевшее тогда аналогов «устройство».

Условия для заключенных были созданы санаторные. Великолепная библиотека, на

столах – белый хлеб, сливочное масло – три раза в день.

Гулять по двору разрешалось без ограничений, но трава была заботливо выкошена, чтобы заключенные не могли незаметно подползти к ограде из колючей проволоки.

Позаботились и о сексуальной жизни молодых обитателей. В обычные «шарашки» иногда разрешали приходить женам. У нас (из-за сверхсекретности) это исключалось. Но поиграть в любовь давали щедро.

Наш надзирающий персонал состоял из сотрудников того самого Подразделения X – нескольких офицеров и молоденьких «чекисток» в гражданской форме.

Девушки жили здесь же, в отдельном корпусе, и приходили на работу в очаровательных трофейных немецких платьях. В Рейхе заботились об увеличении рождаемости, и модная одежда отнюдь не скрывала женские прелести.

Они должны были дать нашей молодежи радостную возможность насладиться «романами». При этом было расписано все: когда и где дозволялся первый поцелуй, где следует проходить встречам «украдкой»... Расписаны были и роли. Одни девушки играли в «недотрог» и уступали только после долгого общения с любимым. Другие наоборот – «распутные девицы». Им «назначались» приключения с двумя-тремя нашими молодыми сотрудниками...

Любовные акты, точнее, «совокупления» проходили в комнатках лаборатории во время вечерней работы.

Чтобы девица и вправду не увлеклась, после «медового месяца» блаженства ее будто бы «застукивали» и переводили от нас...

Последняя любовная встреча... Поздний вечер... Торопливая любовь. Подавленные стоны... И уже наступает одинокое завтра. Молодой человек – мрачный, безутешный. Но... появляется новая смена! Столь же очаровательная сотрудница в столь же соблазнительном платье...

Не буду отрицать, я тоже пользовался их... работой.

Покидая нас, девушки писали подробные отчеты – о чем откровенничали с ними заключенные. Но наших «вольнодумов» за смелые речи не наказывали, эти отчеты копились в их делах на будущее. Не выпускать же на свободу столь ценных и посвященных в секретнейшие дела людей! Когда же будет заканчиваться их срок, им предъявят... собственные разговоры. И они благополучно получают срок новый.

«Любовным отделом» руководила пожилая «чекистка» из того же Подразделения X. Она назначала партнеров, она и решала, когда девушке надлежит нас покинуть.

Я не уверен, что с девушками, которых от нас забирали, все обстояло благополучно. Подразделение X должно было любыми средствами охранять абсолютную секретность Проекта. Такова была их работа.

Третья мировая война

Почти год я не видел Кобу и свою семью, работая в «шарашке».

Ничего записывать не мог. Не сомневался: когда иду на прогулку, комната обыскивается.

Так что особых подробностей не сохранил.

«Устройство» было готово ранней осенью 1952 года. И тогда я вновь приехал на Ближнюю – наблюдать, как его монтируют. И встретил, наконец, своего друга Кобу.

Как обычно, не поздоровавшись, Коба заговорил, будто мы расстались вчера.

На его столе лежали сводки с корейского фронта.

(В это время мой друг втянул американцев в бесконечную войну в Северной Корее. Коммунистическая Северная Корея попыталась захватить Южную, американцы, естественно, вступились за своих союзников. Уже вскоре им пришлось понять, что сражаются они на корейской земле не только и не столько с корейцами, сколько с бесчисленной китайской армией. В воздухе их сбивали наши летчики – истинные асы, прошедшую самую страшную из войн.)

– Никто не понимает масштабов события... – усмехнулся Коба. – Никому не говори, Фудзи... но Третья мировая уже началась. Ильич сейчас потирал бы руки. Уверяю тебя: и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарчик радовались бы вместе со мной. Надеюсь, как истинные революционеры, они поняли бы, почему им следовало уйти. – (Эта мысль: «они одобрили бы свою смерть» – его преследовала.) – Для революционеров жизнь – это идея. Идея – все, жизнь – ничто. А теперь почитай...

Он показал мне последнее донесение нашего агента М. Он сообщал секретные американские данные: *«Потенциал ядерного вооружения США недостаточен сейчас ни для ведения войны с Советским Союзом... ни для эффективной обороны. Раньше 1955 года преимущество над Советами не может быть достигнуто...»*

Он заходил по кабинету. Как всегда, забыв обо мне, заговорил сам с собой:

– Раньше пятьдесят пятого года... Мингрел обещает... уже в следующем – пятьдесят третьем. Карты ложатся удачно... – Он говорил о новой водородной бомбе. Насмешливо посмотрел на меня: – Боишься? Эх ты! Капитулянт!

Новый роман сочиненный Кобой

В это время приехал Игнатьев.

– Докладывай, – сказал Коба.

– Абакумов по-прежнему упорствует.

– Жаль, что с мерзавцем обращались по-человечески. Это вина товарища Сталина, который не забыл о его заслугах в войну. От него ждали правдивых показаний. Но, между нами говоря, он, видимо, надеется, что «кое-кто» его защитит.

– Разложение Абакумова налицо, – продолжал Игнатьев. – При обыске в его квартире найден целый склад золота, ширпотреба. Изъято около трехсот пятидесяти пар различной обуви, обнаружена целая комната со стеллажами, забитыми отрезами шерсти, шелка и других тканей, большое количество галстуков, литые из золота дверные ручки...

– Хватит! – Коба положил трубку в пепельницу. Медленно сел в свое кресло.

– Мы сняли все это на пленку, товарищ Сталин. Альбом я оставил в приемной.

Коба позвонил туда. Поскребышев принес альбом с фотографиями.

Коба стал листать страницы. Я с изумлением увидел, как сильно у него дрожат руки. Он заметил мой взгляд, отложил альбом, поднялся, взял трубку, закурил:

– Скажите мерзавцу: если этот альбом показать рабочим... показать, каким стяжательством занимается советский министр государственной безопасности... пощады ему не будет. Заковать его в кандалы! И допрашивать! Допрашивать жестко! Все они переродившаяся буржуазная сволочь. Нам, старым партийцам, подобное буржуазное стяжательство и в голову не приходит. А у них – норма! Мерзавцы!

Когда Игнатьев ушел, Коба зло сказал мне:

– Докатались ваши ротозеи! Оказалось, на Лубянке за вашими спинами десятилетиями орудовала мощнейшая сионистская организация. Через жидов-генералов и отдельных русских ротозеев-маршалов она проникла в армию, через негодяев-мингрелов – в Грузию, а через евреев-следователей – к вам на Лубянку. И мерзавец Абакумов был ее прихвостнем! Вот почему на Лубянке у него собралась целая группа евреев-заместителей, почему он упорно тормозил, «смазывал» следствие против еврейских врачей. Почему раскрытую еврейскую молодежную организацию объявил «чепухой» – здесь мерзавец опять смазал следствие. Да, они повсюду! Враги, как тараканы. Перестаешь морить – снова появляются! Но ничего, вытравим, Фудзи, хотя работать придется не покладая рук! Подлецы мингрелы арестованы. У вас на Лубянке арестованы все руководящие жида. Дорежем! Не будет у нас «пятой колонны»!.. Ну ладно, иди – делай свое дело.

Отправились в тюрьму по обвинению в сионистском заговоре большие начальники-евреи – Селивановский, Шварцман, Броверман, Эйтингон и Андрей Свердлов (Андрею, так усердно служившему, предстояло понять, что Бог все-таки есть!).

Все яснее прорисовывались контуры будущего гигантского процесса, придуманного моим великим другом. Пятьдесят третий грядущий год должен был затмить год тридцать седьмой. И все яснее становилась моя судьба. Как когда-то писал Кобе бедный Бухарин: «Тут без меня не обойтись!»

Но тогда... что же означало предсказание: «Пятьдесят третий год – Самсон, разрывающий оковы»? «Кудесник, ты лживый, безумный старик?..»

«Устройство»

А пока я занялся работой. Три дня вместе с молодыми сотрудниками монтировал «устройство» на даче. В это время люди из Подразделения X под руководством моих ребят из «шарашки» установили ретрансляторы по пути к Ближней даче.

После чего смонтировали «устройство» в особняке Берии, в квартирах Молотова, Хрущева, Маленкова, Микояна и Булганина (под видом замены к зиме батарей отопления). Установили его и в Кремле – в приемной кабинета Кобы.

Теперь Коба, не выходя из комнаты, мог слушать все, что происходило во всех комнатах дачи, в приемной в Кремле и, главное, – на квартирах ближайших соратников.

Никогда не забуду, как он включил «устройство» в первый день. Сначала слушал собственную дачу. Включал, играясь, как ребенок, все комнаты обслуги и «прикрепленных».

Включив кухню, услышал, как один из «прикрепленных» пристает к поварихе. Выключил, мрачно произнес:

– Гнать мерзавца надо.

Потом вновь включил, послушал, как Валечка берет у кастелянши белье – перестилать ему постель на ночь.

После чего сказал:

– Теперь ты сможешь вернуться домой, Фудзи. Жена, наверное, волнуется. Обо мне вот некому волноваться...

– О тебе волнуется весь мир, – заметил я угодливо.

– Эх, Фудзи, мир – это не жена. – И в который раз повторил знакомое: – Такой был маленький пистолетик. Зачем Павлик ей его подарил? А может, знал ее, затем и подарил? Но как же она могла так предать... – И, как обычно, перескочил на новую тему: – Думаю, мы отметим твое усердие еще одной правительственной наградой. Не забудем и тех, кто создал «устройство».

(Я и они получили Сталинскую премию первой степени. Излишне говорить, что они вернулись в «шарашку». Только больше ни с кем не могли видеться, даже с дамами из госбезопасности. Им надлежало отныне обслуживать «устройство», они были к нему прикреплены навсегда.)

Опять Коба включил «устройство». Услышал свою приемную в Кремле. Голос Поскребышева, разговаривавшего по телефону:

– Отдыхает он, Лаврентий Павлович.

Голос Берии:

– Я хотел ему показать челюсть Гитлера. Ее привезли. Вы сообщили?

Голос Поскребышева (с вечной насмешкой):

– А как же! Мы все сообщаем товарищу Сталину, Лаврентий Павлович.

– И какое решение принял товарищ Сталин? – спросил Берия.

Поскребышев:

– Товарищ Сталин промолчал.

– Я хотел бы соединиться с Иосифом Виссарионовичем...

– Нельзя, – с удовольствием сказал Поскребышев. – Пока там нет «движения».

Минут через двадцать в приемную опять позвонил Берия:

– Есть новости?

– Никак нет, товарищ Берия. Нет «движения». Как только начнется, тотчас вас соединим.

Поскребышев не успел закончить, как Коба вступил в разговор:

– Ну что там у тебя, Лаврентий?

Берия ответил после паузы – он явно опешил от такого внезапного включения спящего на даче Кобы.

– Все подготовили, Иосиф Виссарионович. Первое заключение судебно-медицинской экспертизы, акты о перезахоронениях... Было восемь перезахоронений. И мне доставили вещественные доказательства смерти Гитлера – кусок обивки дивана с его кровью... Две челюсти – его и Евы Браун. И заднюю стенку черепа Гитлера... Все это сейчас у меня. Что с этим делать, Иосиф Виссарионович?

– В Мавзолей мы не положим, это ясно... К тебе сейчас поедет товарищ Фудзи. Покажи ему все. – И повесил трубку. – А ведь был союзничек... Все играл, всех обманывал. Вот и доигрался, подлец... осталась одна челюсть. Симонов... – (это был любимый писатель Кобы), – смог бы написать стихи: Гитлер наконец-то вошел в Москву, которую мечтал завоевать, в виде собственной челюсти... – Засмеялся. – Хорошее могло бы быть стихотворение. Но нельзя...

Труп Гитлера

Нельзя, потому что секретно. Эту историю с трупом Гитлера трудно будет понять вам, будущим историкам. Для этого надо знать характер Кобы. Уже 5 мая 1945 года солдаты из Третьей армии нашли обгоревшее тело. Была экспертиза, она подтвердила – останки принадлежат Гитлеру. Но с самого начала Коба решил скрывать их от союзников. Велел Жукову объявить прессе, что никакого трупа Гитлера мы не нашли и о его судьбе сказать ничего не можем. Но заодно отметить, что взлетная полоса на аэродроме Темпельхоф в Берлине не была разбомблена. Напротив, находилась в момент взятия города в отличном состоянии. Намекнуть – мол, Гитлер вполне мог улететь из Берлина.

На Потсдамской конференции Коба заявил: «Гитлера нет в наших руках – ни живого, ни мертвого». Зачем? Коба не мог без интриги. Думаю, хотел попугать союзничков – дескать, русские темнят, потому что захватили Гитлера живым и решают, что с ним делать... Но сейчас он волновался сам. Потому что с лета 1949 года пошли упорные слухи, будто Гитлеру и вправду удалось спастись и он скрывается в Аргентине у президента Перрона. Появились даже свидетели, видевшие его. К 1952 году слухи эти набрали силу. Коба поручил Берии провести новое расследование.

Сейчас люди Берии, видимо, раскопали погребение Гитлера и привезли останки.

– Доигрался, подлец, – повторил Коба. – Помнишь город Львов? Его помнишь?

Я помнил. Еще как помнил! Но сказал:

– Нет, не помню.

– Правильно, никогда не вспоминай, – кивнул Коба. – Но почему возник этот слух? А вдруг мы и вправду ошиблись?! Ведь взлетная полоса на Темпельхофе, действительно, была в порядке. Ладно, включи-ка Мингрела... – Коба не мог оторваться от своей игрушки.

Я включил.

– Ну вот, у тебя сразу включается, – сказал он. – А у меня работает через раз...

Я попытался (снова!) объяснить порядок включения и то, почему у него возникают проблемы. Но он был абсолютно туп в технике. Зло прервал меня (он и в детстве очень злился, если чего-нибудь не мог):

– Тихо! Я слушаю!

Предсказание Мессинга

В кабинете Берии разговаривали двое, и оба с акцентом. Один – с грузинским (Берия), другой – с легким иностранным... Я сразу узнал этот другой голос.

– Здравствуйте, товарищ Берия, – произнес он.

– Садитесь, товарищ Мессинг. Товарищ Сталин поручил нам одно деликатное задание. И мы решили узнать ваше мнение...

– Колдуна твоего на помощь позвал, – засмеялся Коба.

– Я хочу, чтобы вы посмотрели на эти две челюсти, – сказал Берия.

– Мне не нужно на них смотреть. Я, лишь войдя в здание, понял, что *он* здесь. Хотите услышать, как все произошло? Он принял яд... и женщина вместе с ним... Они оба умерли мгновенно... Сидели неподвижные на диване. После чего кто-то в штатском... подходит к нему... и стреляет... Стреляет в мертвеца.

– А почему стреляет, если он мертв?

– Не знаю. Но вижу, что стреляет.

– Вы, как я помню, предсказали гибель Гитлера?

– Да. Я сделал это. И указал даже год. Все было напечатано в польских газетах.

– И давно вы предсказали?

– В тридцатых годах.

Наступила тишина.

– И все-таки как вы это делаете?

– Многоуважаемый товарищ Лаврентий Павлович Берия! Вы меня об этом уже спрашивали. Это то же самое, как просить композитора объяснить, почему у него в голове звучит музыка. Я ничего не могу объяснить. Я могу только объявлять то, что слышу... или вижу.

Опять помолчали.

– Мне сказали, что у вас бытовые сложности с квартирой. Поможем.

– Очень обяжете. Комнатка у меня совсем небольшая.

– Напишите сейчас заявление на мое имя...

– Пошли бериевские глупости... – усмехнулся Коба и отправился в ванную.

Он был там, когда *все случилось*... Если бы он знал, что пропустил!

– И заодно, – продолжил Берия после долгой паузы, – напишите мне... – Он замолчал.

Я хорошо знал Мессинга и представлял, как он улыбнулся привычной вежливой улыбкой. И его голос после того, как он *это* написал и, видимо, отдал Берии. И шепот Берии:

– А я?..

Мессинг спокойно:

– Вы в это время еще будете жить.

Берия торопливо:

– Завтра вы сможете въехать в квартиру.

Именно в этот момент из ванной вернулся Коба.

Я приготовился рассказать ему, как Берия допытывался о его смерти. Я ненавидел негодяя, который выбил мне зубы, но... Но не рассказал. Пожалел Мессинга? Нет, просто уже тогда понял: Берия мне пригодится.

Коба с усмешкой спросил:

– Наверное, пугал товарища жида?

– Да нет.

– Странно. Большой Мингрел у нас товарищ Малюта Скуратов. – Коба прыснул в усы. –

Он не выносит тех, кто его не боится. Может, потому что сам... очень боится. – Опять засмеялся. – Вот наш писатель граф Алексей Толстой его не боялся, знал, что товарищ Сталин его в обиду не даст. Рабоче-крестьянский «красный» граф! И поместье товарищ Сталин дал ему под Москвой... оно не только на графское – на царское потянет. Огромное у него было тело, жирен. Толстый Толстой, щеки висели по плечам. И матерщинник был великий. Он весь Петрухин (Петра I) большой матерный загиб в триста шестьдесят матерных слов мне повторил без запинки. И вот однажды Лаврентий решил меня разочаровать в графе. Положил мне на стол оперативное донесение – речи пьяного «красного» графа, когда тот лежал на бляди, подосланной Лаврентием. Ебучий был граф... Академик, депутат, лауреат – сколько почета ему дали! А он откровенничает с блядью: «Я, – говорит, – хочу одного: хорошо жить. Но для этого надо писать то, что хочет Усатый...» – Так он товарища Сталина, который ему все дал. – «И я, – говорит, – пишу. Закончил Петра Великого, когда наш Усатый пересмотрел историю. Петр стал у него великий пролетарский царь! Черт с ним, все переписал». После чего граф сообщил бляди, будто ему душно у нас! Мол, Усатый не понимает, что без свободы нет литературы... И пошел, и пошел... Прорвало контру! Лаврентий смотрел, как я читаю донос, и ждал! Обожает, когда любимцы товарища Сталина сволочью оказываются. Любит вынимать людей из моего сердца. И тут товарищ Сталин спросил мудака Лаврентия: «Как думаешь реагировать?» И конечно, Мингрел сморозил глупость: «Думаю, с Толстым расстанемся». «Это как же, говорю, великого писателя, автора нужных нам произведений – в расход? Сколько лет его кормили, а теперь все произведения под нож? Отдать задаром такое идеологическое оружие?» Наконец глупец правильно меня понял. И говорит: «А не провокаторша ли осведомительница?» «Правильно, Лаврентий. Уж не хочет ли она попросту выбить из наших рядов знаменитого писателя, который, как я слышал, *очень болен?*» Далее все было правильно. Блядь расстреляли. А «красный» граф... быстро умер, оказалось, вправду был очень болен. – Коба посмотрел на меня желтыми глазами и добавил: – Товарищ Сталин очень не любит неискренних людей, не забывай, Фудзи... Поедешь к Берии. Все, что он скажет, доложишь... Впрочем, подожди. Может, еще что-нибудь узнаем.

И позвонил по домофону:

– Саркисова.

Старательно грохоча сапогами, вошел человек в полковничьих погонах – Саркисов.

– Товарищ Сталин, начальник охраны члена Политбюро товарища Берии Лаврентия Павловича полковник Саркисов по вашему приказанию прибыл!

– Ну что ж вы все тянетесь бравым солдатом Швейком! Докладывай, что у вас нового.

– Порученец товарища Берии Левон Нодия ездил вчера по улицам, высматривал девушек.

И высмотрел известную актрису – товарища...

Коба прервал:

– Куда летишь? Чего торопишься! Ее имя напишешь мне на бумажке.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Учись охранять честь советской женщины. Что дальше было?

– Он привез ее в особняк товарища Берии.

– Дальше.

– Товарищ Берия был у вас в гостях. И вошел к ней только на рассвете, когда вернулся.

– Ну, дальше, не стесняйся.

– Она лежала в кровати, спала. Товарищ Берия сел на кровать, разбудил ее и спросил, как она оценивает международное положение? Она засмеялась. Но потом сказала: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы мира возьмут дело в свои руки...» Ваши замечательные слова повторила.

Это были слова Кобы из его интервью, опубликованном в «Правде». Они висели теперь на домах и в парках по всей стране. «Считаете ли новую мировую войну неизбежной?» – спросил Кобу корреспондент. Точнее, Коба спросил сам себя, потому что он всегда сам писал вопросы к себе. И сам ответил: «Нет. По крайней мере в настоящее время ее нельзя считать неизбежной. Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело мира в свои руки и будут отстаивать его до конца...» Я, глупец, не понимал тогда, почему Коба заговорил о войне. Страшный Коба. Великий Коба...

– После чего она сбросила с себя одеяло, – добавил Саркисов и замолчал.

– Ну? – поторопил Коба брезгливо.

– Ничего! Товарищ Берия поглядел на нее и поинтересовался, как она живет в бытовом плане. Оказалось, живет в коммуналке. Товарищ Берия Лаврентий Павлович пообещал ей дать отдельную квартиру, еще немного посидел и ушел.

– А не врешь ли ты, Саркисов?

– Никак нет. В последнее время это часто бывает. Не то что раньше. Я составил список прежних дел товарища Берии. Здесь двадцать пять девушек, с которыми он жил. Указаны все его незаконные дети. Но теперь он...

– Кто у него был сегодня, кроме этой бляди?

– Товарищ Мессинг сейчас у него. Товарищ Берия думает у него спросить, настоящий ли у нас труп товарища, то есть... Гитлера.

Коба засмеялся:

– Пошел вон... Твой Мингрел попросил тебе орден. Наградим за глупость.

Когда Саркисов вышел, он сказал:

– Не хитрит ли Лаврентий с этим трупом? Поезжай к нему на Лубянку, посмотри на эти останки. И понюхай воздух. Оттуда уже можешь домой. Сколько тебя дома не было?

– Почти год.

– А мне кажется, что ты уехал вчера. Как же быстро у нас, стариков, несется время.

Я вошел в кабинет Берии. В третий раз в жизни. В первый раз в этом кабинете он выбил мне зубы. Во второй раз меня здесь освободили. Это был третий...

Помню, в углу комнаты стоял столик. На столике, на стеклянной подставке, лежали три предмета. Обгоревшие челюсти Гитлера и Евы Браун и кусок кости – крышка черепа Гитлера с пулевым отверстием. На стуле висел кусок материи со светло-коричневым пятном когда-то запекшейся крови.

В центре кабинета старый еврей-портной с мелком в руке примерял Берии костюм. Берия стоял в голубых кальсонах и пиджаке. В руках у него были бумаги. Чуть поодаль на стуле расположился огромный детина в форме полковника СМЕРШ, и тоже с бумагами в руках.

– Не мешковат? – спросил Берия портного, просматривая бумаги.

– Элегантный. Будете носить и меня хорошо вспоминать, – ответил портной, рисуя мелком на пиджаке. И пропел: – «Шик-блеск, супер элеган на пустой карман...»

Костюм Берии явно нравился. И вправду было в этой мешковатости что-то элегантное, английское.

Примерка закончилась. Портной, нежно укладывая костюм, тихо-тихо спросил... скорее, прошептал:

– Осмелюсь напомнить... – И лицо его вмиг стало слезливым, жалким.

Берия усмехнулся:

– Сынок твой уже в театральной бригаде. Все сделано, иди!

Это значило: несчастного сына портного перевели в лагерный рай – в такую же театральную бригаду, в которой я когда-то заведовал костюмерной.

Берия надел штаны, сел за стол и окончательно углубился в документы.

– Ты принимал участие в опознании? – спросил он громилу-полковника, не отрываясь от бумаг.

– Так точно. Его и Еву Браун нашли 5 мая во дворе рейхсканцелярии, в нескольких метрах от запасного выхода. Солдат Чураков нашел и еще кто-то. Оба трупа лежали в воронке от снаряда, очень обгоревшие. А до этого недалеко нашли едва обгоревшие трупы Геббельса и его жены. Дети Геббельсов мертвые были обнаружены в самом бункере. Трупы Геббельса и Гитлера мы перенесли в гитлеровский кабинет рейхсканцелярии. Так что он вернулся к себе в кабинет, но очень обуглившийся...

– Шутить будешь в другом месте.

– Такой огромный кабинет – громадная зала, и стол, тоже огромный, к окну придвинут. По стенам – гобелены, большущий глобус на полу. И рядом в пол ввинчены светильники. Мы зажгли их – горят, как елки новогодние. Оба обгоревших трупа на стол положили. Гитлер, рядом Геббельс... Геббельс, как я докладывал, куда меньше сгорел, даже носок на ноге сохранился, причем заштопанный... У обоих во рту, как показала экспертиза, оказались стекла от раздавленных тонкостенных ампул с цианистыми соединениями. В столе у Гитлера нашли рисунки...

– Ты принес?

Полковник положил перед Берией несколько акварелей.

Берия рассматривал акварели. Я тоже подошел и через плечо заглянул. Дворик с деревьями... Лесок... Лужайка в парке...

– Секретарша Гитлера подтвердила, что это его рисунки, – сказал полковник. – Мне наш капитан, с которым мы осматривали труп, пояснил, что в молодости фюрер хотел быть художником. Бродяжничал в Вене, продавал картинки свои, причем основные покупатели были мелкие торговцы евреи. И когда он Вену занял, евреев, хозяев своих картинок, велел отыскать, их отправил в лагерь, а картинки забрал обратно. Видать, перед смертью рассматривал свои художества – молодость вспоминал.

– А ты зачем картинки себе взял?

– Чтоб не погибли... и на память.

– Значит, считаешь, что труп настоящий?

– Не извольте сомневаться, Лаврентий Павлович. Самый что ни на есть он, – развеселился полковник. – Мы сумели найти его дантистку... она нам разыскала снимки его челюстей. И подтвердила – зубы его. Это Гитлер. Потом нашли его слугу. Линге – фамилию помню. Он достаточно долго нам врал. Пришлось обойтись посуровее, и он признался, что именно он стрелял в голову фюрера. Оказалось, эта была воля Гитлера. Он боялся попасться в наши руки живым, вдруг яд не до конца подействует, и попросил этого Линге сделать

контрольной выстрел. И обязательно сжечь труп. Видно, также боялся, что трупы отвезут в Москву на посмешище. После чего попросился и отослал всех из комнаты. Линге ждал за дверью и вошел только через несколько минут. Гитлер сидел на диване, рядом Ева Браун, также на диване, поджав под себя ноги, оба недвижимые. Говорит, пахло миндалем – это запах цианистого соединения. И тогда он сделал контрольный выстрел, как просил Гитлер. Поэтому кровь осталась на обивке дивана. И наша комиссия этот кусок с кровью вырезала... – Он кивнул на кусок обивки. – После чего Линге с эсэсовцами и Геббельс завернули тела в одеяла и вынесли из рейхсканцелярии. Они сложили их в воронку от нашего снаряда и подожгли. Дотла сжечь не сумели. Не было ни времени, ни достаточно бензина, кроме того, наши непрерывно обстреливали. Когда огонь погас и трупы стали неузнаваемы, они отдали честь останкам и вернулись в бомбоубежище. В этой воронке и нашли трупы. Проведена была самая тщательная медэкспертиза. После нее мы захоронили их всех в деревянных ящиках. Перезахоранивали несколько раз – каждый раз, когда появлялись сведения, что немцы откуда-то узнали...

– Кого – всех?

– Там в бумагах написано. Всех, кого тогда обнаружили около бункера и внутри, – Гитлер, Ева, Геббельс, его жена, генерал Кребс, дети Геббельсов и отдельно в корзине трупы двух собак Геббельса и Гитлера. Охраняли могилу мы – СМЕРШ Третьей ударной армии. В 1946 году, когда штаб Третьей армии переезжал в Магдебург, мы опять вырыли останки. Очень они к тому времени разложились. И в тех же деревянных ящиках вместе с другим войсковым имуществом увезли с собой. Закопали их ночью во дворе дома на улице Вестэндштрассе, где и нынче располагается наш отдел СМЕРШ Третьей ударной армии. Именно тогда эти челюсти Гитлера и Евы Браун и кусок его черепа мы отправили к вам с товарищем генералом Мешиком. Никаких сомнений, повторяю, ни у кого не было.

– Это хорошо. Но помни: если в чем ошибся, займешь их место в могиле. – Берия любил подобные обороты. – Ступай. – И, стараясь не глядеть на меня (нелегко глядеть в глаза человеку, которому выбивал зубы), сказал: – Все, что здесь слышали, передадите Иосифу Виссарионовичу. – И вдруг обратился ко мне по-грузински: – Ай-ай, ты... – (на «ты»!) – опять старое вспомнил. Вроде договорились. Очень прошу тебя – забудь, постарайся! Ну мы еще поговорим...

Я ничего не ответил и вышел в коридор.

Я был изумлен. Всемогущий Берия, наглый, самоуверенный – «просил»! Этого не могло быть! Точнее, могло быть только в одном случае – *если я был ему очень нужен*. Именно тогда я стал верить ему. И ждать дальнейших шагов. Я уже не сомневался: они скоро будут.

Сюрприз в «устройстве»

Я вернулся домой... Жена привыкла, что иногда я не прощался с нею и исчезал. Так бывало, когда я срочно уезжал туда (так мы с ней называли Запад). Но в этот раз я пропал на одиннадцать месяцев. И хотя ей регулярно звонили, сообщали, что я на Западе и все у меня там благополучно, женщины – особые существа. Особенно когда они нас любят.

Обнимала и шептала сквозь слезы:

– Я чувствовала, что ты где-то здесь. Мне часто снился дом, полный охраны, и маленький памятник – почему-то Пушкину. В последнее время я уже начала думать о худшем. Правда, было непонятно, отчего тогда я на свободе. Я не выдержала и купила сорок таблеток снотворного, чтобы уже *там* нам встретиться, если... придут. *Там* нам никто не помешает быть вместе. Все эти месяцы просыпалась по три раза за ночь. Потом плелась полусонная на работу и ждала...

Она заплакала. Жалко била меня кулачком в грудь и целовала. Я понял: она моя жена до смерти. И еще я знал, что больше никогда не дам отправить ее в лагерь. Не знаю как, но точно не дам.

Моя дочь Майя-Сулико с испуганным лицом смотрела на нас. Я ее обнял.

На следующий день поздним вечером я приехал на Ближнюю.

Коба сидел в Малой столовой.

Вслед за мной приехал Берия. Коба развеселился:

– Скажи, Фудзи, может, освободим от работы товарища Берию? Я слышал, он ебаться перестал. Я вот трубку курить перестал, здоровье не позволяет, а он – ебаться. Что сказал бы о нем наш друг Авель? Вот кто был ебарь, Лаврентию не чета. Мастер! Бедный Авель... Все ссал против ветра.

Берия предпочел не услышать про Авеля, сказал:

– Других дел много, товарищ Сталин, не до баб.

– Ну ладно, иди в столовую. Я сейчас приду.

Берия пошел в Большую столовую, где, как обычно, уже собирались полночные «гости».

– Старееет. Время летит... Вроде вчера первый кот был, а нынче птенчик из штанов не вылетает, – усмехнулся Коба. – Оказалось, уже полтора десятка лет, как он в Москве. Неужто и вправду: гроб – и все? И ведь скоро это и для нас, Фудзи. Но если не так? Если *там* что-то есть? Тогда почему Бухарчик... он был умный, не тебе чета... он ведь тоже *не верил*. Надпись на могиле японского мудреца цитировал: «Ничего». От него много поучительного осталось, а от тебя, Фудзи, от всех вас это самое – «ничего»... И проверь «устройство». Власик, как мне сказали, в твое отсутствие придумал в твоей комнате «отдыхать» с поварихой. А я как не включу твою комнату – тишина. Или врут про Власика, или оно попортилось.

Коба ушел в Большую столовую пировать с приехавшими «гостями». В комнату вошла Валечка – стелить ему постель. Видно, решил сегодня спать здесь.

А я отправился к себе. Уже уходя, слышал, как, напевая, она начала менять постельное белье и беседовать... с отсутствовавшим Кобой: «Чтобы вы, Иосиф Виссарионович, отдыхали всегда на свежем и чистом...»

Моя комната, как я уже писал, находилась в пристройке, где жили «прикрепленные»,

рядом с кабинетом Власика. Здесь я спал, когда оставался на даче. «Устройство» было установлено в люстре. Я забрался на стул и стал осторожно обследовать. Люстра была чешская, богемского стекла, с толстым бронзовым ободом, в который и вмонтировали «устройство».

И вот тогда, проверив контакты проводов (все было в порядке), я обнаружил с тыльной стороны обода люстры странную кнопку. Нажал ее и... услышал голос Валечки, напевающей песенку... в комнате Кобы! Голос был еле слышен... Звук выставили очень деликатно. Я облился потом... и торопливо выключил. Потом... все-таки опять нажал на кнопку и с трудом, но услышал (услышал!) голос Валечки, звонившей по домофону из его комнаты, видимо, на кухню: «Клава, принеси нарзан...» Она всегда ставила ему на столик бутылку нарзана.

Сомнений не было: кнопка включала Малую столовую, где он особенно часто жил и ночевал! Значит, мои ребята из «шарашки», монтировавшие «устройство», придумали... точнее, решились придумать... чтобы слушал не только он, но и его! Они тогда месяц жили в моей комнате. Зачем они сделали это? Попросту схулиганили... молодые ведь. Или чье-то задание? Конечно, я должен немедленно рассказать ему! Но я не мог погубить этих молодых гупцов. А погубить себя? Хорошо, черт со мной, но погубить дочь, жену... Нет, как не сказать?! Конечно, сказать! Нет, не сказать... Я, когда-то бесстрашный Фудзи, повторюсь, смертельно боялся только одного человека в мире...

Так и не решив, что делать, я лег спать. Но заснуть уже не мог: сказать – не сказать?!

В четыре утра по домофону позвонил он:

– Ну, что там?

Я уже собрался сказать, но... Не сказал.

– По-моему, все в порядке. Ты опять нажимаешь не ту кнопку, Коба. Третья справа. Включил?

– Ну, включил.

Я запел.

– Слышу! Чертова головоломка. Я сейчас спать пойду... а ты ступай в фельдъегерскую и послушай Мингрела. Он минуток через двадцать вернется от меня домой. Запиши его болтовню, если будет интересно...

За мной пришел прикрепленный Лозгачев и отвел меня в фельдъегерскую.

Открытие Берии

Фельдъегерская была первой комнатой по коридору, если идти к Кобе из пристройки. Здесь оставляли для него почту из Кремля, присланную с фельдъегерем. Здесь тоже работало «устройство».

Чертыхаясь (очень хотелось спать), я включил особняк Берии. «Устройство» прослушивало спальню и кабинет.

Я услышал, как Берия, видно, только что вернувшийся, прошел в кабинет. И еще какие-то шаги.

Голос Берии:

– Ну?

И голос Саркисова:

– Спросил про актрису, я ответил, как договорились.

Берия:

– Спишь на ходу, мудак. Иди!

Послышались затихающие шаги, и в кабинете наступила тишина. Он явно пошел спать. Я включил спальню.

Через несколько минут стало слышно, как он будит жену, ее сонное мычание. Представил, как эта красавица-грузинка несчастно мотает головой, пытаюсь открыть глаза.

– Спишь?

– Уже не сплю. – Ее сонный голос. – И когда же это кончится... Ему – что! Он подрыхнет до полудня, а ты уже в семь встаешь и меня будишь!

– Знаешь, о чем он думает? О новой войне.

– Пусть думает. Я спать хочу.

– Но он в это время и о нас с тобой думает.

– Как это? – Она явно проснулась.

– Третья мировая... – (Значит, правда!) – Я не боюсь за человечество. О нем пусть думает Бог, это его работа. Я за вас боюсь, за тебя и Серго – (сын Берии). – Тридцать седьмой помнишь? Он тогда начал готовиться к войне. И что он сделал? Первым делом избавился от всех ленинских стариков. На войне нужны молодые руководители. Всю партию старую извел.

– Но ты молодой.

– Пятый десяток. Такие ему уже не нужны. Нужны молодые, работающие по двадцать четыре часа. И, вообще, он устает от хорошо знакомых лиц, они его невероятно раздражают. Знаешь почему? Они его слишком хорошо понимают... И он хочет, чтоб я это все знал. И чтоб сомнений у меня не было, он Саркисова вызывает, расспрашивает. И при этом велит ему доносить мне обо всех расспросах. Будто красными флажками волка окружает, чтоб у меня от страха столбняк был. Как змея яд впрыскивает. Мучитель, поганец! – Он целовал ее. – Уйти от меня хочешь? А как жить одному? Кому тогда жаловаться, милая?... Жена нужна, чтоб жаловаться было кому...

Женский стон... Видно, приласкал...

Она грузинка, порядочная женщина, и я не решился больше слушать. Уже собрался выключить, когда раздался взволнованный голос Берии:

– Подожди!

Она хотела что-то сказать, но только промычала... Похоже, он закрыл ей рот.

Его шаги... Долго ходил. Неужто догадался? Ищет?

Ее голос:

– Ты что?

Сопенье, шаги.

Ее голос:

– Ты куда лезешь?

Я понял: он взял стул, сообразил, что *это* – в люстре.

У него была огромная люстра начала девятнадцатого века. На бронзовом обруче – маленькие бронзовые львы с открытыми пастьями. Один из них и служил миниатюрным микрофоном. Я услышал его торопливый голос:

– Спи, пожалуйста. Завтра поговорим.

Как потом он мне рассказал, в тот день он мучительно думал, почему Коба так странно вклинился в его разговор... И в кровати вдруг догадался. Весь день думал и на жене догадался!

С тех пор кроме слов преданности Кобе и пустяковых разговоров из его комнат ничего не слышали.

Но вопрос у него тогда остался. Главный вопрос. Вопрос жизни и смерти: слышал ли Коба тот его разговор с Мессингом?

Коба не слышал. Потому что я стер эту запись.

Накануне невиданного процесса

Незадолго до этого в Москве прошли закрытые судебные заседания по делу *Еврейского антифашистского комитета (ЕАК)*.

После ареста Абакумова дело успешно вел Рюмин, не обманувший надежд Кобы. Он выбил признательные показания. Но на суде произошло неожиданное. Все сознавшиеся члены Еврейского комитета отказались от своих показаний. Они объявили, что Рюмин пытал их, жестоко избивал. В суд тотчас приехали Маленков и министр Игнатъев. Потребовали от председателя суда немедленно завершить процесс. Процесс торопливо завершили. Коба был щедр: расстреляли почти весь ЕАК. Уцелела только академик Штерн, милая симпатичная старушка.

Одновременно было начато множество дел, объединенных с этим. Оказывается, ЕАК и сионистская организация «Джойнт» руководили вредительствами инженеров-евреев на шахтах Кузбасса, на автомобильном заводе имени Сталина и так далее. Целая группа еврейских деятелей культуры, известных всей стране, во главе с писателем Эренбургом, поэтом Маршаком, композитором Блантером уже упоминалась в показаниях арестованных, и по ним было начато следствие.

В это же время высланная в Кустанай жена Молотова Полина была перевезена в Москву. Как рассказал знакомый следователь, Объект номер двенадцать (так ее у нас официально называли) по-прежнему отрицала «сговор с сионистским шпионом Михоэлсом». Но успокоила следователя – мол, тем не менее, готова показать на процессе все, что прикажет ей партия. Она осталась верной своему богу Кобе и нашей партии. Ей, видимо, предстояло стать одной из звезд готовящегося процесса.

«Хлеба и зрелищ!» Готовя лакомое для народа Зрелище, мой друг, подобно истинному Цезарю, не забывал о Хлебе. Последовало очередное снижение цен. По радио целый день передавали отклики простых граждан, звучали счастливые голоса: «С чувством радости и глубокого удовлетворения я, токарь автомобильного завода имени Сталина, воспринял очередное снижение цен...» Цены впрямь были снижены. Жаль, что продукты по ним продавались только в Москве.

Все Подмосковье ехало в выходные в столицу покупать (скупать) продукты. Но Коба думал обо всем, и в выходные из Подмосковья в Москву теперь курсировали буквально считанные электрички.

Глубинка России жила впроголодь. Однако люди не жаловались, они говорили: «Ничего, в войну было куда хуже». И терпели!

Спортивные страсти сына

Кажется тогда же, в эти летние дни, состоялось падение Васьки.

Сначала все было весело. Коба вызвал меня на Ближнюю.

На веранде сидели он и Берия. И, с трудом скрывая торжество, он сокрушенно сказал:

– Понимаешь, Фудзи, какая нехорошая вышла история. Лаврентий жалуется, что мой подлец сумел выкрасть из лагеря отбывающего наказание футболиста.

– Товарища Старостина, – уточнил Берия.

(Сцена очень напоминала мой любимый роман Дюма: счастливый король выслушивает жалобы кардинала Ришелье на удальство королевских мушкетеров.)

– Прости, не знаю... Товарища Черчилля знаю, товарища Рузвельта, а вот товарища Старостина нет... Короче, Васька привез его в Москву, чем очень обидел Лаврентия. Нехорошо, ай как нехорошо повел себя товарищ генерал, – гаерствовал Коба.

– Вчера он увел жену члена Союза писателей, – добавил Берия.

– Здесь поступим, как обычно. Жену писателю вернем, а Ваську за это на денек на гауптвахту. Но со Старостиным ситуация посложнее. Он его где-то прячет. И я подумал подослать к Ваське опытного разведчика... тебя, Фудзи... Васька тебя уважает, должно быть, потому что мало видит. Найди футболиста и заодно образумь товарища начальника ВВС Московского округа. – С каким удовольствием произносил он всегда Васькин титул.

Когда Берия ушел, Коба со вздохом повторил любимую фразу:

– Трудно мне с ним. Я ведь сын сапожника, а Васька – генералиссимуса.

И я поехал.

Васька уже успел развестись (и не раз!) и теперь жил в особняке на Гоголевском бульваре вместе с детьми. Его дома не было. Открывшая дверь грузинка-нянька сразу преисполнилась ко мне доверия из-за моей грузинской внешности.

– Как же вы похожи на его отца. Вы уж будьте ему и вправду отцом. А то у товарища Сталина времени на Василя нет. Стыдно сказать, мать детей Василя, пускай разведенная, должна приходить сюда тайком. Он запретил ей видаться с ними. Я устраиваю ей тайные встречи, а он грозит прогнать и даже убить меня. Я за себя не боюсь, не пропаду. Я за детей боюсь... мальчик и девочка, с кем они останутся – с пьяными девками, прости Господи? Или с очередной новой мачехой при живой матери?

Действительно, разведясь, Васька ввязался в череду женитьб. Сперва женился на знаменитой пловчихе Капитолине Васильевой, потом ее бросил. Правда, любовь увековечил. Памятником страсти нежной стал первый в стране крытый бассейн, спортивный подарок сына Цезаря любимой (тогда) супруге. После Капитолины кто только не побывал в особняке: третья жена, бесконечные девушки, состав которых сильно обновлялся после физкультурных парадов... Стоявшие у Мавзолея и на Мавзолее зорко высматривали добычу среди усердно маршировавших по Красной площади физкультурниц. Ночевали с Васькой порой и просто девки с улицы...

Но надо было выполнять поручение. У няни я выяснил, что нужных действующих лиц – Васьки и Старостина – в особняке нет. Он с утра уехал охотиться и забрал футболиста с собой.

– Он его теперь всюду возит, боится, что отнимут, – пояснила грузинка.

Я сел в машину и поехал в его охотничье хозяйство, официально принадлежавшее ведомству Военно-воздушных сил. Ехать пришлось очень долго, под самый Переславль-Залесский. У въезда стояла многочисленная охрана.

Показал удостоверение и допуск. На вопрос, где я могу найти товарища генерал-лейтенанта, ответом конечно же было молчание.

Владение оказалось бескрайним. Внутри, вдоль леса, шла специально проложенная узкоколейка. И рядом с нею – удобная асфальтовая дорога. Дорога была совершенно пустынной. Вдали у входа в рощицу стояли два пятнистых оленя... но тотчас исчезли, как привидения. И опять – никого. Наконец встретился егерь, он брел по дороге со связкой куропаток. На вопрос о Ваське тоже ничего не ответил. Я доехал до большого, явно недавно отстроенного дома, стоявшего у узкоколейки. Около него была охрана. На этот раз я сурово объяснил, кем послан, и попросил найти генерал-лейтенанта.

Услышав имя пославшего, все невероятно засуетились. Офицер немедля куда-то позвонил и, вытянувшись, доложил, что Васька ждет меня в «новом доме». Он сел со мной в машину, и мы поехали вдоль узкоколейки. Показался еще один дом, проехали и его и через пару десятков километров остановились у третьего строения.

Васька, весьма «веселый», встретил меня в подвале дома в окружении трех офицеров.

– Фудзи, садись. Ты вовремя. Мой начальник контрразведки арестовал группу террористов, которые имели намерение совершить теракт против товарища И-Вэ Сталина. Мы сейчас будем допрашивать одного из них! – И скомандовал: – Введите.

Ввели какого-то несчастного офицера в форме майора (как я потом выяснил, работника отдела кадров ВВС Московского военного округа).

Майор был босой.

– На колени, – грозно скомандовал Васька.

Майор с готовностью, проворно выполнил приказание.

После чего Васька объявил:

– Будем тебя пытаться! – И хлыстом ударил его по голым пяткам.

Надо сказать, мне довольно легко удалось прекратить безобразие и уговорить отпустить майора. Перед расставанием с жертвой Васька на всякий случай ударом кулака сбил его с ног. Точнее, хитрый майор явно нарочно рухнул, демонстрируя Васькину силу. Васька потребовал:

– Поклянись, что больше не будешь задумывать покушений на И-Вэ Сталина!

Майор поклялся. Васька обнял его, расцеловал, и они выпили за его раскаяние.

После чего мы поехали в Москву к нему домой.

В дороге захмелевший Васька был очень говорлив. Он рассказал, как удачно обманул нянечку. Под видом Старостина с ним поехал его собственный ординарец, а бедный Старостин отсиживался сейчас в кладовой в особняке.

Помолчав, сам заговорил *о том случае*. Видно, не давал он ему до сих пор покоя.

– После него не могу видеть хоккей...

Тот случай и вправду был страшный. Произошел он два года назад. Васька в то время

обожал хоккей и сумел создать знаменитую хоккейную команду ВВС. Игроки команды получали главное наше богатство – квартиры, не говоря уже о щедрых продуктовых пайках и прочем. Так что многие звезды хоккея быстренько перешли в нее. Команда летела в Челябинск на очередную игру, но из-за сильной метели им пришлось приземлиться в Казани (аэропорт назначения не принимал). Игроки скучали, позвонили в Москву. И тогда Вася своей властью командующего ВВС Московского военного округа разрешил продолжать полет. Одиннадцать лучших хоккеистов, любимцев страны, погибли при посадке самолета в пургу. Вместе с игроками разбился специальный самолет, на котором летали только члены Политбюро и на котором Васька, опять же своею властью, иногда возил команду.

Кобе тотчас доложили, и он конечно же запретил печатать сообщение о катастрофе. В его стране катастроф не бывает. Просто лучшие хоккеисты СССР вмиг куда-то исчезли, и никто не смел ни о чем спрашивать.

– Я после этого втюрился в футбол, – сказал Васька, – чтобы как-то боль унять.

Он начал создавать звездную футбольную команду при помощи тех же благ. Но здесь у него оказался могучий соперник. Фанатиком футбола был Берия. Лаврентий в юности (как я уже писал) был футболистом. И при помощи таких же благ опекал «Динамо» – знаменитую команду МВД. Она тогда соперничала с другой знаменитой командой – ЦДСА (Центрального дома Советской Армии).

Тем не менее Вася сумел набрать много блестящих футболистов. Но его команда ВВС по-настоящему так и не заиграла. Ваське объяснили азбучную истину: команда не заиграет, пока у нее не будет хорошего тренера. Тогда-то он и вспомнил о знаменитом игроке и тренере Николае Старостине.

Это была очень наша история. Старостин – знаменитейший футболист, о нем ходили легенды. Перед войной он играл за «Спартак», и его игра сделала «Спартак» чемпионом СССР. Тогда Берия, мечтавший о чемпионстве для «Динамо», решил вопрос просто – Старостина арестовали и отправили в лагерь, и «Спартак» перестал быть соперником «Динамо».

– Я послал разведку, – хохотал Васька, – и мне быстро доложили, где он отбывал срок. И тогда по телефону правительственной связи я позвонил в кабинет начальника лагеря. Сказал: «Сталин Василий с вами говорит, немедленно позвать Николая Старостина». Начальник обоссался от страха, и через секунду Старостин стоял у телефона. – (Эту картину я хорошо представил, я ведь видел такую же.) – Я сказал Старостину: «Колян, здравствуй, это Василий Сталин тебя беспокоит. Сейчас за тобой летит мой личный самолет. Собирайся в дорогу». И на моем самолете командующего ВВС Московского округа Кольку Старостина доставили в Москву. Теперь на случай нападения бериевских людей мы с ним всегда вместе. Вместе ездим в мой штаб, даже спим в одной комнате. И мне приходится спать с револьвером под подушкой. Я запретил ему выходить без меня из дома. Но ему не скрываться надо, а тренировать мою команду. Объясни это отцу.

– Отец велит тебе немедленно вернуть его обратно в лагерь. Я с этим к тебе приехал.

Ваську явно развезло, он бормотал:

– Слушай, давай ты прикажешь Берии... У меня есть отцовский костюм. Ты похож на отца. У тебя даже тембр голоса похож. Сбрей бородку, зачеши назад волосы. Приедешь к нему в министерство...

Вот тогда мне в первый раз *пришло в голову*...

Но я сказал строго:

– Перестань говорить глупости.

– Да, ты не орел, – вздохнул Васька.

По дороге к его дому мы проезжали мимо Клуба писателей, он приказал остановить машину.

– Здесь у меня важное дело. Видел, как раскаялся майор? Я сейчас тоже раскаюсь, – загадочно пообещал Васька.

Я почувствовал недоброе, просил его ехать домой. Но, выпившего, его было не удержать. Я пошел с ним...

Мы вошли в клубный ресторан. Обшитый деревянными панелями, он прежде был масонской ложей. Сейчас здесь уютно горел камин, за столиками сидели писатели. Цены тут были ниже обычных ресторанных, а еда – куда лучше. Отняв у писателей свободу, Коба заботился об их быте.

Навстречу Ваське поднялся из-за столика элегантный человек средних лет.

– Это, – сказал мне Васька, – мой друг писатель В. Знакомьтесь.

Мы не успели пожать руки, как Васька молча бухнулся перед В. на колени.

Я остолбенел, и писатель тоже.

– Ты что, Василий? – испугался он.

– Я подлец, негодяй! Ты мой друг, а я переспал с твоей женой. Она у меня в Переславле сейчас лежит. За это я назначаю тебя референтом при моем штабе. Работы никакой, но зарплату будешь получать ба-а-альшую. Плюс надбавка, будто ты футболист команды ВВС.

– Я не хочу с тобой говорить. – В. повернулся и пошел из зала.

– Не хочешь, как хочешь, – сказал Васька и поднялся. – Но зря. Выебанного не вернешь, а денежки мог бы получить.

(Уже к вечеру писатель помирился с Васькой, согласился быть референтом, к тому же ему вернули жену.)

Но тогда Васька почему-то пришел в благостное настроение, заказал стакан водки, выпил, и мы продолжили путь к нему домой...

Подъезжая к дому, окончательно подобревший Васька согласился отдать Старостина. Его вывели из кладовки. Васька выпил за него. Потом выпил с ним.

Через несколько часов бедный Старостин отправился обратно в лагерь, правда, перед этим успел побывать у себя дома.

Могу представить, как его встретили и как расстались с ним близкие!

Крах сына и великая мечта

Летом 1952 года с Васькой случилось катастрофа. В самом конце июля состоялся очередной воздушный парад в Тушино. Коба, как всегда, присутствовал на параде. Летчики вместе с любимым сыном должны были продемонстрировать мощь страны Советов.

В это время Васька пил все больше и больше. Готовясь к параду, умудрился напиться до чертиков. Говорят, в тот день он не только не мог командовать парадом, но и ходил с трудом. Командующий дальней авиацией Руденко и главком ВВС Жигарев, посоветовавшись, решились тихонечко отстранить пьяного Василия от руководства.

Парад прошел великолепно. Самолеты выделяли чудеса в воздухе, демонстрировали новую технику. Помню, по окончании парада Руденко и Жигарев прошли, как обычно, к Кобе. Он поблагодарил всех участников парада и спросил, где главный герой, командующий парадом Василий. Кобе конечно же доложили, что Васька нездоров и после парада уехал домой. Коба все понял: Васька «болел» теперь очень часто. Но сделал вид, что поверил, во всяком случае сказал сокрушенно:

– Жаль, парад нынче удался на славу.

После чего все члены Политбюро, руководители армии и ВВС отправились на Ближнюю.

В разгар застолья в Большую столовую пожаловал... Васька!

Видимо, узнал, что празднуют, и, как это бывает с пьяницами, потянулся к застолью.

Надо было видеть Василия, с трудом державшегося на ногах... и лицо Кобы!

– А вот и я, – весело и пьяно объявил Васька.

– Что это с тобой? – спросил Коба.

– Я отдыхаю, – испугался Васька.

– И часто так отдыхаешь?

Васька молчал.

Коба повторил, уже обращаясь к главкому Жигареву:

– И часто этот, с позволения сказать, генерал так отдыхает?

– Бывает, к сожалению, – глухо ответил Жигарев.

– Да пошел ты на хуй! Как ты смеешь, говно?! – в бешенстве заорал на него Васька.

Вспыхнули желтые глаза Кобы. Он стал страшен.

– Вон отсюда! – коротко приказал он.

Васька испуганно поплелся из зала.

На следующий день я снова был у Кобы на Ближней.

Он молча ходил по комнате. Потом сказал:

– Генерал снят со всех постов. Будет слушателем в Военной академии... там посмотрим.

У него не было выхода, мой друг Коба обязан быть справедливым товарищем Сталиным, одинаково строгим отцом всем военным. Хотя Ваську официально никто, по-моему, не наказывал. Он как бы ушел в Академию на время – поучиться, повысить квалификацию.

Конечно же, Коба понимал, почему так пьет Вася. Его слабый сын смертельно боялся

того, что с ним неминуемо случится, когда не станет старого отца... Оттого старался забыться, заливал страх вином. Коба знал, что Васька прав: его старые соратники тотчас избавятся от его сына, слишком многое он о них знает.

Думаю, это было еще одной тайной причиной, почему Коба решил их всех убрать.

Коба в тот день долго молчал, но я чувствовал: он очень хочет что-то сказать. Наконец заговорил:

– Заметил, с какой радостью Мингрел и все они... – (Политбюро), – и эти надутые фанфароны... – (военные), – забравшие большую волю в войну, смотрели на его унижение? Даже не старались скрыть. Неискренние они люди... Всех надо менять. Все не годятся... – и, помолчав, добавил выразительно: – для *великой задачи*.

Что же касается Васьки, вскоре ему крупно повезло.

Начались Олимпийские игры. Мы впервые в них участвовали. И я, далекий от спорта, не знал, что на Олимпиаде происходило величайшее событие – любимый народом футбол! Игрался матч, победа в котором была для Кобы важнее всех медалей Олимпиады. Мы встречались на футбольном поле с главными нынешними врагами – Югославией. С «кликкой Тито»!..

И вся страна, наверное, кроме нас с Кобой, сидела у радиоприемников.

Я был в его кабинете, когда туда вбежал Васька.

– Проиграли, сволочи! Проиграли, отец! – орал он. – Я предупреждал! Все потому, что сунули в сборную одних футболистов ЦДСА и не взяли моих игроков!..

Коба не дослушал. В бешенстве поднял трубку.

– Спорткомитет!

Поскребышев, конечно, ждал звонка. Ждали, должно быть, в параличе от ужаса и в Спорткомитете. Кобу тотчас соединили.

– Ну, что там... с поганим матчем?

Ему, видно, начали рассказывать, но, как часто с ним теперь бывало, от ярости он не мог дослушать.

– Говнюка тренера лишит звание заслуженного мастера спорта! Гнать его из тренеров! Ведущих игроков? Отнять звания! У всех! И вопрос к вам: может ли команда носить имя Центрального дома Советской Армии? Команда, футболисты, которой опозорили имя победоносной Советской Армии?! Команду ЦДСА расформировать! Такой команды у нас нет. Пишите постановление. Вами лично мы тоже займемся потом!

В глазах Васьки светилось торжество. Он понял: лучшие футболисты свободны. Он может сформировать небывалую команду!

Но времени на это у него уже не хватит. Наступали последние месяцы спортивного меценатства председателя Федерации конного спорта, члена Президиума Верховного Совета, генерал-лейтенанта Васьки Сталина...

И его тоже ждал пятьдесят третий год. «Самсон, разрывающий оковы».

В дни террора

В нашем Доме на набережной и в доме на улице Грановского (где так же жили кремлевские бояре) сановитые евреи теперь исчезали каждый день.

Создатель Мумии и главный Хранитель нетленного Ильича Збарский отправился в тюрьму. Незадолго до ареста я встретил его во дворе нашего дома. Он возвращался из гостей навеселе и громко рассказывал своему спутнику:

– Все последнее время стараюсь читать легкие книжки, чтобы хоть как-то отвлечься. Даже попить стал. Я ведь все двадцать четыре часа в сутки подключен к Мавзолею. Я сотрудников учу: любое происшествие с телом – тотчас звоните мне. Без меня – ничего! Если даже случится что-то ужасное, допустим, муха влетит в саркофаг, без меня удалять категорически воспрещаю.

– Муха вправду может залететь к Ильичу? – в священном трепете спросил его спутник.

– В том-то и дело, что не может! Но снится! всю жизнь снится кошмарный сон: звонят из Мавзолея: «Борис Ильич, высылаем машину – муха в саркофаге!» И я просыпаюсь, вскакиваю, как сумасшедший, на кровати... – Он звонко захохотал.

Но хохотал он зря. Мне рассказывали потом, как его арестовали. Дело было, естественно, ночью. Он крепко спал, когда его начали будить. Он вскочил на постели с диким криком:

– Муха в саркофаге!

Услышал в ответ голос оперативника:

– Чего орешь?! Одевайся, муха!

В тюрьму отправился мой знакомец, наш официальный отравитель, глава Лаборатории Х М-ий... Его арестовали прямо в Лаборатории и повели по подземному ходу в так хорошо ему знакомую внутреннюю тюрьму.

Коба был неутомим. Арестовали группу кремлевских врачей во главе с начальником Санитарного управления Кремля. Почти все арестованные врачи были с «прожидью», как сострил ведущий это дело следователь Рюмин. Всех этих знаменитых профессоров, академиков медицины зверски допрашивали по заявлению какой-то медсестры из кремлевской больницы.

Я был у Кобы на Ближней, когда он вызвал Поскребышева.

Коба дожидался его в Большой столовой...

Приехав, вмиг вспотевший Поскребышев, блестя лысой головой и красным лицом, стоял перед Кобой. Он знал своего хозяина и, конечно, чувствовал неладное.

– Ничего не хочешь нам сказать?

Поскребышев жалко молчал.

– Полюбуйся на этого ротозея, Фудзи. Оказывается, сейчас были бы живыми и товарищ Жданов, и многие другие товарищи. Простая медсестра... – Коба заглянул в бумажку, он теперь мгновенно забывал фамилии. – Товарищ Тимашук написала мне письмо о том, что бедняге Жданову нарочно поставили неверный диагноз. Еврейские врачи из кремлевской поликлиники решили погубить его. И я поручил тебе – что?

– Разобраться, – вмиг потеряв обычную насмешливость, несчастно ответил

Поскребышев.

– Что сделал ты?

– Навел справки.

– У кого? У тех, против кого она написала? У убийц? У тех же кремлевских врачей?!

– Виноват. Потерял бдительность. Я думал, они специалисты. Простите меня, товариш

Сталин.

– Что ты написал в заключении, ротозей?

– Что я ознакомился с документами и что специалисты считают диагноз товарища

Жданова правильным.

– Только теперь, благодаря настойчивости товарища Рюмина, удалось выявить всю банду этих убийц в белых халатах. В кремлевской поликлинике из-за ротозея Поскребышева и врага народа Абакумова годами трудилась банда извергов... Иди сюда.

Поскребышев уныло подошел к огромному столу, где обычно происходило застолье.

– Сядь.

Он сел.

Коба взял рукой его лысую голову и с размаху ударил ею о стол.

У Поскребышева пошла кровь из носа.

Коба еще раз ударил его. Поскребышев заплакал.

– Пошел вон!

Поскребышев, всхлипывая, вышел из кабинета.

– Этого тоже надо гнать: мышей не ловит! Но врачи! Хороши врачи! Убийцы! В опасное время довелось нам жить, Фудзи.

В тридцать седьмом году врачей обвиняли в том, что они отравили Горького, Куйбышева и хотели отравить Кобу и правительство. Коба не искал нового: кремлевских врачей-убийц обвиняли в том, что они уморили членов Политбюро Щербакова, Жданова и всех умерших в кремлевской больнице руководителей.

Я знал своего друга: он делал это не от недостатка воображения. Он хотел, чтобы включился условный рефлекс Великого Страх, приобретенного страной в тридцать седьмом году.

Я должен был ехать в Лондон.

Он походил по комнате.

– Все рвешься за границу? Посиди тут, здесь ты нужнее. Сдались тебе эти империалисты. В СССР – хорошо. Открыли Волго-Донской канал – давний путь из варяг в греки! Мечту народов осуществили большевики. Успешно установили Статую. Тебя пошлю проверить, как смотрится... – И, как всегда, вдруг меняя тему: – Но Большой Мингрел... – Походил по комнате. – Я все слушаю его кабинет – ничего! Осторожен стал? Или узнал? Ты поговори с Лаврентием душевно. Понюхай его, есть ли дурной запах...

Коба знал про мои выбитые Берией зубы, оттого не сомневался в моем рвении. Я обещал. Мне показалось, он был доволен.

Последний съезд Кобы

Стояла глубокая осень пятьдесят второго. Меня по-прежнему не выпускали за границу. Своего друга я видел крайне редко. Он готовился к съезду Партии. Почти четырнадцать лет не было съездов, и вот теперь, после многолетнего перерыва, он вдруг решил его собрать.

Но буквально за несколько дней до съезда позвал меня на Ближнюю.

Кобе нездоровилось, он был неприветлив и опасен. Сидел за столом в пустой огромной Большой столовой. Берия стоял перед ним, докладывал новости:

– Новый американский посол Кеннан, находясь в западном Берлине, сделал заявление «о трудностях работы дипломатов в СССР в результате постоянного давления властей». Говнюк сравнил свое пребывание у нас с жизнью в фашистском лагере, куда он был интернирован Гитлером в начале войны.

– Гнать мерзавца в три шеи, – мрачно отозвался Коба. – Завтра же объявить его персоной нон грата «в связи с враждебными и клеветническими заявлениями»...

Холодная война давно уже стала очень горячей. Коба не уставал подбрасывать поленца в костер.

– Умный империалист этот Кеннан, – продолжил Коба. – Хорошо говорит по-русски... Он точно определил беду своей страны – «нарциссизм»... А про нашу беду он мне как-то откровенно сказал: «*Ваша система таит в себе возможности большого развития, которое в конце концов ее же уничтожит*»... Как ты думаешь, Лаврентий, что он имел в виду?

– Честно говоря, Иосиф Виссарионович...

– Правильно, ты не думал. Но я думаю над этим денно и нощно. С развитием нашей экономики появится много вас, богатеньких партийных буржуев, которые захотят освободиться от строгого пролетарского государства... и предадут!.. Ладно, ступай.

Когда побледневший Берия ушел, он спросил меня:

– Тебе прислали приглашение на съезд? Не прислали? И хорошо. Это прежде у нас было – «Съезд – кто кого съест». Теперь будет скука. Парадное зрелище для газет. Приходи сразу на пленум. Вот там будет зрелище, товарищ Сталин обещает. Тебе пришлют билет. Вставишь в свои «Записки». Интересно, как ты их пишешь? Один вариант наверняка для товарища Сталина, как когда-то Ильич свое Завещание... А вот другой... – Зло засмеялся. – Но учти, двурушник, найдем обе рукописи...

Приехала Светлана, и он вышел к ней в Малую столовую.

Я остался один. На столе лежал список руководящих органов, выбранных предыдущим восемнадцатым съездом. Зная его нынешнюю подозрительность, не посмел приблизиться вплотную. Но и издали я увидел: почти все фамилии руководителей партии перечеркнуты крестами! Лишь около нескольких стояли вопросы.

Он быстро вернулся. Засмеялся.

– Заглянул? Не выдержал?

– Ошибаешься, Коба.

– Врешь. Хотя незачем было смотреть, ведь тебя тут нет. – И добавил зло: – Пока... Ладно, иди.

Я так и не понял, зачем он меня позвал. Неужели проститься? Неужели – уже?

На съезде я не был, читал о нем в газетах. Коба выступал. В этой небольшой речи объявил, что единственными носителями свободы, демократических идеалов и прав человека являются ныне только коммунисты.

Съезд переименовал партию большевиков в Коммунистическую. Вслед за ленинской партией он теперь похоронил и ее ленинское название.

Речь Кобы была уж слишком короткая. И присутствовавшие на съезде шептались, что выглядел он болезненно и даже крохотную речь произнес с трудом. Пошли слухи, будто у него недавно был инфаркт.

Я позвонил ему, но меня не соединили. Что-то явно происходило.

Пленум ЦК состоялся, как и положено, на другой день после съезда.

Самое удивительное: в новый состав ЦК был избран кандидатом... опальный Жуков! Все думали, что ему крышка, а он *почему-то* избран. И вот теперь новый Центральный Комитет должен был избрать высшее руководство Партии и, следовательно, – страны.

Никогда не забуду тот день.

Парадный Свердловский зал Кремля (названный в честь Свердлова; в это время сын Свердлова Андрей сидел в Бутырке, а расстрелянные родственники гнили в неизвестных могилах). Я пришел за полчаса и занял свое «гостевое» место. В зале появился маршал Жуков, весьма напоминавший евангельского Лазаря, восставшего из гроба. Но сейчас всем было не до него. Все взгляды устремились на дверь, откуда обычно выходил Президиум. Ждали: придет или не придет на пленум сам Сталин?

И под громовые аплодисменты членов ЦК из двери вышел Президиум... и мой друг Коба!

Обычно он появлялся скромно, вместе с остальными членами Политбюро. Теперь шел на пару шагов сзади. Один. Был мрачен.

Аплодисменты наконец затихли. Маленков торжественно объявил (точнее, провозгласил):

– Слово предоставляется Генеральному секретарю Коммунистической Партии Советского Союза товарищу Сталину.

Зал встал (вскочил), как положено – «в едином порыве» и, как положено, зашелся в бурной, какой-то яростной овации. Все аплодировавшие знали обычный, уже описанный мною ритуал: Коба будет скромно, терпеливо дожидаться конца аплодисментов, но овация не должна кончаться. Скромный Коба вынет часы, покажет залу. Но овация должна продолжаться и становиться еще громче. Он обернется к Президиуму, как бы прося помощи. Председательствующий, будто не замечая, продолжит хлопать вместе с залом. И только после многоминутной овации, после нового просительного жеста Кобы все умолкнет. И Коба важно начнет: «Товарищи!..»

На этот раз все было иначе!

Коба быстро, *почти бегом*, спустился к трибуне. (И все увидели – здоров! Еще как здоров!) Стоя на трибуне, резким взмахом руки, мрачно, почти брезгливо, остановил аплодисменты. Делегаты, зная правила, продолжали бешено аплодировать. Но Маленков, который вел пленум, видимо, получил указания. Перекрикивая овации, призвал зал к порядку.

Изумленный зал, которому не дали выказать обязательную преданность, испуганно

замолчал, сел.

Наступила тишина. Коба заговорил. Он опять всех обманул, мой друг, этими слухами о нездоровье и вчерашней жалкой речью. (Что ж, его учитель Иван Грозный тоже любил объявлять себя смертельно больным, чтобы дьяки записывали во время его «болезни» разговоры почувствовавших свободу бояр.)

Пленум продолжался два часа. Из них Коба говорил полтора. Стоя на трибуне, он не читал свою речь, как обычно. Перед ним не было никаких листочков. Он говорил и вместо того, чтобы глядеть в написанное, внимательно и зорко всматривался в зал.

Произносил речь мрачно, без тени обычного юмора. И она с самого начала была угрожающей! Коба сказал, что стал стар, но сказал об этом как-то свирепо:

– Приближается время, когда другим придется продолжать делать дело, которое столько лет делал я. Но пока дело поручено мне, я его делаю, и делаю, как положено!

Он потребовал от партийцев бесстрашия и ленинской твердости 1918 года.

– Наш великий учитель товарищ Ленин гремел в неимоверно тяжелой обстановке. Мы жили тогда в огненном кольце фронтов. От него требовали сдать позиции, но он – гремел! – И повторил все так же свирепо: – Гремел! Гремел! И никого и ничего не боялся. И мы будем следовать этому завету великого Ленина! – Он остановился.

Выученный аплодировать в паузах зал разразился овацией. Опять он жестом прервал аплодисменты. И опять зал неуверенно замолчал.

– Я заговорил сейчас о Ленине, чтобы сравнить ленинское бесстрашие с поведением некоторых наших товарищей...

Далее некоторые товарищи обрели имена. И какие!

Коба набросился на Молотова. Он обвинил его «в трусости и капитулянстве перед империалистами Англии и США». Заявил, будто тот хотел отдать Крым Еврейской республике. Потом долго и беспощадно приводил какие-то примеры, которые не знал и не понимал зал... Но это было неважно. Зал сразу понял главное: Молотову – крышка...

После чего Коба перешел к Микояну. Он сказал о «вошедшем в пословицу торгашестве товарища Микояна», о капитулянстве, которое «всегда у него оборачивалось трусостью, а трусость – капитулянством».

В зале – невероятная тишина. У соратников за столом Президиума – окаменевшие, неподвижные лица. Ждут, кто следующий, на кого он еще набросится.

Побледневшее лицо Маленкова... Белое лицо Молотова... И еще одно лицо без кровинки – Микоян.

Но, уничтожив Микояна и Молотова, Коба опять заговорил о своей старости и о том, что скоро не в состоянии будет вести дело, которое ему поручено.

– Поэтому, – произнес он очень медленно, – я прошу освободить меня от должности Генерального секретаря и Председателя Совета министров...

На лице Маленкова – какой-то панический, смертельный испуг. Он торопливо начал приподниматься, в ужасе воздев руки... И отчаянно закричал из-за спины Кобы:

– Не согласны! Не согласны! Просим остаться!

Зал подхватил, загремел: «Не согласны! Просим, просим остаться...»

(Все, как учитель – царь Иван. Тот так же собирал бояр, так же объявлял, что стар, и так же предлагал избрать царем, кого они пожелают. Но умные бояре так же кричали: «Хотим царем тебя!»)

Наши кремлевские бояре не подкачали. Думаю, Коба был разочарован. Ему требовался новый XVII съезд, их предательство, чтобы скопом их уничтожить. Но они оказались умнее, он их хорошо выучил...

После его речи, закончившейся бесконечной громовой овацией, состоялись выборы руководства партии. Естественно, единогласно он был избран Генеральным секретарем партии, названной теперь Коммунистической!

В преддверии грядущего уничтожения тех, кто бесполезен для реализации Великой Мечты, он реорганизовал Политбюро в расширенный Президиум. Туда вошли все прежние соратники, были там и Молотов, и Микоян. Думаю, он хотел сохранить им титулы для будущего процесса. Народ любит, когда падают с большой высоты...

Но внутри Президиума образовалось узкое Бюро. На него возлагались истинные функции прежнего Политбюро. И всем стало понятно: Президиум – декорация. В это Бюро он уже не допустил ни Молотова, ни Микояна. Будущих мертвецов...

В Президиуме, в Секретариате партии и в Бюро появилось много незнакомых молодых лиц.

Делегаты расходились подавленные. Ни у кого не было сомнений – началось! Думали о себе и о своих семьях.

Накануне депортации евреев

Через несколько дней на даче он спросил у меня:

– Неплохо выступал больной товарищ Сталин? – Не дожидаясь ответа, добавил: – У нас в Кремле есть прачечная. На белье Молотова там ставят метку «два», Микояна – «три»... Умники придумали пометить грязное белье указанных товарищей по значению в государстве... Надя мне это рассказывала, очень смеялась... И вот, думаю: Молотов – камера два, а Микоян – камера три. – И прыснул в усы.

Теперь ежедневно он неустанно придумывал что-то новое, свирепое. Ни дня без потрясений...

1 декабря он приехал в Кремль. (Редкий нынче случай. Коба окончательно перестал появляться в кремлевском кабинете. Сюда приезжал только смотреть кино. Как любимый его царь Иван Грозный вызывал бояр в Александрову слободу, так и он вызывал членов избранного Бюро Президиума на Ближнюю дачу).

На этот раз Бюро Президиума собралось в его кабинете в Кремле. Участвовали представители Лубянки. Я писал краткую стенограмму. Маленков объявил повестку дня: «Вредительство в лечебном деле и положение в Министерстве государственной безопасности СССР».

Выступал сам Коба. Выступал привычно, то есть яростно:

– Главная задача чекистов – избавиться от ротозейства. Следует понять раз и навсегда: любой еврей – националист и одновременно – агент американской разведки. Товарищи спросят почему? Еврейские националисты уверены, что их нацию спасли США. Они считают себя обязанными американцам. Кроме того, евреи в своей массе – торговцы, спекулянты. А в США именно через это можно стать богачом, буржуа... Все эти наклонности не учитывали наши чекисты. Очень неблагоприятно у нас в ГПУ. – (Так он по-прежнему называл Министерство госбезопасности). – Но мы будем лечить ГПУ, крепко лечить. Там много развелось ротозеев, при этом мало бдительности. Опять спросите почему? Товарищи прикрываются особой секретностью, позволяющей им жить бесконтрольно. Мы эту секретность сменим особым, строгим партийным контролем. И почистим ГПУ хорошенько от всякой ротозейской дряни...

Все стали умные, все поняли: после падения Абакумова у нас готовится большая чистка, как это было после падений Ягоды и Ежова.

И обнаружилась первая крупная жертва.

В самом конце 1952 года меня вызвали на Ближнюю. В Большой столовой были Игнатъев и Берия. Как обычно, они стояли у огромного стола, за которым сидел один Коба. Он сказал мне:

– Запишешь резолюцию Политбюро. Мы тебе в конце ее продиктуем.

Я уселся за маленький столик, стоявший поодаль у стены. Он приказал по домофону:

– Пригласите товарища Власика.

Власик безмятежно вошел в кабинет.

– Садись, Власик, в ногах правды нет. Ты, Лаврентий, говори. Товарищ Игнатъев пусть

делает выводы.

Берия приступил:

– Мы наблюдаем за товарищем Власиком давно. Началось это еще в сорок девятом году... – (Надо было видеть лицо Власика – изумление, потрясение, ужас.) – Переводчик английской делегации, которого мы тогда завербовали, рассказал нам. Оказывается, у него было задание завербовать товарища Власика. Он даже передал ему ценный подарок – это был цейсовский фотоаппарат, принадлежавший Герингу...

(Так вот зачем Берия тогда...)

– Ты взял фотоаппарат? – спросил Коба.

– Да, чтобы его отдать обратно, но они уехали, – забормотал несчастно Власик. – Даю честное партийное слово.

– Тебе надо было тотчас сообщить о подарке куда следует, – мрачно заметил Коба.

– Товарищ Власик не мог этого сделать, слишком жадный, – продолжал Берия. – Мне только что сообщили первые результаты обыска, который идет сейчас у него на квартире. – (Власик как-то странно задрожал. Хотел что-то сказать, но... лишь хватал ртом воздух.) – Квартира товарища Власика очень напоминает квартиру Абакумова. У него найдено четырнадцать немецких фотоаппаратов... На днях мы специально положили у комнаты товарища Сталина на Ближней даче документ с грифом «секретно». Документ исчез...

Коба молча глядел на Власика. Наконец тот еле слышно заговорил:

– Я просто поднял его... и все.

– Разве тебе не известно, что секретные бумаги, найденные у кабинета главы правительства, следует, не читая, вернуть главе правительства? – спросил Берия.

– Я решил, что она неважная. Это была стенограмма обсуждения спектакля про Ивана Грозного в Малом театре. Там актеры чего-то говорили... – (Видно, Коба интересовался, что говорят артисты о его любимом царе.)

– Значит, ты ее все-таки прочел! – кивнул Берия. – В последнее время товарищ Власик связался с неким художником, постоянно пьянствует с ним.

– И что тебя с ним связывает? – совсем мрачно поинтересовался Коба.

– Этот товарищ – человек проверенный, Иосиф Виссарионович, он часто работает на оформлении Красной площади к торжественным праздникам...

– Опять не все говоришь... Вы сошлись с ним на почве общих женщин, – усмехнулся Берия. – Кроме того, что товарищ Власик спит с осведомительницами, он спал и с женой этого художника. И сам же ему об этом рассказывал и показывал список своих женщин с циничными надписями.

– Что молчишь? – спросил Коба.

– Признаю, женщин у меня много... – еле слышно произнес Власик. – Но в вопросах службы я всегда на месте. Выпивки и встречи с женщинами были. Но за счет моего здоровья и в свободное от работы время.

– Тебя предупреждали о недопустимости такого поведения?

– Да, вы мне говорили, товарищ Сталин... Еще в пятидесятом году говорили, что я злоупотребляю отношениями с женщинами. Простите меня, никогда не повторится.

– Но это не все, – не унимался Берия. – Как и товарищ Поскребышев, Власик не проявил должной бдительности в отношении заявления медсестры товарища Тимашук, а вместо этого вступал в контакты с еврейскими врачами-отравителями.

– Но я же... хотел проконсультироваться... они же академики!

– Ты молчи, ты слушай, – приказал Коба. – Ротозей!

– И это не все. Найден огромный перерасход государственных средств по его управлению, – продолжал добивать Берия.

– Грамотность у меня сильно страдает, все мое образование заключается в трех классах приходской школы, – бормотал несчастный генерал-лейтенант.

Но Берия был неумолим:

– А теперь расскажи, что из трофейного имущества ты забрал незаконным путем, без оплаты?

– Ну было... пианино, рояль, три-четыре ковра...

– Плюс четырнадцать фотоаппаратов... Если забыл – плюс хрустальные вазы, бокалы, фарфоровая посуда, – перечислял Берия.

– Такой же жадный буржуй, как Абакумов. Зачем тебе столько аппаратов? – спросил Коба.

– Он снимал вас тайно, Иосиф Виссарионович, – сказал Берия.

– И что же ты наснял?

– Я просто... на память снимал... – От ужаса Власик окончательно охрип.

– Пошел вон, мудака. Чтоб я тебя больше не видел.

Власик медленно поплелся из комнаты.

– Спасибо, Лаврентий. Ты свободен.

Берия ушел.

Коба велел Игнатьеву:

– Займись этим мудаком. Все мои фотографии сегодня же мне на стол. Отправьте его помощником начальника лагеря. – И, усмехнувшись, добавил: – А как обвыкнется с лагерем – арестуйте! Слишком много знает, прохвост! А ты, Фудзи, пиши: «Решением Бюро Президиума товарищ Власик освобожден от занимаемой должности...»

Когда все разошлись, он сказал мне:

– Пока будем искать подходящего человека вместо Власика, присматривай за охраной. Ты ведь их всех знаешь.

Так он сделал меня своим дворецким.

Последний день его рождения

На свой последний день рождения Коба меня не пригласил. По-моему, он никого не пригласил. Я был у него на даче накануне. Приехал вечером. Он спросил меня:

– Который сейчас час?

– Восемь без десяти минут.

– Вечера или утра?

Он иногда забывал надеть часы и теперь часто пугал охрану этим вопросом. Они не понимали, что в непрерывной работе и ночных застольях он окончательно соединил день с ночью.

Я поздравил его.

– Нам с тобой надо не поздравлять друг друга, а плакать в этот день.

В этот момент позвонил Молотов. Коба не захотел подходить. Велел соединить его с Хрущевым. Я услышал:

– Скажи нашим капитулянтам Молотову и Микояну, что я им больше не товарищ и чтоб ко мне больше не звонили и не приходили.

Думаю, старые друзья окончательно поняли: конец!

Но Васька в день рождения отца на дачу приехал. С подарком – набором слесарных инструментов почему-то! Кобу предупредили из дежурки, что Васька пьян.

Коба встретил его у дома.

Как рассказал мне потом «прикрепленный» Туков, Коба стоял в своей маршальской шинели на меху, в ушанке и старых валенках. В дом Ваську не пустил и подарка не принял.

Он долго смотрел вслед уходившему нетвердым шагом сыну, покачивая седой головой в ушанке.

И он наступил – 1953 год

Встречал я его, как обычно, дома – с женой и дочерью. Год начался страшно.

Я завтракал, когда передали заявление ТАСС. Грозный голос еврея Левитана читал список еврейских фамилий врачей-отравителей: «Советский народ с гневом клеймит преступную банду убийц в белых халатах и их иностранных хозяев... Эти нелюди, нарушившие клятву Гиппократата... Наемные шпионы на службе у сионистской организации «Джойнт»... Только бдительность простой советской женщины медсестры Лидии Тимашук помогла разоблачить банду...»

В конце сообщения Левитан прочел обещание, заставившее меня вздрогнуть: «Что же касается вдохновителей этих наймитов, – они могут быть уверены, что *возмездие вскоре найдет дорогу к ним*».

Если «вдохновителями» были «иностранные хозяева», то есть «американский империализм», то *возмездием, которое уже искало к ним дорогу*, должна была стать война!

И началось... С утра до вечера собрания трудящихся клеймили врачей-отравителей, бесконечно перечисляя их еврейские фамилии. «Правда» печатала сообщения «об арестах шпионов в разных городах», носивших в этих разных городах все те же одинаково еврейские фамилии.

Самый популярный в стране журнал «Огонек» в передовой статье «Бдительность и еще раз бдительность», перечислив еврейские имена арестованных врачей, назвал их «извергами человеческого рода». И всюду фигурировала зловещая сионистская организация «Джойнт», «за широкими спинами русских ротозеев» вербовавшая советских людей и дававшая приказы убивать.

В эти январские дни пресса напоминала листки антисемитского «Союза Русского народа» времен нашей с Кобой юности. Только то были жалкие листовки, а это – официальная печать государства Маркса–Ленина, основанного радикалами-интернационалистами. Впрочем, почти все основатели этого государства давно лежали в «могиле невостребованных прахов» Донского монастыря. И во всех этих погромных статьях я ясно слышал знакомый голос. Книги, которыми зачитывалась чернь нашей молодости, – все эти «Протоколы сионских мудрецов», многочисленные антисемитские издания – отлично сохранились в цепкой памяти моего друга. Коба мастерил вдохновенный роман о «разветвленном мировом еврейском заговоре, использующем в своих кровавых целях людей самой гуманной профессии в мире».

Он вызвал на дачу Хрущева. Пили чай. Коба заботливо положил сахар в чашку гостя.

– Я без сахара пью.

– Врешь, ты известный сладкоежка. Кстати, все хочу тебя спросить. Ты – секретарь московского горкома партии, товарищ Хрущев... я не ошибся?

Хрущев понял: сейчас начнется разнос за что-то. Он побледнел.

– Да, Иосиф Виссарионович.

– Тогда почему не поддерживаешь новый почин московских рабочих? Эти молодые товарищи рвутся взять дубинки. И предлагают: когда закончится рабочий день, отдубасить как следует этими дубинками евреев.

Хрущев опешил, и я с ним.

– Я, честно говоря, не слышал, – пробормотал бедный Хрущев.

– Твое дело, Никита, не слушать массы, а опережать массы. Вести их за собой. Так нас, старых большевиков, учил Ильич. Руководитель должен иметь орлиные очи, видеть то, *что еще только будет*. Иди, думай. И предложи на Бюро план этого мероприятия.

Когда Хрущев ушел, он сказал:

– Этот тоже с гнильцой... и к тому же не понимает жидов. У сиониста, шпиона, но неплохого писателя Бабеля есть такой эпизод. Комиссар выступает на селе и бросает лозунг: «Да здравствует мировая Революция!» А ему из толпы отвечают: «Не может того быть, чтоб случилась мировая». – «Почему?» – «Жидов не хватит».

Я засмеялся, он мрачно посмотрел на меня.

– Плакать надо, а не смеяться. Всегда и всюду, где появляются они, начинаются бунт и печаль. Как правильно жило человечество. Языческие боги были так похожи на нас, ничто человеческое было им не чуждо. Человеческое – значит, звериное. Кровь, победа над противником, месть, много баб... Все радости истинного мужика считались достоинствами. Но вот евреи открыли понятие «грех». Появился Бог, который стал наказывать за грехи. И придумал заповеди, невозможные для человека. Нагие Адам и Ева, преспокойно ебавшиеся с другими Адамами и Евами, сильный Каин, пристукнувший никчемного слабого брата, узнали, что свершают грех... А потом еврейка родила еще одного Бога, и тот потребовал совсем невозможное: он мне по морде, а я ему подставляю другую щеку.

Он говорил, а я вспоминал мальчика Сосо и его вопросы к моей бабке. Вот уж действительно: «каков в колыбельке, таков и в могилке».

Он все так же мрачно глядел на меня.

– Ну ладно, уходи, я устал.

Я понял: он решил!

Вскоре обозначились масштабы решения.

В эти дни жена пришла с потерянными лицом. Выяснилось, что управдом в доме ее сестры (та недавно переехала в Москву) сообщил сестре по величайшему секрету: *началось*. Разослано распоряжение управляющим домами «составить списки евреев, проживающих во вверенных им домах». Он не имел права этого говорить под страхом расстрела. Но рассказал сестре, потому что он – родственник Кости (мужа сестры).

– В списке их дома есть фамилия Зины, – (сестры). – Это значит, что в списке нашего дома – моя! И когда же это все кончится? Когда он насытится кровью? – Она заплакала.

Я, знавший своего друга лучше всех в мире, должен был бы ей ответить: «*Никогда!*»

Но вместо этого я обнял ее и сказал:

– У меня есть крепкая надежда... на Самсона!

Она с изумлением посмотрела на меня. Вместо объяснения я поцеловал ее. Как положено хорошей грузинской жене, она больше не задавала вопросов.

Мой агент в Париже – французский коммунист-еврей – прислал короткое сообщение, что со страной антисемитизма ничего общего иметь не хочет. Замолчали три моих агента в Америке.

На Лубянке я узнал, что «инициативная группа евреев» собралась в редакции «Правды»

и «пишет письмо Сталину». Сейчас там лихорадочно собирают наших самых знаменитых евреев – подписывать это письмо. Представить себе, что в эти опасные дни в помещении главной газеты страны кто-то что-то делает самостоятельно, я не мог... Следовательно, это письмо приказал писать Коба. И главные мысли в письме, конечно, принадлежат ему.

Я решил срочно узнать, что в письме. Я не мог в третий раз потерять жену!

Поехал в «Правду», благо там в международном отделе работал журналист, являвшийся нашим сотрудником.

Он был на совещании у редактора. В приемной толпились несколько человек. Это были знаменитости – конструктор, известный писатель, кинорежиссер... Разные люди. Но одно обстоятельство их объединяло – все были евреями.

Они разговаривали в голос, сильно волновались, и даже появление незнакомого человека не прекратило их разговор.

– Он говорит, что все уже подписали.

– А Эренбург?

– Эренбург подписал!

«Эренбург подписал!» – это звучало для них, словно приказ. Как гремело его имя в войну! Вам, не жившим тогда, – не представить. Газеты с его антигитлеровскими статьями солдатам запрещалось использовать на самокрутки (щепотка табака, завернутая в газетную бумагу). Их хранили у сердца, с ними шли в атаку и погибали. Даже в нашем лагере нам читали вслух его статьи. Имя Эренбурга стало тогда нарицательным. Не преувеличиваю, в войну по популярности оно шло вслед за именем Кобы!

Мой сотрудник вошел в приемную бодрой походкой и сказал, обращаясь к собравшимся:

– Простите, товарищи, что заставили ждать. Подписание будет в кабинете главного редактора. Прошу всех туда.

Всю толпу повели к главному редактору, а мы с сотрудником прошли в его кабинет.

– Надо поговорить.

– Меня отправляют уговаривать Эренбурга.

– Я тебя подвезу... Значит, Эренбург *не..?*

Сотрудник промолчал.

Мы молча спустились в лифте, естественно, оборудованном подслушивающим устройством.

Вышли на улицу, здесь он заговорил:

– Эренбург упрямится. Текст очень страшный! Хитрый старик написал письмо Сталину: «Если я получу указание от вас, товарищ Сталин, немедля подпишу». Остальные знаменитости-евреи тоже стараются уклониться, домой сутками не возвращаются. Хотя мы обещаем: тот, кто подпишет, *останется* в Москве.

– Значит... будут выселять евреев?

Он пожал плечами.

В машине все так же молча он передал мне два сложенных листочка. Это и было то письмо. Я его запомнил на всю оставшуюся жизнь.

«Ко всем евреям Советского Союза!

Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки. Мы, работники науки и техники, деятели

литературы и искусства, евреи по национальности, в этот тяжелый час обращаемся к вам. Недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе у американской и английской разведок, на службе сионизма в лице подрывной организации «Джойнт». К сожалению, зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Позор обрушился на головы евреев Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц вызывают особое негодование. Ведь именно русские люди спасли нас, евреев, от полного уничтожения в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направит нас партия и правительство, великий вождь И.В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР...»

И дальше – то, ради чего писалось письмо:

«Вот почему мы одобряем меры партии и правительства, направленные на освоение евреями пространств Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным самоотверженным трудом мы, евреи, сможем доказать свою преданность Родине и великому и любимому И.В. Сталину восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа».

– В последнем варианте, – сказал сотрудник, – заменили «пространства Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера» на «просторы Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера»... Чтобы придать ощущение романтики. И также заменили «великому и любимому И.В. Сталину» на «*великому и любимому товарищу Сталину*». *Как бы – «товарищу евреев*», которые поедут своим трудом заглаживать народный грех.

– Неужели, к примеру, Гроссман подпишет этот чудовищный текст: евреи требуют наказать евреев?!

(Гроссман был тогда, пожалуй, единственным писателем, которого я уважал. Этот безумец написал правдивую, то есть страшную книгу о войне, естественно, осужденную и заклеянную.)

– Думаю, подпишет. Достаточно будет намекнуть, что тогда напечатают его новый роман! Он же ненормальный, как все настоящие писатели. Гроссман час назад по дороге к нам заехал в редакцию «Нового мира». Скандалил с редактором журнала Твардовским – требовал печатать. Тот ему сказал: «Ты с ума не сошел? Ты что, не понимаешь, не видишь, что происходит вокруг?!» Гроссман ему: «Трус! Я уйду, и ноги моей у тебя больше не будет!» Твардовский кричал ему вслед: «Иди, иди, сумасшедший! Там, куда ты сейчас пойдешь... там тебе все объяснят! Там ты узнаешь, в чем дело!»

(Каков мой сотрудник! Поразительно эффективно работали тогда осведомители! Как современное телевидение. Будто в прямом эфире: человек только сказал, и уже передали, куда надо.)

Я остановил машину у нового дома напротив Московского совета. Здесь жил Эренбург.

Мой сотрудник отправился «уговаривать», а я вышел из машины прогуляться, прийти в себя после новостей.

Сел в скверике рядом с Институтом Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, напротив гигантского памятника Юрию Долгорукому на коне.

Памятник сделали слишком реалистичным. И когда светили прожектора, тень громадного конского члена на здании становилась антисоветской. Коба приказал оскопить

жеребца.

Вечером позвонил сотрудник: Гроссман письмо подписал!

А Эренбург по-прежнему ждал приказаний от Кобы.

Но уже вскоре по Москве начал ходить текст нового, совершенно иного коллективного письма евреям.

На Лубянке говорили, что то, первое письмо, которое я читал, приказано уничтожить, и в «Правде» организуют подписи под новым текстом. Именно он вскоре появится в главной газете страны.

Я встретился с сотрудником. Он сказал, что в «Правде» буквально сходят с ума.

– Мы уже собрали подписи под тем письмом, когда *позвонили*: то письмо немедленно уничтожить. Нам прислали другое.

И он мне его показал...

Я читал и слышал речь моего друга, его голос, его любимые обороты: «кто не знает...», «разве не факт, что...».

«Кто не знает, что в действительности именно США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемой самой мощной машиной капиталистической эксплуатации? Кто не знает, что оголтелый антисемитизм, разнузданный расизм составляют отличительную черту фашистских клик, повсеместно поддерживаемых империалистами США?»

Разве не факт, что в Израиле кучка богачей пользуется всеми благами жизни, в то время как подавляющее большинство евреев и арабского населения влачат полунищенское существование?»

И никакого переселения евреев! Наоборот!

Тотчас после того, как *оттуда* прислали новый текст, сам Коба позвонил в «Правду» и накричал на редактора:

– Кто придумал выслать целый народ, потому что группа выродков в белых халатах творила свои кровавые дела? Кто посмел развязать кампанию антисемитизма?! Кто придумал уничтожить престиж страны Советов, оттолкнуть наших друзей? Развалить нашу общность – *великий советский народ*?! Почему забыли то, что говорил товарищ Сталин? В тридцать шестом году товарищ Сталин сказал в своем интервью иностранным журналистам: «Антисемитизм является пережитком каннибализма... активные антисемиты в СССР караются у нас смертной казнью». Наше правосудие напомнит всем, кто это забыл!

С каким восторгом я слушал все эти казенные фразы. Сомнений не было: Коба неожиданно решил повернуть, как обычно – на сто восемьдесят градусов. Я не хотел думать – зачем? Главное: высылки евреев не будет!

Вернулся с работы за полночь. Жена лежала в кровати. В последнее время она перестала спать. Когда я все рассказал, она заплакала. Плакала и шептала:

– Боже мой! Я уже с вами простилась навсегда. Я ведь в третий раз не выдержу.

Как мало (точнее, много) нужно людям для счастья: знать, что тебя не уничтожат!

Да, я посмел быть счастливым. Посмел забыть, что мой великий друг обычно разыгрывает очень длинные шахматные партии.

8 февраля знакомый следователь на Лубянке рассказал мне в столовой, что во всех строительных организациях в конце февраля будут реквизированы до 6 марта грузовики. Что формируется множество эшелонов на железной дороге...

– Видимо, *это* будет пятого, – прошептал он.

Я промолчал. Я знал, что это не так, что ожидается новое письмо евреев в «Правде».

Но никак не мог понять, зачем он рискует головой, рассказывая мне все это.

Но 9 февраля днем я услышал: в нашем посольстве в Тель-Авиве час назад взорвана бомба, есть раненые, и мы разрываем отношения с Израилем!

Я вспомнил Германию ноября тридцать восьмого года. Тогда тоже произошел инцидент – в посольстве (Германии во Франции) семнадцатилетний еврей-эмигрант застрелил третьего секретаря посольства.

Тотчас после этого Гитлер провел знаменитую «Неделю битых стекол». По-моему, я уже писал, как жгли синагоги, разрушали еврейские магазины, евреи навсегда изгонялись из экономики, у них конфисковывали имущество, их переселяли в гетто или в концлагеря...

Тогда я подробно рассказывал Кобе эту историю. Его фантастическая память, как угодливый официант, всегда подавала нужные блюда вовремя.

Неужели теперь?..

Решающий разговор

Я приехал домой. Жена уже знала. Оказалось – передали по радио. Я тщетно пытался ее успокоить, когда мне позвонил Берия.

Как же я был рад этому звонку! Как я ждал его!

Он попросил срочно приехать в «наш особняк» по вопросу «кембриджской пятерки».

Я не сомневался: «пятерка» тут ни при чем.

Когда я вошел во двор «нашего особняка», к моему изумлению, охранник не пустил меня внутрь. Он попросил обождать на скамейке во дворе – сказал, что Лаврентий Павлович сейчас выйдет сам.

Выглянуло солнце, стало тепло. По очищенному от снега двору каталась на велосипеде прелестная девочка. Вот так должна была выглядеть набоковская Лолита. Только эта была чуть-чуть постарше, на вид пятнадцать-шестнадцать лет. Она была в одном свитере, без шапки. Русая коса до пояса. Высокая, статная, с телом Венеры. И детским нежнейшим лицом. У нее были такие знакомые мне длинные, немного полные ноги. Неужели этот мерзавец готовит ее на замену Даше? Но когда я поднял глаза наверх и увидел его... Берия стоял в окне, неотрывно глядя во двор – на красавицу-девочку. Она явно это знала. Иногда поднимала голову, с усмешкой смотрела на него. Что-то жестокое, грешное появлялось на детском лице, и взгляд у нее становился хмельной. Она ездил все быстрее, быстрее... И вдруг упала на асфальт. Поднялась, держась за разбитую коленку... Из дома выбежал охранник. Увел ее в особняк.

Берия вышел, извинился, что заставил ждать. Мы поднялись в комнату... Даши.

Он сказал:

– Вспоминаешь свою? Но я хотел, чтобы ты... – (опять на «ты»), – увидел мою! Ее отец был охранником в моем доме, – (Берия с семьей занимал особняк на улице Качалова.) – Жена позволяла детям охранников кататься во дворе на нашем велосипеде. Они ездили на нем по очереди. И я как-то посмотрел из окна и увидел ее... Отец ее умер...

Я не спросил, *когда* умер отец девочки: до того, как Берия ее увидел, или после. Он, видно, понял, как-то жалко махнул рукой (дескать – не все ли равно!). Действительно, не все ли равно, если люди для нас – мухи.

Он продолжил почему-то шепотом:

– Ее привезли сюда... – (Представляю, что почувствовала эта несчастная, когда увидела человека, перед которым благоговел, дрожал ее отец. Да что отец – вся страна!) – На столе стояли вино, шоколад, фрукты. Я спросил, не хочет ли она еще чего-нибудь? Она попросила... лимонад! Сама, клянусь... я не просил ее... выпила вина, легла на кушетку, закрыла глаза... дрожала...

Я с изумлением смотрел на него. В его глазах появились слезы. Сентиментален он был, как все убийцы. Он продолжал шептать:

– При том, что она была ребенок... она была женщина... Когда я одевался, она посмотрела как-то по-женски внимательно и сказала: «Плохо ухаживают за вами, Лаврентий Павлович, сладкого много есть разрешают, а вы и так полный». Я чуть не заплакал... Ей уже скоро семнадцать. В прошлом году она забеременела и родила. Я говорю: что хочешь, проси! И знаешь, что попросила? Велосипед! Она научилась распоряжаться мной. Я ее боюсь.

Иногда ее охватывает странное бешенство... *после...* Тогда она хватает мой китель, набрасывает на голое тело и выбегает во двор... с маршалскими погонями. Ее ловит охрана, приводит... Потом, бывает, по неделям меня не подпускает, а я выпрашиваю у нее ночь. Она ненавидит меня и любит! И как любит! Но рядом с ней я никогда не засыпаю. Потому что чувствую... – Он усмехнулся. – Ночью, спящего, она меня когда-нибудь зарежет. – Он помолчал. – Я показал ее тебе, чтобы ты понял, как я хочу сейчас жить. И как я боюсь за нее. *Он* знает про нее, этого достаточно. *Он* и после моей смерти не успокоится, пока всех моих не пережжет. Любит мучить за гробом...

Сначала я был потрясен этой непонятной, бесстыдной откровенностью.

Но по мере того, как он говорил, начал понимать скрытое послание. Он показывал: у меня сейчас нет от тебя тайн. Самых стыдных, самых главных. Ты сейчас мне как брат. И потому ты должен мне верить.

– Что скажешь? – спросил он.

– Что я могу сказать: жалко тебя... но куда больше – ее.

– Вот и мне тоже... – И, усмехнувшись, добавил: – И тебя жалко, и твою семью. – Он вынул из кармана пиджака бумагу и положил передо мной.

Это был ордер на мой арест и обыск. Подпись размашистым, хозяйским, знакомым почерком Кобы. Только число не проставлено.

– Что ж, мы все обречены... – проговорил я.

– Но ты раньше. Ты меня по-прежнему боишься, а ты не бойся. Если бы я хотел, давно мог бы тебя ликвидировать: «устройство», которое вами у меня установлено...

– Это... по его приказу, – поспешил пояснить я.

– А по чьему приказу ты прослушиваешь *его самого*?

Я уставился на него.

– Я о кнопке в твоей комнате на Ближней. – Он, усмехаясь, смотрел на меня. – Мой человек ее обнаружил на днях... – (У него в охране – свой человек!) – Так что если бы я захотел от тебя избавиться, мне достаточно было бы сказать... Но я не сделал этого, потому что ты мне очень нужен. А я – тебе... Недавно умер Литвинов, на днях умрет самый доверенный прежде человек – Мехлис. Это все подарки *той* Лаборатории... Этим двум сотрудникам он определил мирно умереть. Проводит их с почестями. Другое дело – все мы. С нами он поступит по традиции. Сначала Ежов убрал Ягоду, потом убрали Ежова. Теперь – моя очередь. Правда, перед своим концом я буду убирать Молотова, Микояна и Кагановича. Одних – как злобных антисемитов. Других – как пособников сионистов. Потом меня уберет Маленков... Маленкова и Хрущева уберет Игнатъев, а Игнатъева – кто-то следующий! Как в тридцать седьмом, не мудрствуя лукаво, поставил нас на самообслуживание. Старый стал твой друг! Новенькое изобретать ленится этот Корифей науки и техники! А надо бы!

И такая ненависть слышалась в его словах. Ненависть жалкого холуя к господину.

– Он несчастный старик, отравленный подозрительностью, – сказал я.

– Не лги. Он великий человек с великими амбициями. И ты, и я – оба знаем. Он придумал вновь создать монолит из страны. Страхом и ненавистью. Расстрелы, аресты, идеологические погромы... Задача исполнена. Страх снова стал всеобщим. Теперь он кормит страну другим лекарством – ненавистью. Антисемитская кампания!

– Он ее прекратил, я сам читал новое письмо...

– Нового письма не будет. Новое письмо должно было доказывать, какой он великий

интернационалист, как он хотел хорошего, но... евреи вновь все испортили – взорвали русских людей. Ты же разведчик, ты ведь понял, зачем был, – он хмыкнул, – *устроен* взрыв в Тель-Авиве... Скоро «Правда» начнет печатать гневные отклики трудящихся... И тогда появится то первое письмо испуганных народным гневом евреев! Идя им навстречу, руководствуясь гуманной задачей спасения евреев от справедливо разгневанных русских людей, он согласится на просьбу самих евреев – сослать их в далекие края.

– Хорошо, с евреями понятно... но вас-то зачем убирать?

– Перестань! Он ведь тебе не раз цитировал любимое: «революционеров после пятидесяти надо отправлять к праотцам»! Ему мы не нужны, ему нужны молодые волки. Надеюсь, ты хоть понимаешь, *для чего все это?*

Я молчал. Я понимал. Но хотел, чтобы сказал он. И он сказал:

– Он верит: История поручила ему осуществить Великую Мечту. Третья Мировая война создаст Всемирное царство Пролетариата. Погибнет сотня миллионов! Но это ерунда, старики с готовностью посылают молодых погибать. Сейчас я дам тебе прочесть!..

Он стоял ко мне спиной, наклонившись над папкой, которую вынул из портфеля. Его лысая голова нависла над папкой. Жирная шея... Как же мне хотелось ударить по ней ножом. Но он был моим последним шансом. Я чувствовал: мерзавец – единственно возможный спаситель моих жены и дочери... да и меня самого... Я хотел жить. Жалкий осел хотел остаться живым.

Наконец, он отыскал в папке нужную бумагу и положил передо мной. На ней было обычное «Совершенно секретно»... Жирным пальцем, похожим на палец Кобы, он молча водил по строчкам, а я через плечо читал яростные слова Кобы. Это было его выступление на совещании руководителей стран Социалистического Лагерь. «Война в Корее показала слабость американской армии... Лагерь социализма получил военное преимущество, но это преимущество временное... Таким образом, основной задачей социалистического лагеря является мобилизация всех его политических и военных сил для решающего удара по капиталистической Европе... Возникла реальная возможность установить социализм по всей Европе...»

– Теперь ясно, почему он вернул в ЦК Жукова? Жуков будет возглавлять объединенную армию. Твой друг решил завоевать весь мир. Обычно на этой стадии они все погибают. Но заодно с ним погибнем и мы, и страна. Тебе уже рассказал следователь на Лубянке... это я велел ему рассказать. Да, Хозяин долго сомневался. Сначала приготовил то первое письмо евреям, где они сами просили выслать их. Потом решил: рано, не подготовлено. И вот подготовил! 5 марта всю ночь до рассвета будет осуществляться план «Моисей». Так насмешник назвал депортацию евреев из Москвы. Как Моисей повел их в Землю Обетованную, так наш безумный повезет их на смерть в холодные временные бараки. После чего империалисты возмутятся, последуют требования, угрозы... Этих угроз он и дожидается. Водородная бомба уже готова к испытаниям. Я завершил строительство колец ракетной обороны. Отныне Москва будет глядеть на мир из-за частокола ракет. Мавр сделал свое дело. Впрочем, «мавры» – мы все... Так что вскоре он сможет начинать Новый Апокалипсис. Уже без нас.

Он положил, точнее, бросил на стол передо мной очередную папку из портфеля – с очередным «Совершенно секретно».

– Это протокол допроса из сейфа Маленкова... Там, в сейфе, лежат тома, касающиеся нас всех. Этот – твой, – он придвинул папку ко мне.

Я стал читать. Это были мои допросы! Я находился на свободе, а здесь, в папке, уже давал необходимые показания. Роман в стиле Кафки! Я сознавался, что был сионистским шпионом. Следователь цитировал мне показания Полины Жемчужиной о том, что существовал заговор еврейских жен. И показания моей жены о том, что она, грузинская еврейка, занималась шпионажем по заданию «Джойнт». Передавала сведения, «полученные мною после посещения главы Правительства». И она же меня завербовала... Это все должны были выбить из нее, из меня!

Берия с каким-то упоением листал дело, тыча пальцем в нужные страницы.

– Смотри, какие интересные показания Молотова, о которых сообщает тебе твой следователь! Наш Корифей Коба – настоящий писатель! Захватывающий роман сочинил! Хорошо потренировался в тридцать седьмом году! – И он как-то вдохновенно принялся пересказывать «показания» Молотова: – «Зловещая всемирная сионистская организация “Джойнт” решила погубить народы СССР. Она начала действовать еще во времена еврейского засилья в Политбюро. Троцкий, Зиновьев, Каменев были ее агентами. Великий Сталин не успел выкорчевать до конца все ее корни, война помешала. И вот в войну, воспользовавшись народным несчастьем, Михоэлс и прочие жида, верные слуги “Джойнт”, проникли повсюду...» Здесь в сюжет вступает Полина Жемчужина... Бережливый Хозяин приберег ее для открытого процесса. Как когда-то приберег Зиновьева и Каменева. Она сознается, что через нее, еврейку, в агенты «Джойнт» был завербован ее русский муж Молотов. Далее в процесс можно включать все новых и новых участников. Оказывается, Молотов вместе с женой завербовали Микояна... Потом Микоян завербовал Хруща, Кагановича, Маленкова. Я вообще был агентом «Джойнт» с первых дней. Пока по заданию «Джойнт» мы извращали великие указания Сталина, многочисленные еврей-космополиты убивали идеологию Ленина – Сталина. Агенты – еврей-врачи убивали государственных деятелей. Проникли сионисты и в руководство Армии, и в органы Госбезопасности... где действовали под руководством Абакумова... и даже в семью товарища Сталина. Это будет невиданный, гигантский процесс. Правда, в деталях Хозяин не оригинален. Повторение тридцать седьмого. Но зачем придумывать новое, если все хорошо отработано тогда? Для народа сойдет. Главное, чтоб побольше начальников было расстреляно. Простые люди это любят. Но он уже не тот, делает ошибки... и легко глотает подставленную наживку. В результате самого верного холуя Власика *мы* сумели убрать.

Я понял: он хочет, чтобы я спросил. И я спросил:

– Кто – «мы»?

– Люди, у которых, как и у тебя, нет выхода.

– Но зачем вам я?

– Ты нам необходим... – Он выдержал паузу. – Без тебя *наш план придется переделать...*

Решайся, друг, если думаешь не только о своей жопе.

– А ты – о человечестве, дорогой? – не утерпел я.

– Нет, я о своей жопе. О человечестве думаете вы с ним. Вы ведь с ним – революционеры, – он засмеялся, – но, надеюсь, хотя бы ты сумасшедший не до конца.

И я сказал:

– Да.

– Уже завтра ты поймешь, что решил вовремя, – заметил он на прощанье.

Потом я сидел в пустой комнате Даши, вспоминал ее. Пожалуй, впервые я не боялся своего великого друга.

Я ненавижу.

Накануне апокалипсиса

На следующий день я понял, что наш Фуше воистину в курсе всего. Меня вызвали на Ближнюю к девяти вечера.

В Большой столовой я застал Берию, министра госбезопасности Игнатьева и министра иностранных дел Вышинского. (Сказать точнее, Вышинский, как и Молотов, *исполнял* должность министра иностранных дел. Но иностранными делами, как и всеми другими, руководил мой великий друг.)

Вошел Коба, и вслед за ним – Хрущев, Маленков, Булганин.

Мрачно сказал мне:

– Записывай. У нас – заседание Политбюро.

Так он теперь называл встречи с избранными соратниками. С тех пор, как из приемной исчезла лысая голова Поскребышева, он все чаще звал меня исполнять эту роль.

Я уселся за маленький столик в углу – конспектировать.

Коба также сел. Сидел один за огромным столом. «Гостям» сесть не предложил, они стояли рядком вдоль стола – Берия, Игнатьев, Хрущев, Маленков, Булганин и приехавший докладывать Вышинский.

– Товарищ Вышинский попросил нас его выслушать, – все так же мрачно сообщил Коба. – Он считает ненормальной ситуацию, сложившуюся вокруг СССР в Организации Объединенных Наций. Слушаем вас, товарищ Вышинский.

– К сожалению, в последнее время в Организации Объединенных Наций нам постоянно приходится отвечать на злобные, лживые обвинения в антисемитизме. Вот почему, посоветовавшись с товарищами...

– С кем? – как-то зло усмехнулся Коба.

– С товарищами в министерстве, – сразу потерялся Вышинский, – мы придумали, как остановить этот враждебный поток. Я предложил редакции «Правды» подготовить письмо. Все наши знаменитые евреи – деятели науки и культуры, военные, Герои Советского Союза, генералы его уже подписали. И вот теперь письмо готово. Я могу прочесть, Иосиф Виссарионович?

– Зачем? – снова усмехнулся Коба. – Перескажите содержание, этого достаточно.

– В письме выдающиеся представители еврейского народа гневно клеймят врачей – «убийц в белых халатах», выроdkов в среде еврейского народа. Гневно осуждают деятельность Еврейского антифашистского комитета, ставшего гнездом шпионажа...

– Опять – гневно? – мрачно спросил Коба.

Вышинский совсем сник и продолжал охрипшим голосом:

– В заключение авторы письма заявляют, что никакого антисемитизма в СССР нет, да и быть не может. Ибо СССР – страна подлинного высокого интернационализма... И только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР. У трудящихся евреев всего мира один общий враг. Это империалисты, в услужении которых находятся реакционные заправилы Израиля... – И я услышал те самые слова Кобы из доброго «второго письма»: – «Кто не знает, что оголтелый антисемитизм, разнузданный расизм составляют отличительную черту фашистских клик, повсеместно поддерживаемых империалистами США!»...

Вышинский закончил. Коба молча делал какие-то пометки в блокноте. Все ждали. Наконец Коба сказал:

– Ну, и зачем это письмо?

Вышинский пробормотал:

– Товарищ Сталин, я уже докладывал вам: на Западе развязана бешеная, злобная кампания...

– Если бы вы советовались не с *товарищами*, а с товарищем Сталиным, он вам объяснил бы, что ничего этого делать не надо. И хлопоты – лишние. Никаких писем после бомбы, брошенной в нашем посольстве, нам не нужно. И на вашу ООН нам попросту насрать! Я только что говорил с товарищами из «Правды», и они решили вместо публикации этого никому не интересного письма напечатать хороший фельетон. Называется «Простаки и проходимцы». В нем множество героев с еврейскими фамилиями, все они, как у нас часто бывает, жулики или вредители, которых приняли на работу доверчивые русские ротозеи, потерявшие революционную бдительность... Что вы на это скажете, товарищ Вышинский?

Вот так Коба сделал еще один, последний, главный поворот!

Вышинский в растерянности смотрел на Кобу. По-моему, до него стало доходить: Коба не разрешал евреям откупиться «кучкой буржуазных националистов». Это означало одно: он окончательно решил наказать народ.

Вышинский молчал.

Коба приказал мне:

– Запиши итог: «Приняли предложение товарищей из “Правды”». – Он опять обратился к соратникам: – Итак, у товарища Вышинского нет предложений. Тогда доложите нам вы, товарищ Игнатьев, ваши предложения по второму вопросу.

Игнатьев, несколько побледнев, начал:

– Министерство госбезопасности готово ликвидировать «пятую колонну» в столице. Грузовики дислоцированы за пределами столицы в ближнем Подмосковье, чтобы операция не потеряла внезапности. 5 марта они могут въехать в столицу и провести за одни сутки депортацию враждебного еврейского населения, как это уже практиковалось с чеченцами и ингушами. Одновременно это может быть сделано в Ленинграде и во всех крупных городах. Что касается самих евреев, то слухи о депортации просочились в их среду. Но акция не потеряла нужной внезапности, паники пока нет, и всерьез они не верят в ее возможность. Обычное рассуждение, поддержанное нашими сотрудниками в их среде: «Это невозможно, так как для этого понадобится слишком много грузовиков».

Вышинский побелел и только тихо сказал:

– Но, Иосиф Виссарионович... – И замолчал.

– Что Иосиф Виссарионович?! Бойтесь? Чего? Что это может привести к войне? Оставьте ваши меньшевистские штучки! Неужели вы так слепы? Неужели вы думаете, что господа империалисты из-за жидов начнут воевать? Если мы их всех перережем, и то не начнут! Предадут, как предали при Гитлере! Но если империалисты все-таки нападут... Эх вы, слепые котята! Капитулянты! Да мы должны мечтать, чтоб они сейчас напали, если мы революционеры... Такие, каким был Ильич. Он в сложнейшей обстановке *гремел!* – (Так вот о чем он говорил на пленуме!) – Запомните: мы никого и ничего не боимся! *И если господам империалистам угодно сейчас начать войну, то для нас нет более подходящего момента, чем этот!*

Берия мельком взглянул на меня и еле заметно усмехнулся.

Теперь я знал: 5 марта состоится депортация евреев. На Крайнем Севере и в Казахстане в эти дни было адски холодно. Туда, на смерть, отвезут всех их.

И мою жену.

Я должен, обязан был действовать.

Все сбывается

Все, о чем говорил мне Берия, исправно сбывалось в эти дни.

Скоропостижно умер довереннейший человек Кобы – еврей Мехлис. Коба устроил ему торжественные похороны. Урну с прахом бывшего начальника Политуправления велел замуровать в Кремлевской стене.

Похоронную церемонию проводил заместитель коменданта Кремля некто Косыкин. В этой ужасающей обстановке всеобщего страха несчастный Косыкин страшно боялся какого-то подвоха. Он говорил сослуживцам: «Я невезучий, боюсь, обязательно что-нибудь произойдет!»

Косыкин держал урну с прахом Мехлиса, когда грянул воинский салют. Бедняга забыл, что партийный функционер Мехлис имел воинское звание генерал-полковника, и, видимо, решил, что это взрыв. От ужаса несчастный замертво упал у стены. Разрыв сердца...

Урна с прахом Мехлиса валялась рядом.

Новый начальник охраны

Все это время Игнатьев присылал кандидатов в новые начальники охраны.

Наконец Коба остановился на генерале Б. По выprawке и орденам я понял, что он фронтовик.

Я вошел, когда Коба заканчивал разговор с ним.

– Знакомься, – он назвал какие-то русские имя и отчество.

Обычное приветливое лицо, еще молод. Услужливый, очень вежливый, постоянно извиняется и благодарит. Но достаточно органично, не назойливо.

– Покажи ему наше хозяйство, – велел Коба, – и потом отправляйся домой.

Я привел его в комнату Власика.

– Здесь вы будете жить.

Он посмотрел на меня и молча, все с тем же равнодушным лицом, передал открытый конверт. Туда была вложена записка с тремя словами: «Покажи ему *где!*» Здесь же написан пароль, которым в нашей переписке подписывался Берия.

После того, как я прочел записку, он ее забрал.

Я провел его в свою комнату и молча показал место на люстре, где был вмонтирован приемник. Он влез на стул и включил.

В тишине раздался голос Кобы:

– Сукины дети... Сукины дети...

Шаги. Он расхаживал по Малой столовой.

Новый слушал в абсолютном молчании. Выключил. И простился со мной все с тем же равнодушным, стертым лицом. Идеальным, кстати, для разведчика – его очень трудно было запомнить...

Итак, человек Игнатьева был с нами. Значит, Игнатьев – тоже? Или Берия сумел прислать «своего», минуя Игнатьева? Не знаю этого до сих пор.

Но интуиция Кобу не подвела. На следующий день я узнал, что он не принял этого кандидата. Поиски «нового Власика» продолжились.

Наконец в феврале его нашли. Ему было чуть меньше сорока. Фронтовик, смершевец. И фамилию его Коба легко запомнил – Новик. Как Власик.

«Прикрепленные» получили начальника. Не думаю, что он был с нами. Во всяком случае никакого сигнала от Берии я в этот раз не получил.

Но в самом конце февраля, то есть *накануне*, Новик лег в больницу с аппендицитом.

И *в тот день* «нового Власика» на даче не будет.

Болеет *в тот день* и комендант дачи Орлов.

«Мужской праздник»

Кажется, 21 февраля состоялась встреча, на которой Берия изложил *план*. Теперь я понял, зачем я им нужен. Впрочем, я догадывался и раньше. План показался мне слишком хитроумным и оттого опасным. На мой вкус *план* должен быть менее изощренным. В этом же присутствовало много буйной восточной фантазии. Однако ныне, через столько лет, я понимаю, что он был *единственно возможным*. Так что надо отдать должное придумавшему его мерзавцу. Решено было осуществить план 23 февраля, в день «мужского праздника» (День Советской Армии), который Коба обычно отмечал на даче.

Однако его реализацию неожиданно пришлось отложить.

Великая статуя

22 февраля Коба позвал меня на дачу.

Берия делал очередной доклад в Малой столовой, куда Коба плотно переселился. «Обуютился» – как говорил он сам.

Уже через несколько минут доклада мне стало ясно: обсуждались дополнительные средства на колючую проволоку для лагерей. Очень большая требовалась сумма. Так что нетрудно было понять, о каком притоке рабской силы задумывается Коба. Уже уходя, Берия (видимо, чтобы показать постоянную заботу о Кобе) сказал:

– Наш оперативник сообщил, Иосиф Виссарионович, что с памятником на Волго-Доне неблагополучно. Пишет, что птицы во время сезонных перелетов приспособились отдыхать на фуражке... – Он замешкался. – Но руководство области не принимает почему-то никаких мер...

Птицы, какающие на голову Вождя, – это смешно, а Коба ненавидел быть смешным. После этого сообщения о птичьих выходках он явно приготовился «послать» Берию. Но тот неспроста завел разговор. Знал, что Кобе понравится вывод:

– Я полагаю, товарищ Сталин, что следует проверить: нет ли здесь спланированной акции? Один господинчик в руководстве области имеет соответствующую фамилию. Так что неплохо бы туда отправить кого-нибудь из ведомства Игнатьева.

И тут я усмехнулся на свою беду (правда, Коба стоял спиной).

Коба мрачно сказал:

– Все это смешно. Видишь, даже Фудзи смеется над твоими подозрениями.

Проклятье! Я забыл о маленьком зеркале, висевшем у окна!

– Вот мы и отправим его туда, – продолжал Коба. – Пусть все разузнает, наведет порядок. Как ты к этой кандидатуре?

На мгновение Берия побледнел. Он не видел моей усмешки, и у него появилась понятная мысль: «Знает?!»

Но он взял себя в руки и ответил деловито:

– Пусть слетает. Я передам ему сегодня все материалы на господинчика.

Когда я прилетел на Волго-Дон, уже все было кончено. Еврея из руководства области убрали, арестовали, увезли в Москву. Да и руководство не спало ни днем ни ночью, думая, как обезопасить голову Вождя. И придумали. Через статую пропустили ток высокого напряжения...

Помню, как меня привели к памятнику. Светило совсем по-весеннему солнце.

Огромный Коба стоял в медной шинели, и медь свирепо горела на солнце. Подножие окружал ковер из мертвых птиц. Смотритель памятника (наш сотрудник) старательно работал лопатой, закапывая в землю птичьи трупы.

– Плодородная будет земля. Вся удобрена тушками. Ждите здесь летом море цветов, – весело сказал он.

Когда я уезжал, мне подкинули очередной донос, забавно озаглавленный «Анонимка».

Неизвестный сообщал: «В весеннее половодье вода постоянно обнажает берега канала. По берегам становятся видными кости и черепа заключенных врагов народа, строивших канал. Памятник нашему любимому Вождю великому товарищу Сталину вынужден глядеть

на останки зэков. Нет ли здесь обдуманной диверсии?» – интересовался заботливый гражданин.

В последний вечер я побывал в гостях у Статуи. Освещаемая лучами прожектора, она бросала в ночь красные сигнальные огни. Медный Коба, стоявший на земле, удобренной птичьими трупиками, гордо смотрел в даль, на берега, удобренные телами его заключенных.

Число установлено

Новое число установлено. В ночь с 28 февраля на 1 марта.

Завещание Кобы

27 февраля он позвал меня на Ближнюю в предпоследний раз.

Сидел, читал журнал «Знание – сила». Я начал докладывать о памятнике, но он прервал меня:

– Мне уже все рассказали. Интересный журнал. Вот пишет товарищ историк, что по популярной легенде Александр I будто бы бросил престол и ушел в Сибирь, а гроб в Петропавловской крепости стоит пустой. Хоть он доказывает, что это ерунда, думаю, неплохо бы открыть гроб и проверить. Хотя я лично ничего невероятного в этом поступке царя не нахожу... Иногда цари смертельно устают от глупости подданных. Устают душой. И тогда... как там у товарища Пушкина – «Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель тайную трудов и чистых нег...» Жизнь проста: сперва ты слишком молод, потом слишком стар. Но какой ничтожный период между этими главными состояниями человека... Ну, езжай домой, Фудзи, чувствую, торопишься к семье... А я вот... Все вокруг кричат: «Гений! Гений!» А чая выпить не с кем!

Мне вдруг стало его жаль. Так жаль, что я готов был... все ему рассказать.

Спросил:

– Коба, я хочу поехать в Лондон. Мой агент пишет...

– Тебе незачем ехать к ним, – прервал он.

– Почему?!

– Тебя арестуют в выходной, 8 марта. Но я тебе обещаю: даже после ареста жену не тронем, если... – Палец уткнулся в мою грудь. – Если передашь мне свои «Записки». Шучу, конечно. Живи на свободе, дорогой Фудзи, дорогой, тысячу лет живи. Но писания твои я хотел бы прочесть. Если, не дай Бог, схитришь, подменишь, слукавишь... сильно навредишь и себе, и близким. – Он помолчал, потом сказал: – Я тут много думал над завещанием товарища Сталина. Запиши такие мысли... – Понимаешь, товарищ Карамзин, размышляя об Иване Грозном, спрашивал: «Наш народ ли создал таких самодержцев или наши самодержцы – такой народ?» Мижду нами говоря, неумный вопрос! Каждый народ имеет только тех царей, которых в тайной глубине желает народная душа. Которых требует народный гений. Вот почему любимые цари в России – Иван Грозный и Петр Великий. Да и Николай I неплохой был царь, мы его репутацию незаслуженно подпортили. Все они соответствовали народной душе. Потому что знали: с врожденной необузданностью, неустойчивостью народной натуры нужно долго и много бороться. Но побороть ее можно лишь силой и твердостью... Вот мысли, которые товарищ Сталин обрел в книгах и на собственном опыте. Строгость по нраву нашему человеку, она для него полезнее распущенности, которая к добру не ведет. Русский народ – самый терпеливый и покорный, пока им твердо повелевают, но как только ослабят узду, впадает в анархию. Он нуждается в повелителе. И идет к прогрессу, когда чувствует железный кулак... «Держи все! Держи вот так». – Коба показал кулак. – Это прокричал Николай I сыну на смертном одре. Глупый сын не понял, и Романовы вскоре получили Революцию. Великой строгостью товарищ Сталин собрал вновь великое государство. Запиши все это сегодня в свои Записки и привези их ко мне. Не надо, чтобы такая вещь у тебя хранилась. Вот Мария Сванидзе тоже вела дневник. Теперь он у меня в большой сохранности. – (Значит, после ареста забрал!) – А то, Бог знает, куда бы эта шпионка его подевала. Там много нашего, семейного, чего посторонним знать совсем не

надо.

– Когда привезти, Коба?

– Привези завтра. Что у нас завтра?.. Двадцать восьмое... И рассуждать любила Мария. Подойдет вплотную и говорит, говорит. Хотя слушать эту дуру всегда было мукой. От нее духами так воняло... – (Коба ненавидел запах духов. Его слова: «От женщины должно пахнуть женщиной».) – Значит, завтра двадцать восьмое, – продолжал он, – и послезавтра – март. Опасный месяц для русских царей, – он взглянул мне в глаза. Надо было выдержать его взгляд и я выдержал, пока он перечислял, загибая толстые пальцы. – В марте погибли Павел I, Александр II, Иван Грозный...

(Знает? Неужто знает?)

– Но он же умер сам, Коба, – сказал я, чтобы что-то сказать и прервать этот ужас.

– Да нет, отравили, – усмехнулся он, все не отводя от меня глаз, – бояре отравили.

Продолжая в упор смотреть на меня, добавил:

– Знаешь, я часто думаю... почему я тебе многое прощаю. И мысль давно меня гложет... Тебя тоже, знаю... Хотя даже себе ты не признаешься, как и я... – Он остановился, долго смотрел на меня. Я молчал. Я уже знал, что он скажет... И он сказал:

– Мать в вашем доме убиралась... Может, потому мы похожи?.. И потому отец ненавидел, бил меня и звал выблядок? ...Если это возможно, значит не исключено? Нет, ложь! Она Бога боялась... Нет, нет и нет! Ну ладно, иди брат хуев, надоел!

Он был прав. Это всегда было между нами... Хотя мы никогда не говорили об этом. Почему он сказал сегодня? Узнал!! И перед тем, как покончить, сказал сокровенное?

Короче, я вышел, ожидая ареста.

Подошел к машине. Слава Богу – ничего! Сел в машину, велел шоферу везти домой. А если они уже ждут дома? Опять воскрес вечный мой ужас перед ним!

Но дома меня встретили только жена и дочь.

Что ж, он делал все, чтобы я решился.

Итак, вечером двадцать восьмого я должен был быть на Ближней даче – удачная ситуация.

Все-таки встретился с Мингрелом. Рассказал об опасениях.

– Ничего он не знает, – твердо сказал Берия, – рядом с ним наш человек.

Наступило 28 февраля, день, который я подробно описал в начале. Описал и то, как я очутился на его даче в тот вечер... Свои Записки, которые я привез ему и которые он так и не успел прочесть, я забрал обратно той же ночью.

Но все, что произошло в ту проклятую (или святую) ночь в Большой столовой... и то, как он оказался *после той ночи* лежащим в Малой столовой на полу... этого никто не узнает.

Я ненавижу себя за все, что сделал. Но больше всего ненавижу мерзавца Мингрела, хотя он спас жизнь мне, моей семье и, может быть, миллионам... Впоследствии я исполнил клятву, которую дал, когда Мингрел выбивал мне зубы. Я сумел немало сделать, чтобы он погиб. Чтобы ненадолго пережил моего друга Кобу. Но это уже другая история – история моего врага и моего спасителя Лаврентия. Которого ненавижу и поныне. Как и мой любимый друг Коба, я умею ненавидеть даже за гробом...

Берию арестовали через несколько месяцев после смерти Кобы.

Смешно, но он, создававший нашу систему убийств, до конца не верил, что соратники посмеют его расстрелять. Только когда его привели в подвал и прочли приговор, он поверил. И потому, когда его привязывали к крюку, вбитому в деревянный щит, закричал Генеральному прокурору: «Я хочу рассказать все. Разрешите рассказать...»

Он решил рассказать *о той ночи*... Но забыл, в какой стране живет. Генеральный прокурор, этот *наш* охранник Истины, тотчас приказал: «Заткните рот этой мрази и кончайте побыстрее». Берии впихнули в рот полотенце и обвязали полотенце тряпкой, чтоб и звука не было слышно. Я все представляю, как над белой тряпкой, на потном искаженном лице сверкали выпученные от предсмертного ужаса безумные глаза... Исполнитель выстрелил...

Так что с Лаврентием я в расчете.

Расправившись с Берией, соратники начали охотиться за мной! Но тотчас... перестали! Я хорошо усвоил уроки моего знакомца-невозвращенца Орлова. И поспешил сообщить им кое-что из Рима. Теперь они знали: коли погибну я, история убийства Кобы в тот же день попадет во все газеты мира. Я даже заботливо послал каждому из них подробное описание его роли в ту ночь...

Смешно вспоминать, как после этого письма они охраняли меня за границей. Как заботливо присылали мне иудино содержание. Так что все эти годы я жил безбедно, в полной безопасности... ненавидя себя. Ибо я так и остался тем, кем был всю жизнь: холуем Кобы, рабом Кобы и другом Кобы. Ослом при льве.

Брат мой Коба. Брат мой любимый и враг мой ненавистный.

Но с тех пор и до сегодняшнего дня одна мысль не дает мне покоя. Неужели он не понимал, что хитрейший, продувной Мингрел так просто под нож не полезет? Как он, с его подозрительностью, мог согласиться убрать преданного пса Власика? Как он, с его дьявольской интуицией, не почувствовал того, что надвигалось?

А если?..

Я часто вспоминаю, как накануне *той ночи* он читал мне: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Как хотел узнать, не убежал ли с престола царь Александр I. И как сверлил меня глазами, перечисляя царей, убитых в проклятом марте месяце... Если... он сам?! Сам искал смерти, потому что устал... душой устал? Если он сам испугался Апокалипсиса, который задумал? Неужели это, «мижду нами говоря», было самоубийство разочаровавшегося в жизни, в крови и Революции старого восточного человека? Оттого, уже обо всем догадываясь, поцеловал меня на прощание, благословляя на... Может быть, он меня тоже любил? Или... Или я хочу сделать обычным человеком моего друга Кобу, пытаюсь забыть главное? То, что отлично знали мы все, его близкие друзья: «Все человеческое было ему чуждо».

Коба умер в двадцать один час пятьдесят девять минут 5 марта. В тот самый день, когда планировал депортировать евреев и начать Апокалипсис.

Но ушел он, как и жил. В день похорон залил кровью столицу. Тысячи погибли в Москве в небывалой давке, тщетно пытаюсь прорваться, чтобы проститься с ним.

Залил он кровью и остаток моей жизни. Мою жену и дочь выпустили за границу тогда же, в 1953 году. Они обе погибли при посадке самолета в Берлине.

После чего он обрек меня на долгое умирание в пустом мире.

Но после *той ночи* я с ним – в расчете. Это и есть *конец моей рукописи*.

Два необходимых примечания к ней.

Первое.

Надеюсь, теперь, когда я передал вам свой труд, Коба отпустит меня умирать. Ваш мещанский, сытый мир совершенно не годится для одинокого старого революционера.

Интересного здесь мне уже ничего не покажут.

Я разрешаю вам использовать все, что здесь написал. События, описанные мною, проверять не нужно. Но их последовательность и даты – необходимо.

И второе.

Когда вы будете пытаться разыскать помощника коменданта Ближней Лозгачева (в чем я совершенно уверен), знайте: сие – пустое занятие. Кроме того, что он нашел Кобу на полу, этот Лозгачев ничего не знает.

Мое подлинное описание *того, что случилось той ночью*, лежит в сейфе одного из банков и будет там лежать до 2053 года.

Еще один постскриптум, последний.

Читал записи генерала Йодля перед казнью. На Нюрнбергском процессе ему показали

кадры кинохроники: руины городов, уничтоженных по его приказу, в руинах – его собственная страна... И трупы, трупы, трупы. Вопящие над мертвецами, обезумевшие от горя люди. Но никаких мук раскаяния перед смертью нет в его дневнике. Только изумление: почему обвинители не понимают, что он всего лишь солдат, честно исполнявший приказы? Перед казнью с умиротворением в душе он готовился отправиться к Богу, в которого, оказывается, всегда верил. Верил, убивая людей, зверски уничтожая тот самый народ, который родил и Матерь Божию, и всех апостолов.

Так и я, старый революционер, вскоре отправлюсь к Нему – сказать, что всю жизнь добросовестно исполнял приказы. Чьи?.. Кобы? Революции? Дьявола?

Там наконец-то узнаю.

КОНЕЦ (слово написано от руки, дрожащим почерком, видимо, самим Фудзи).

Мое расследование

Я покинул Париж через неделю после того, как получил эту рукопись. Все последние дни в Париже старательно читал газеты. Маленькую заметку нашел в воскресном парижском издании. В нем писалось, что в Латинском квартале покончил с собой русский эмигрант... Полиции удалось установить, что вместе с этим господином весьма преклонного возраста проживала молодая девушка, его экономка. Девушка исчезла, и вместе с нею, возможно, ценности, которые должны были находиться в дорогих апартаментах, принадлежащих покойному. До сих пор не удалось установить подлинные фамилии старика и девушки (оказалось, оба жили по поддельным документам).

Полиция обращалась ко всем, кто хоть что-нибудь знал об этих людях, с просьбой немедленно сообщить эти сведения.

В газете был помещен снимок – старик в костюме и галстукѣ лежит на кровати.

Имела ли заметка отношение к автору рукописи, могу лишь предполагать.

Приехав в Москву (здесь Фудзи конечно же оказался прав), я тотчас попытался встретиться с Лозгачевым, помощником коменданта дачи, обнаружившим Сталина на полу вечером 1 марта.

Он долго уклонялся от встречи – явно боялся. Я думал: какой нескончаемый страх остался навсегда в этих людях. Сталин давно истлел в могиле, но страх живет. Только после долгих уговоров по телефону Лозгачев наконец согласился.

Он предложил встретиться в метро. Видно, хотел вначале посмотреть на меня.

Встретились мы на станции Кунцевская. Он сидел на скамейке с газеткой в руках. Невысокий широкоплечий старик, осколок страны по имени СССР, очередной затонувшей русской Атлантиды. Я сел рядом, поздоровались.

Обменялись несколькими незначительными фразами. Он сказал:

– Ну, пошли.

И поднялся. То ли я произвел на него нужное впечатление, то ли он принял это решение раньше, во время моих уговоров по телефону.

Лозгачев привел меня к себе. Жил он недалеко от метро. Это была маленькая, видимо, однокомнатная квартира. В ней в тот день никого не было, кроме него. По московскому обычаю сели в крохотной кухне.

Он заварил чай.

Я начал неверно – сказал о важности его сведений, об ответственности перед Историей. Слово «ответственность» его напугало... К счастью, я это почувствовал и тотчас успокоил:

– Я буду записывать вашу речь, потом отпечатаю и дам вам проверить. Вы сможете вычеркнуть из нее все, что захотите. К тому же я не собираюсь опубликовывать или использовать это сейчас... Это – для будущих поколений, свидетельство для Истории.

– Для Истории я уже разок рассказал товарищу Рыбину. Он все записал для Истории.

– Расскажите поподробнее об этом Рыбине.

– Товарищ Рыбин работал тоже «прикрепленным» на Ближней даче. Правда, очень давно, в тридцатые годы! Товарищ Сталин его любил. Рыбин очень хорошо играл на аккордеоне любимое товарищем Сталиным «Сулико». Товарищ Сталин перевел этого

музыкального человека охранять правительственную ложу в Большом театре. Вот этот Рыбин, он уже давно на пенсии был, в семьдесят восьмом году, собрал всех нас, «прикрепленных», которые были на даче в ту ночь. Начал он, помню, торжественно: «Четверть века прошла со дня смерти товарища Сталина. Исполните ваш долг...» И попросил меня и других двух «прикрепленных» записать кратко все, что случилось 28 февраля и 1 марта... Записать, как он сказал, в секретный фонд Музея Революции. Мы все записали в этот «секретный фонд», – он усмехнулся, – об одном удивительном приказании товарища Сталина... в ту ночь, когда все и случилось. Приказание это, надо сказать, нас всех сильно удивило... и товарища Рыбина тоже... Но давайте по порядку. – Он замолчал. Молча разлил чай и начал рассказывать...

Сперва долго говорил о своей жизни, о том, как его назначили на Ближнюю дачу и о привычках Хозяина.

Наконец перешел к тому дню, точнее, к той ночи и к тому удивительному приказу Хозяина.

Показания «прикрепленного» Лозгачева. Ночь с 28 февраля на 1 марта

– В ту ночь внутри «Объекта», как мы в разговорах называли Ближнюю дачу, дежурили мы, трое «прикрепленных»... Мы никогда не назывались «охраной». Официальное наименование – «сотрудники для поручений товарища Сталина». Но сами себя мы называли «прикрепленными к Объекту»... Так вот, в ту ночь дежурили старший «прикрепленный» товарищ Хрусталев, «прикрепленный» товарищ Туков и я – помощник коменданта дачи... И еще внутри дачи находилась кастелянша Матрена Бутусова. Валечка Истомина, старшая сестра-хозяйка, была выходная. Новый начальник охраны товарищ Новик, назначенный вместо прежнего начальника Власика, лежал в больнице. И комендант дачи Орлов тоже оказался на бюллетене. Он только что приехал из отпуска и простудился. Так что, можно сказать, 28 февраля все начальство наше заболело. – Здесь Лозгачев остановился, и крохотные его глазки уставились на меня.

Я понял: он хотел отметить это.

Он помолчал и продолжил.

– Тогда на даче у Хозяина... так вся страна и мы называли товарища Сталина... были постоянные «гости». «Гостями» Хозяин именовал членов Политбюро. Пришли, как обычно: Маленков, Хрущев, Берия и Бородатый – так мы звали между собой Булганина, он единственный бородку носил... Хозяин в тот вечер чувствовал себя хорошо. – Здесь Лозгачев опять сделал паузу. Маленькие глазки-буравчики блеснули сквозь очки. Он добавил: – Когда он чувствовал себя плохо, лучше к нему не подходи... А тут добрый был... Перед приходом гостей, как обычно, мы разрабатывали с Хозяином меню. В ту ночь он велел подать молодое виноградное вино маджари. Сказал: «Дай пару бутылок сока на человека». За малую крепость Хозяин называл маджари соком. – И снова глазки уперлись в меня. Он повторил: – Хозяин чувствовал себя хорошо, и никаких крепких напитков на столе в ту ночь не было... Как обычно, он распорядился поставить на стол грузинские закуски и горячее. Все закуски я расставил до его приезда. В тот вечер он смотрел кино в Кремле, а так в последний год очень редко выезжал туда... Вернулся из Кремля на дачу первым. За ним прибыли «гости». Разделись в прихожей. Хозяин, как всегда, встретил их лично со старшим «прикрепленным» Хрусталевым. Пальто «гости» оставили на вешалке в вестибюле. Из вестибюля – дверь в Малую столовую, где в эти дни жил Хозяин...

Далее Лозгачев буквально повторил то, что записал Фудзи:

– Он обычно из всех комнат одну выберет и там ест, спит, работает. В Малой столовой стояли тогда кровать и стол. За этим столом он в те дни ел. Поест, отодвинет рукой тарелки и за этим же столом работает. Мимо этой Малой столовой через вестибюль Хозяин повел «гостей» в Большую столовую, где был накрыт стол. Это большущая зала, где он всегда принимал «гостей». Здесь, как я говорил, все заказанные Хозяином закуски уже были нами расставлены. Он велел, чтобы горячее тоже сразу принесли. Я принес, поставил на стол и вернулся в наш отсек ждать вызова. Хозяин с гостями всегда сами себя обслуживали, ведь их государственные разговоры никому из нас слушать было не положено... Я сижу, жду вызова... Через некоторое время звонок Хозяина: «Неси еще “соку”». Принес три бутылки, никаких замечаний, все хорошо. Когда он чувствовал себя хорошо, всем бывал доволен...

Лозгачев помолчал. Глазки снова буравили меня. Я понял: сейчас начнется важнейшее.

– В пятом часу, как обычно, «гости» расходились. Подали к даче их машины. Они уехали. И вот тогда Хозяин приказал нам: «Вы мне сегодня не понадобится, идите-ка все спать, я тоже иду спать». Ну, мы были очень удивлены. За все время, пока мы там работали, такое указание слышали в первый раз. – Лозгачев с усмешкой добавил: – Рыбин, узнав об этом указании, тоже сильно удивился, сказал: «Я до вас у Хозяина работал и тоже такого приказания от него не слышал никогда!»

Лозгачев замолчал, явно ожидая вопроса.

Но я онемел. Оказывается, в ту ночь, когда с Хозяином случится инсульт, он отдал никем не слышанный прежде приказ: не охранять себя!

Не дождавшись вопроса, Лозгачев продолжил:

– Мы с другим «прикрепленным» Туковым ушам своим не поверили. И все спрашиваем Хрусталева: «Неужели такое приказал?» «Да, – говорит Хрусталева. – Такое приказал».

– При чем тут Хрусталева? – спросил я.

– Как это при чем? – глазки снова уперлись в меня. – Обычно, когда Хозяин провожал «гостей», старший «прикрепленный» закрывал за ними дверь. В ту ночь старшим «прикрепленным» был Хрусталева. И Хозяин сказал все это ему. – И отдельно, медленно, уже пряча глазки, Лозгачев закончил: – Хрусталева пришел к нам и говорит: «Ну, ребята, такого я никогда не слышал. Хозяин говорит: вы мне сегодня не понадобится, идите спать».

И тогда я почти закричал:

– Подождите! *Значит этот неслышанный приказ – идти спать – вы слышали не от Хозяина, а от Хрусталева?!*

– Ну, конечно, Хрусталева пришел и сказал... Хрусталева тоже, как и мы, все удивлялся: «За все годы службы такого не слышал!» – И как-то монотонно Лозгачев добавил: – Обычно все бывало наоборот. Перед сном Хозяин позовет тебя, посмотрит тебе в лицо и спросит: «Спать хочешь?» И глазами тебя ощупает... Ну какой после этого сон?.. А в этот раз после его приказа мы все смело легли спать. – Опять буравчики ввинтились в меня.

Я понял: он закончил. Он провел меня через лабиринт к цели.

Итак, Хозяин отдал приказ, который никогда не отдавал, который они никогда прежде не слышали. Приказ – идти спать. То есть не охранять его комнаты. И что было еще важнее... не следить ночью друг за другом!

Я переспросил его:

– Вы вправду никогда не слышали от него такого приказа?

Маленькие глазки торжествовали. Он повторил отдельно:

– За все десятилетия, что мы работали, это был единственный раз, когда Хозяин сказал: «Ложитесь спать». Мы были, конечно, очень довольны, получив такое указание, и смело легли. Спали мы до десяти часов. Хозяин вставал, как правило, в двенадцать или около того... В десять утра Хрусталева сменил старший «прикрепленный» Старостин. И Хрусталева уехал.

– Хрусталева уехал?

– Я же сказал – в десять утра.

Лозгачев остановился. Он закончил, он явно сказал главное.

Итак, сообщивший неслышанный приказ Хрусталева уехал рано утром.

И я тотчас вспомнил мемуары Светланы, дочери Сталина. Она пишет, что, как только Сталин навсегда закрыл глаза, она услышала торжествующий голос Берии: «Хрусталева,

машину!»

Из всех охранников Берия обратился к Хрусталеву!

Отпив чаю, хрустнув сахарком (пил чай он по старинному, с сахаром вприкуску), Лозгачев продолжал:

– На следующее утро, хорошо выспавшись, мы сидим в своем помещении и ждем вызова. Двенадцать часов – нету звонка от Хозяина, час дня – нету, два – нет, три – нет, четыре – нету... И новый старший «прикрепленный» Старостин, сменивший Хрусталева, говорит наконец то, что уже все мы думали: «Ребята, что-то недоброе чувствую». Но входить-то в комнаты Хозяина без его вызова нельзя, он запретил. «Строго, – говорил, – накажу, если кто зайдет туда без моего звонка!» И смотрел грозно!

Глазки-буравчики яростно вспыхнули, будто в них загорелись глаза Хозяина!

– Входить мы имели право, только когда Хозяин нажимал кнопку, и у нас раздавался звонок... Такие кнопки были во всех его комнатах. Сидим. Ждем. Наступило пять часов дня. Ничего. Шесть часов – «нет движения»! Когда он спал, это у нас называлось «нет движения». И вдруг где-то в половине седьмого раздался звонок от наружной охраны: «Зажегся свет в Малой столовой... Есть движение»! Ну, мы все с облегчением вскочили, думаем: слава Богу, все в порядке. Мы уже все на своих местах, все начеку, ожидаем вызова. И... опять ничего! Семь часов – ничего. Восемь часов – вызова нет. Старший «прикрепленный» Старостин говорит мне: «Ты бы пошел, посмотрел». А я ему: «Что я, герой? Ты старший «прикрепленный», ты и иди». Сидим, годим – и ничего! В половине одиннадцатого фельдъегерь привез почту из ЦК. Почту нести Хозяину – это была моя обязанность. – (Ужас в глазках-буравчиках!) – Говорю: «Прощайте, ребята, не поминайте лихом». Подошел я к этой самой особой двери в *его* коридор, в *его* комнаты. Постоял у двери, молюсь: «Позвони, Хозяин, позвони!» Нет звонка!.. Я *сам* открыл дверь! И вошел!.. Обычно, когдаходишь в его коридор, надо громко стучать сапогами. Он не терпел, когда шли, как он говорит, «крадучись». Войдя к нему, нельзя тянуться перед ним по стойке «мирно». Он тогда говорил: «Что это ты бравым солдатом Швейком передо мной тянешься?»... И я, громко-громко стуча сапогами, иду по коридору, благо идти недалеко... Самая первая комната, слева по ходу, и была фельдъегерская, мы там оставляли почту. Я зашел в эту комнату, почту положил. Гляжу, дверь из нее в вестибюль *почему-то* открыта. Через вестибюль я увидел другую, тоже открытую дверь – в Малую столовую... И там, у столика в Малой столовой, смотрю... на полу... лежит... он! Товарищ Сталин! Хозяин! Руки, ноги отнялись! Бросился к нему: «Товарищ Сталин! Что с вами?!» Он... поднял руку! Вот так! – Почти плача, Лозгачев приподнял правую руку. – Хозяин, видно, речь потерял, а сознание еще у него осталось. Слух у него был острый, и он... вот этой поднятой рукой... наверное, звал меня... Я опять: «Товарищ Сталин, что с вами?» Вижу, под ним подмочено, и он левой рукой... поправиться хочет. Я опять ему говорю: «Может, врача вызвать?» А он: «Дз... дз...» – дзыкнул, и слышу – храп... Он захрапел! – Ужас в маленьких лозгачевских глазках, ужас и слезы! – Лежит недвижно в этой луже и храпит. На полу рядом с ним часы его наручные. На столике – бутылка с нарзаном, он, похоже, к этой бутылке шел... Я поднял часы, на них половина седьмого. Половина седьмого – это когда зажегся свет в комнате. Тогда с ним все и случилось. Плохо ему, видно, стало, он свет зажег... Нарзана пошел попить и на часы взглянуть... И упал, а часы, скорее всего, в руках у него были... И с тех пор, значит, тут лежит. Три часа лежит, выходит! Озяб, бедный, в этой луже!.. Я по домофону звоню

Старостину, кричу в трубку: «Все сюда! Мигом, быстро!» Они прибегают – Туков, Старостин, Бутусова... Дрожим все! И без слов, молча, перекладываем его на диван. Он не проснулся, не пошевелился, лежит недвижимый и храпит. Я шепчу Старостину: «Звони! Звони! Всем звони! Берии, Маленкову, Игнатьеву – всем! Звони! Помрет – и всем нам крышка!» Старостин поднял трубку его телефона с гербом СССР – «вертушку» знаменитую. А она со *всеми ними* соединена. Звонит сначала нашему начальству – министру госбезопасности товарищу Игнатьеву. Я думал, тот бросится к нам. Но ничего подобного, Игнатьев все выслушал и велел звонить Берии и Маленкову. Старостин звонит Маленкову, сообщает ему все, что случилось: нашли на полу, товарищ Сталин не говорит ни слова, только храпит... Маленков отвечает: «Сейчас сообщу Берии. Ждите». Мы сидим ждем, нет ответного звонка. Прошло целых полчаса, для нас, почитай, вечность! Наконец Маленков перезвонил, говорит, что Берию не нашел, но ищет. Прошел час после нашего первого звонка... Мы сидим – каждая минута дорога! Вдруг умрет – ведь расстреляют! И вот звонит Берия! Старостин трубку мне сует – дескать, ты нашел на полу, ты и рассказывай! Я говорю: «Товарищ Берия, это Лозгачев. У нас ЧП!» Он в своей манере – слушать не стал, сразу приказывает: «О том, что случилось, никому ни слова! Сейчас приедем»... Мы сидим около Хозяина. Малая столовая – комната небольшая, душно в ней. Он похрапывает. Я после каждого храпа счастливый, храпит – значит, не умер, значит, и мы живы! Матрена Бутусова говорит: «Давай перенесем его в Большую столовую, чтобы воздуха ему было больше». Мы из Малой столовой несем его все вместе в Большую, укладываем на турецкий диван. Время идет, и – никого. Только в три часа ночи их машины подъехали. Вошли двое пузатых – Маленков и Берия. У Маленкова были новые ботинки, они скрипели, он снял их и в носках вместе с Берией подошел к кровати... Я докладываю им все подробно, как нашел Хозяина на полу, как он дзыкнул... Но Берия прервал меня: «Ты что это, Лозгачев, панику поднимаешь? Спит товарищ Сталин, крепко спит!» Посмотрел мне в глаза, да так посмотрел! Повторил: «Спит! И ты Иосифа Виссарионовича не тревожь! И нас по ночам не беспокой!» И они... уехали! Опять мы сидим около Хозяина, он храпит, а мы ждем в ужасе, что будет. Только в восьмом часу приехал Хрущев... Следом за ним – врачи. В половине девятого они прибыли... Упал-то он в седьмом часу вечера, *четырнадцать часов пролежал без врачей.*

И опять на меня уставились маленькие глазки: все ли я понял?

Он продолжил:

– Тут началось! Врачи перепуганные. Еще бы: сколько их тогда арестовали! Глядят на него, дрожат. Им надо его осматривать, а у них руки «на рояле играют» – трясутся. Зубной врач снял с него протезы и от страха выронил прямо на пол... Что тут было! Врач сам чуть не умер. Главный профессор Лукомский говорит: «Надо рубашку снимать, давление измерять». Но сам не может, дрожит. Пришлось мне. Разрезал рубашку и глазком одним на Хозяина посмотрел... тоже боялся... Нет, спит, храпит. Стали ему мерить давление... Тут руководства понаехало очень много. Съехались все члены Политбюро... оно по-новому тогда называлось... Они подходили к дивану. А те, кто рангом пониже, смотрели на Хозяина, не входя, в открытую дверь. У дивана встали самые важные – Маленков и Берия, Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян... Молотова не помню. Мне в дверях стоять велели, чтоб в комнату посторонние не входили. Хрущев почему-то войти не захотел, держался рядом со мной у дверей. Помню, наш министр госбезопасности товарищ Игнатьев приехал, но пройти тоже побоялся, в дверях топтался. Ну все-таки наш начальник, я говорю: «Что вы стесняетесь, заходите». Но он все-таки не вошел... В это время врачи диагноз поставили: удар и кровоизлияние случилось в мозгу. Отлегло от сердца – значит, нас не посадят... Тогда же, утром второго марта, привезли Светлану, потом приехал сын Василий. Василий был, как часто случалось, подшофе. Подошел к кровати, посмотрел на отца и ушел к ребятам – чекистам. Там шумел в служебном помещении – дескать, отца убили, мол, что вы смотрите, арестовывать надо! Но кого арестовать – не сказал. Пошумел и уехал... Светлана долго сидела. Потом каждый день приходила. Все эти дни Хозяин в бесчувствии лежал. А я в дверях стоял. Иногда он стонал. Однажды открыл глаза и посмотрел осмысленно. Тогда Ворошилов закричал: «Товарищ Сталин, мы здесь, твои верные друзья, твои соратники! Как ты себя чувствуешь, дорогой?» Я тотчас бросился в комнату. Гляжу из-за плеча Ворошилова на Хозяина – может, распоряжения какие будут. Но Хозяин... закрыл глаза и опять заснул. Потом руководство разъехалось. Говорят, уехали в Кремль в его кабинет... На следующий день 3 марта опять приехали к постели, потом опять в Кремль, в его кабинет. И так каждый день...

Лозгачев замолчал.

Помолчал и я, прежде чем подойти к *тому* вопросу.

– Значит, необыкновенный был этот приказ – не охранять?

– Можно сказать так, совсем необыкновенный.

– Кому-нибудь из вас не показалось странным такое совпадение: этот *необыкновенный* приказ – и в ту же ночь смертельный удар?

– Как не показалось! Конечно, показалось... Видать, совпадение такое печальное вышло. Такая у него судьба.

Здесь я и задал *тот* вопрос.

– Не мог ли Хрусталев сообщить вам то... чего не говорил Хозяин?

Как маленькие глазки блеснули! И тотчас погасли, исчезли в морщинках. Ждал он вопроса!

– Да что вы! Хрусталев был предан Хозяину! Так убивался...

– А нельзя ли мне повидаться с Хрусталевым?

И опять блеснули лозгачевские глазки.

– Умер. Вскорости после Хозяина... Сильно, видать, переживал его смерть. Он никак с Хозяином расстаться не хотел. Даже ходил на вскрытие – посмотреть, нет ли следов каких нехороших на теле... Может, ночью, пока мы его не охраняли... Но вернулся и сказал нам: «Ничего такого не нашли, огарочек маленький в легких. Но это результат процедур... Аппарат искусственного дыхания это сделал»... Нет, он крепко любил Хозяина, и его, как и нас всех... мучил тот приказ. «Как же так, – говорил, – никогда такого приказа не слышали, и вдруг после него умер. И ведь чувствовал Хозяин себя хорошо». Только к ночи немного *хрипел*. Но это от трубки... Он хоть курить бросил, но иногда нет-нет да и закурит трубку!

– Хрусталеv предполагал... что-нибудь?

– Не знаю. Мне никогда ничего об этом не говорил... У нас вообще много говорить было не положено.

– У Хозяина были двойники?

– Басни это все! Хозяин очень подозрительный был. Ни за что не допустил бы двойника. Нет! Исключается!

Но я все-таки сказал:

– Я слышал, при нем был один грузин... с детства знакомы. Хозяин его любил. Говорят, был на него очень похож.

– К нему приезжали разные грузины. Они по-грузински между собой разговаривали, – коротко ответил Лозгачев. – Более не знаю. Я за дачей следил, чтобы все на ней было в порядке... Ну вот, я вам все рассказал.

На этом разговор и окончился.

Я часто вспоминал потом нашу беседу... Прошло несколько лет, прежде чем я понял, что не тому удивлялся. Удивляться следовало не тому, что Лозгачев долго не решался мне рассказывать, но тому, что он решил рассказать. Оказалось, что все «прикрепленные» давали подписку о неразглашении того, что происходило на «Объекте». И подписки этой в восьмидесятых годах никто не отменил. Ведь тогда еще существовала страна по имени СССР. Существовала и партия, которую Коба справедливо называл «орденом Меченосцев», и она еще правила государством. Но Лозгачев все-таки согласился со мной встретиться!

Да, он встречался до этого с Рыбиным. Но тот работал в КГБ, сам был прежде охранником на Ближней даче, являлся коллегой Лозгачева. И Рыбин передавал свои записи в секретный архив Музея Революции. То есть – в молчание.

Но рассказывать мне – это рассказывать *всем*!

Тогда почему Лозгачев на это пошел? Зачем? Ответ один: он хотел, чтобы я рассказал *всем* то, что он не имел права рассказывать! *Те удивительные факты* последней ночи Кобы.

Итак, четыре удивительных факта:

1. В ту судьбоносную ночь «прикрепленные» услышали невозможный, невероятный приказ Хозяина. Но услышали его не от Хозяина, а от одного из них – Хрусталева. Это был приказ идти спать. В результате этого приказа комнаты Хозяина в ту ночь не охранялись. И главное – они не следили друг за другом.

2. В ту же ночь после этого невозможного приказа у неохраняемого Хозяина случился смертельный удар.

3. Самое поразительное: узнав, что с Хозяином что-то произошло, никто из соратников

не поспешил к нему. *Они, дрожавшие перед ним, не примчались тотчас на дачу... будто точно знали, что спешить не надо, что он обречен.*

4. Хрусталеv, передавший тот невозможный приказ, вскоре после этого умер.

Уже в разгар перестройки мне удалось прочесть в Музее Революции те самые показания «прикрепленных» Лозгачева, Тукова и Старостина, записанные Рыбиным.

Да, действительно, они рассказали ему о поразительном приказе Хозяина... И сообщили Рыбину одно и то же. Цитирую:

«Такого распоряжения Сталин никогда раньше не давал» (Туков).

«“Я, – говорит Сталин, – ложусь спать, и вы ложитесь спать...” В прошлом не помню, чтобы Сталиным была дана такая команда: “Всем спать”» (Лозгачев).

Что же случилось той ночью? (версия)

Прежде чем попытаться вообразить события той ночи, я посетил Ближнюю дачу.

Помню, приехал туда и, как ищейка, пошел по комнатам... Сначала в пристройке осмотрел комнаты «прикрепленных». В одной из них бывал и даже ночевал герой рукописи Фудзи. Здесь же была комната верного Власика (он пережил Хозяина – освободился из заключения и благополучно умер своей смертью). Из комнаты Власика хорошо просматривался подъезд к даче и машины, на которых приезжали «гости».

Здесь же – обитая кафелем кухня. И комната тайной жены Кобы – Валечки Истоминой.

Я прошел по узенькому коридору пристройки и подошел к Священной Двери.

Открыл ее и попал в его апартаменты, в длинный коридор, покрытый деревянными панелями. По обеим его сторонам – комнаты Хозяина.

По коридору я дошел до Большой столовой, где было застолье в ту ночь 28 февраля.

Здесь у окна висел жутковатый портрет Ленина. Это был Ильич в последние годы жизни, когда его мучили необъяснимые головные боли и когда он назначил Кобу Генеральным секретарем. Здесь по-прежнему стоял тот диван, на который перенесли Кобу из Малой столовой и на котором, не приходя в себя, он встретил свой последний час. Диван был застелен. Белоснежная простыня, подушка, одеяло...

– Мы нашли это белье в шкафу в Малой столовой. Туда сложили его после смерти Сталина. Это то самое белье, которое было на этом диване в его последний день, – пояснила нынешняя комендантша дачи.

Я смотрел на *то самое* белье, на *тот самый* диван... Я много раз читал, что описывала в книге его дочь: «Отец умирал страшно и трудно... Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемы, губы почернели... Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах... В последнюю уже минуту он вдруг открыл глаза... Это был ужасный взгляд – то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью... И тут... он поднял вдруг кверху левую руку и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Так что, если перед смертью он открыл глаза, он должен был увидеть грозное лицо Ильича, висевшее прямо перед диваном.

Но все это была лирика. А что же все-таки случилось в ту ночь?

Я отошел от дивана Смерти к огромному столу. Стол, за которым сидели его «гости» в тот последний вечер – Хрущев, Маленков, Булганин и Берия (Большой Мингрел, на которого Коба охотился уже почти открыто).

Из Большой столовой я вернулся в вестибюль.

Сюда «гости» вышли после ночного застолья в пятом часу утра. Здесь до сих пор стоит вешалка. Они сняли тогда с нее свои пальто, оделись и, попрощавшись с Кобой, прошли в сад. Здесь их ждали машины.

Шелест машин по асфальту, они уехали... Хрусталева запер входную дверь. А Коба?

Он отдал небывалый приказ: «Не охранять!» И удалился в ближайшую к выходу Малую столовую... Оставив *почему-то* открытой дверь из Малой столовой в вестибюль.

В Малой столовой *за незакрытой дверью* (как показал Лозгачев) он провел последнюю ночь.

Я вошел в Малую столовую, увидел кровать, на которой он спал тогда. Кровать, застеленная бархатным, красным восточным покрывалом. Рядом – турецкий диван, куда его с пола перенесли «прикрепленные»... Чтобы потом перенести в Большую столовую на точно такой же турецкий диван.

Здесь в центре Малой столовой по-прежнему находился столик, на котором в ту ночь стояла бутылка нарзана. К ней он и шел выпить воды. Но не дошел...

Прямо напротив столика – та *не закрытая* дверь в вестибюль.

Через вестибюль видна еще одна комната – фельдъегерская, куда Лозгачев принес почту. Здесь – большой платяной шкаф, столик и телефон.

И две двери. Одна – из коридора, через которую вошел в фельдъегерскую Лозгачев. Другая ведет из фельдъегерской в вестибюль. Она тоже оказалась *открытой* в ту ночь.

В эту открытую дверь, глядя через вестибюль, Лозгачев и увидел другую незакрытую дверь – в Малую столовую.

А за ней – лежащего на полу Хозяина!

Итак, что же мы имеем?

Рукопись Фудзи, где написано, что «был План... План хитроумный и оттого опасный». И слова Берии: «Ты нам необходим. Без тебя наш *план придется переделать*...». Почему? Ответ ясен. Фудзи намекает на него тысячу раз: *потому что Фудзи очень похож!*

Итак, в полутьме плохо освещенного вестибюля их сходство могло быть абсолютным.

Что отсюда следует? Что тот, кто отдал странный приказ Хрусталеву, был... не Хозяин?

Кто-то очень похожий на Хозяина вышел под утро из дверей Большой столовой вместе с «гостями». И велел «прикрепленным» идти спать.

«Кто-то» – это, конечно, Фудзи, без которого *план пришлось бы переделать*.

А где же был в это время сам Коба?

Реконструкция (версия)

Попробуем представить все по порядку. Итак, Фудзи, привезший Кобе свои Записки, Ближнюю дачу не покинул. Но схоронился в том самом большом платяном шкафу, который до сих пор стоит в той самой фельдъегерской, где оставляли почту из ЦК. Это было возможно, если по Плану ему предстояло... заменить Кобу! И это было возможно, если все «гости» – вся приглашенная на ужин четверка – были в заговоре. Если все они не захотели покорно ждать смерти, и Берия сумел сплотить их.

Во время застолья Хозяин попросил принести еще вина, и вино принесли. Но в эту бутылку люди Берии ввели подарок – препарат из Лаборатории X.

Я даже могу назвать этот препарат. О нем сообщил мне человек, хорошо понимающий в подобных разработках. Он написал мне:

«По роду своей деятельности я много лет связан с фармацевтикой и особенно с высокоактивными лекарственными субстанциями. Я имею все основания полагать, что Сталин был отравлен каким-либо сильным антикоагулянтом из группы кумаринов, скорее всего варфарином. Это вещество отвечает всем требованиям «гладкого» отравления. В ничтожных, почти гомеопатических дозах варфарин провоцирует в течение нескольких часов обширный инсульт. Он практически был необнаружим тогдашними методами химии и биохимии.

Что самое интересное: для кумаринов (варфарина) существовали эффективные antidotes (то есть противоядия). Например, широко известный сейчас викасол».

Это и была, скорее всего, «та самая» разработка Лаборатории X, которую Берия применил против Хозяина.

Моя версия «последнего застолья» такова:

1. Варфарин легко ввести шприцем через пробку винной бутылки – одной капли хватит с головой на десять человек. Достаточно было на пять минут получить доступ к сталинскому вину.

2. Все сотрапезники Сталина были в стоворе и все приняли антидот (противоядие) до того, как приехали на дачу.

3. Итак, яд был в вине, но и гости спокойно могли пить его из отравленной бутылки вместе со Сталиным.

4. После ужина все гости разъехались по домам и дома продолжали принимать препараты, препятствующие подъему кровяного давления.

5. Варфарин или нечто подобное был дан Сталину в сочетании с сильнодействующим снотворным.

Коба, выпив вина, тотчас заснул за столом. Тогда пошли за Фудзи в фельдъегерскую. Спешили, волновались и оттого оставили открытой дверь.

Вместе с Фудзи впятером перенесли Хозяина в Малую столовую и уложили на кровать.

После чего Фудзи сбрил бородку и приклеил усы. Старому разведчику все это было не впервой. Он надел китель Хозяина, его штаны и сапоги. И вернулся с «гостями» в Большую столовую.

В половине пятого утра, как обычно, звонком вызвали в вестибюль Хрусталева.

И пока беспомощный Хозяин спал в Малой столовой, Фудзи в его мундире вышел с «гостями» из Большой столовой, провожая их. Он отлично знал, что к ночи у Хозяина садился голос... К тому же после застолья голоса звучат немного иначе. Так что наш разведчик в полутьме вестибюля смог успешно прохрипеть с грузинским акцентом Хрусталеву:

– Вы мне сегодня не нужны, идите спать. Я тоже иду спать.

И ушел в Малую столовую, где подождал, пока уйдет Хрусталев и вместе с ним пойдут спать все «прикрепленные». Сидел, ждал и смотрел на спящего на кровати погубленного им Друга-Врага.

Картина конечно же потрясла его, так что разведчик Фудзи не до конца был аккуратен. Покидая дачу, забыл закрыть дверь в комнату погубленного Друга.

В саду у дачи дежурил внедренный в наружную охрану человек Берии.

Берия ждал Фудзи в своей машине.

Но кавказское здоровье Кобы! Недаром до шестидесяти лет он ни разу не обращался к врачам! В половине седьмого он все-таки очнулся. Коба чувствовал страшную дурноту, должно быть, пытался тщетно вспомнить, что было вчера. Он зажег свет и пошел к бутылке с водой.

Но на большее его не хватило. Лаборатория не подвела. Яд спровоцировал удар.

Есть другой вариант, куда менее авантюрный. Он также начинается с того, что Фудзи Ближнюю дачу не покинул, спрятался в шкафу в фельдъегерской.

У него был сподвижник, человек Берии – «прикрепленный» Хрусталев.

После окончания застолья, проведив «гостей», Хозяин отправился спать. И тогда Хрусталев передал «прикрепленным» ложный приказ Хозяина – «идти спать».

И все они его исполнили.

После чего Фудзи вышел из фельдъегерской, вошел в неохраемую комнату Хозяина и распылил газ все из той же Лаборатории Х.

При помощи еще одного соучастника из наружной охраны он благополучно покинул дачу.

Но и в первом, и во втором случае Хрусталев был обречен.

В одном – как участник, в другом – как невольный несчастный соучастник, пытавшийся потом разобраться в случившемся.

Все это мои предположения. Но где-то лежит рассказ Фудзи и терпеливо ждет середины наступившего нового века.

Великие деяния... Великая кровь... Великая тщета... Приходит ветер и уходит ветер. И все возвращается на круги своя. И кто-то построит очередной Вавилон на крови, который в очередной раз будет разрушен. Дом, построенный на крови, стоит на песке. «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».

Евангельские истины, которые учил маленький друг маленького Фудзи, ученик духовной семинарии Сосо Джугашвили.

И которые забыл Иосиф Сталин.

КОНЕЦ

В.М. Молотов подписывает Договор о ненападении между Германией и СССР. 1939 г.

И. фон Риббентроп подписывает договор о ненападении между Германией и СССР. 1939

г.

Адольф Гитлер, генералы Кейтель и Паулюс в России. Октябрь 1941 г.

Рихард Зорге. 1940 г.

Адольф Гитлер. 1942 г.

Черчилль, Рузвельт и Сталин. Тегеран. 1943 г.

Иосиф Сталин. Тегеранская конференция. 1943 г.

Анна Сергеевна Аллилуева

Анна Аллилуева (справа) с подругой (предположительно Евгения Аллилуева)

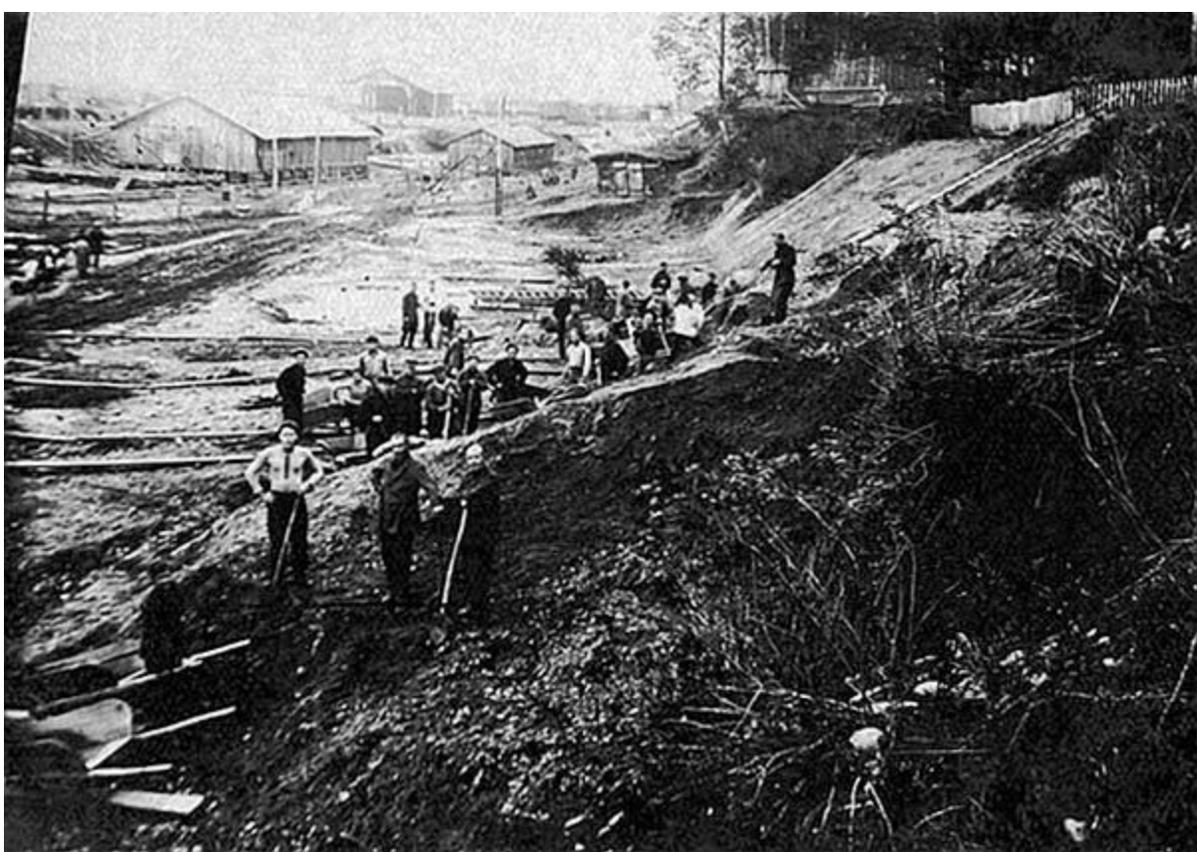
Иосиф Сталин. 1945 г.

В.М. Молотов и Полина Жемчужина (справа) на отдыхе. Минводы

Маршал Жуков подписывает Акт о капитуляции Германии. 8 мая 1945 г.

Заключенные за работой. 1940-е гг.

Открытие Олимпиады 1953-го г.

Рауль Валленберг. 1944 г.

Нюрнбергский процесс: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп. 1946 г.

Генерал Абакумов. 1940-50-е г г.

Андрей Жданов. 1939 г.

Иосип Броз Тито. 1950-е гг.

Сталин и Мао Цзэдун. 21 декабря 1949 г.

Гвардии генерал лейтенант авиации Василий Иосифович Сталин. 1949 г.

Соломон Михайлович Михоэлс. 1950-е гг.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

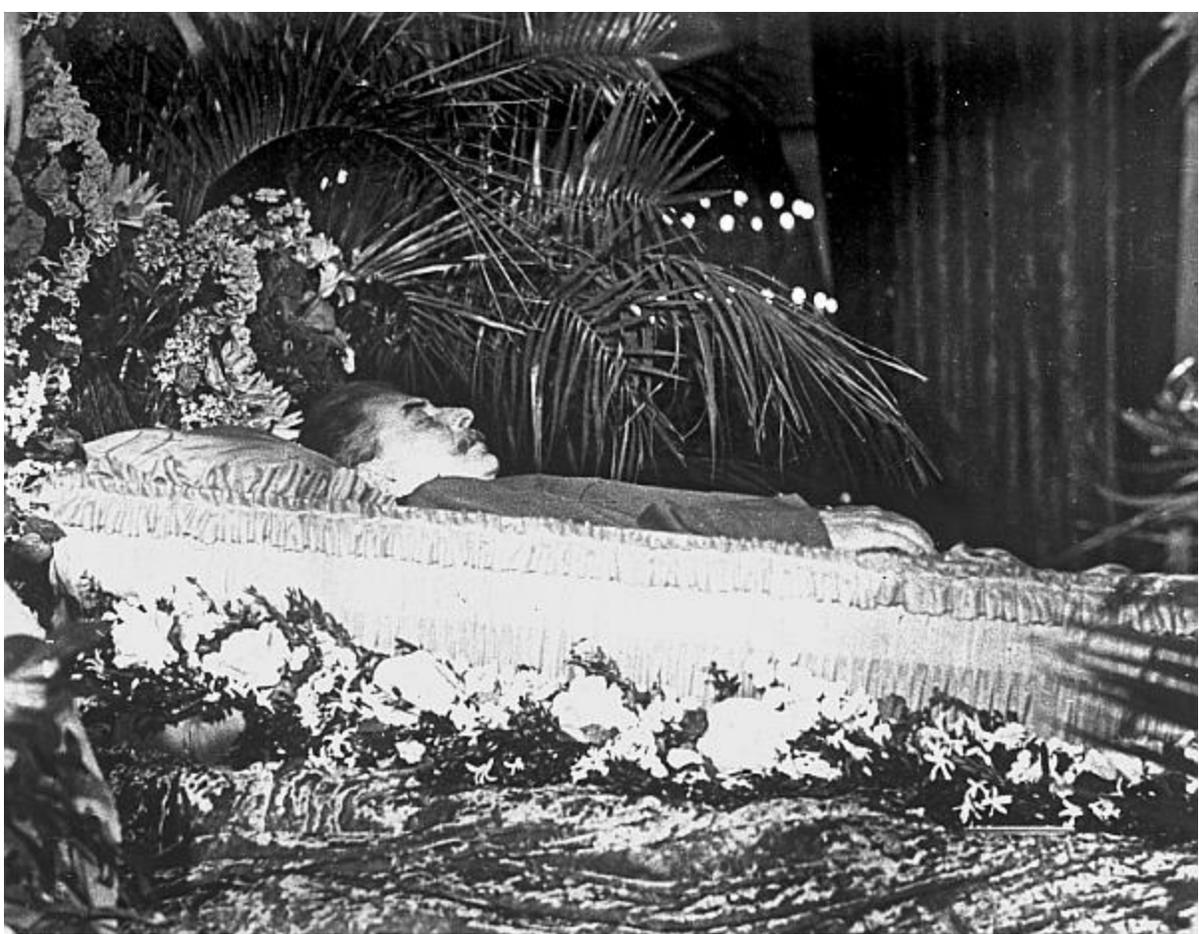
В Колонном зале Дома союзов 6 марта 1953 года. Руководители Партии и Правительства у гроба Иосифа Виссарионовича Сталина.

**ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

Руководители партии и правительства у гроба И.В. Сталина в Колонном зале Дома Союзов. 6 марта 1953 г.

Памятник Сталину в Сталинграде на канале Волго-дон

Колонный зал Дома Союзов. И.В. Сталин в гробу

Члены Советского правительство на похоронах И. В. Сталина

Посмертная маска И. В. Сталина. Рисунок.

Москва прощается с И. В. Сталиным